

Александр ПИЛЯСОВ

Эликсир от пресыщенности

Год прошёл – проблемы те же

Год назад, когда мир немного пришёл в себя от первой волны распространения коронавирусной инфекции, нам посчастливилось встретиться с Александром Пилясовым, доктором географических наук, специалистом по Арктике и исследователем русского Севера (МС, №4, 2020, «России не дадут заснуть»). Теперь, год спустя, мы вновь решили поговорить с Александром Николаевичем, чтобы разобраться – в чём же польза Арктики для нас? Возрождение инженерной культуры в России и коронавирус в Исландии, романтика Олега Куваева и встречи с президентами, прыжки с парашютом и хохот шамана – в беседе Александра Пилясова с Александром Рязанцевым.

– Александр Николаевич, очень рад, что мы с вами встретились спустя год для того, чтобы продолжить разговор о Севморпути и роли России в Арктике!

– Взаимно, я тоже очень рад! В прошлый раз было очень суетно. Помню, как мы пришли в тот дворик перед редакцией, очень уютно и приятно там посидели. Вы большие молодцы, что сохраняете свою организацию, боретесь за неё! Нужна бешеная энергия для того, чтобы в такое непростое время и в такой сложной ситуации искать партнёров, договариваться, нести своё слово в массы. Есть столетние организации, которых за полгода как корова языком слизывают... А вы держитесь, чему я искренне рад. Это заслуга и главного редактора, Вячеслава Вячеславовича Огрызко, и всего вашего коллектива. Видно, что собралась команда единомышленников.

– Спасибо вам большое за такие слова! Мы искренне ценим любую поддержку и всегда открыты для интересных, важных разговоров – например, о Севморпути, который мы подробно обсудили в ходе нашей прошлой встречи год назад. Вы подробно рассказали, какие у нас проблемы с Севморпутём и что нужно сделать, чтобы их разрешить. Вас услышали, спустя год?

– Год-то был тяжёлый, кризисный. И у нас некоторые проекты, деликатно выражаясь, ушли вправо, и сроки были сдвинуты. Я бы так сказал – значительно чётче стала звучать тема круглогодичных перевозок, когда Новатэк стал выходить на очень позднюю поставку сжиженного природного газа на азиатские рынки, это было в январе-феврале, в «мёртвые месяцы». Подобные изменения в сроках неизменны и неуклонны. Наши компании готовы сотрудничать с азиатскими рынками в дол-

госрочной перспективе; это новая реальность, в которой нам всем предстоит жить.

– А что думают по этому поводу наши партнёры из Азии?

– Китайцы, например, тоже рассматривают сотрудничество с нами в долгосрочной перспективе и продолжают свою практику пилотных проходов по Севморпути. Но что нового? Как раз те опасности, о которых я говорил год назад – например, околуполосный маршрут, который будет игнори-

№ 4 (134), 2021

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Иван КОРОТКОВ

Компьютерный набор
Дизайн/Вёрстка
Ольга ПЕЛЕНКОВА

Подписано в печать 23 августа 2021 года

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65

www.north.litrossia.ru
E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в ФГУП
«Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Заказ 675к

СОДЕРЖАНИЕ

- Время, вперёд!
Александр ПИЛЯСОВ
Эликсир от пресыщенности. Беседу вёл Александр РЯЗАНЦЕВ..... **1**
- Тайны Ямала
Александр ПЕТРУШИН
Без права на свободу..... **5**
- На службе Родине
Олег ХИМАНЫЧ
К нам пожаловал «Гремящий»..... **11**
- В борьбе за Баргузин
Олег ЕРМАКОВ
Котомка да посох..... **17**
Валерий МЕНЬШИКОВ
Мы длимся как космическая связь **21**
- Живая природа
Олеся КУЖЕЛЬ, Ольга ШАДРИНА, Алёна МАКАРОВА
Чтобы не вымерли, как динозавры..... **24**
- В небе Арктики
Сергей СПИРИН
Чудо у Мыса Шмидта..... **27**
- Последний романтик
Вячеслав ОГРЫЗКО
Начальство изговнило сценарий, режиссёр изговнило то, что осталось..... **29**
Виктор СМИРНОВ
Кто расскажет правду о бичах..... **55**
Александр РЯЗАНЦЕВ
Труба Олега Куваева..... **60**
- Дух русской индеанистики
Андрей ВЕТЕР (НЕФЁДОВ)
Голоса..... **63**
- Байки северных гарнизонов
Алексей ТАРАБРИН
Небывалое бывает..... **71**
- Проза
Александра АЛГАДЬЕВА
На берегах Вольи. Предисловие Еремея АЙПИНА..... **77**

ровать наш Севморпуть, если мы будем долго менжеваться, и иностранные корабли просто будут идти высокополюсным маршрутом, если лёд будет отступать дальше... Так вот, уже получена информация, что китайский дизельный ледокол, «Снежный дракон-2», должен пойти этим летом прямо к полюсу. Соответственно, усиливается интерес к околополюсным маршрутам – независимым от России. Конечно, пока много рисков, поэтому на него ещё не особо рассчитывают, но, тем не менее, тестирования уже проводятся. Так что наши западные коллеги и Китай рассматривают возможность использования таких маршрутов. 2021 год это наглядно показал.

– А можно ли как-то обобщить тенденции этого года?

– Диверсификация спектров грузов по Севморпути. Ванкорский кластер по-прежнему актуален... Но если обобщить, то главная тенденция такова – всё сдвигается к морской логистике. Даже проекты, которые планировались как сухопутные, – тот же Ванкорский, – теперь встраиваются в схему, которая тяготеет к Севморпути, – то есть, к морю. Этот процесс идёт уже примерно 10-15 лет.

– А как прошёл Международный конгресс по арктическим социальным наукам в Архангельске? Ведь он проходил во всех арктических державах, кроме России...

– Всё прошло хорошо. Мероприятие проводилось в гибридном формате – примерно 50 очных участников и где-то 850 участников, присутствовавших в режиме «онлайн». Несмотря на ограничения, введённые во всём мире, я считаю, что конгресс прошёл успешно, – прозвучали тёплые приветствия от международных арктических комиссий, представителей Арктического совета, озвученные в видеозаписи, провели секционное заседание, посвящённое российским социальным исследованиям в Арктике, где выступили наши специалисты

начиная от Андрея Головнёва, руководителя Кунсткамеры, и заканчивая Натальей Новиковой, ведущим научным сотрудником Института этнологии, получившая приз Международной ассоциации социальных исследователей Арктики. Впервые за 30 лет эту награду получил российский исследователь – это очень серьёзное, большое, приятное достижение.

– Как относятся наши западные коллеги к роли России в современных международных отношениях в арктическом направлении?

– Прежде всего отмечу, что многие западные исследователи участвуют в наших арктических проектах, что подразумевает уважительное отношение к нашей деятельности в арктическом регионе. То, что Россия даёт нашим коллегам возможность для изучения арктического региона, дорогого стоит и высоко оценивается. Правда, в последние два года всё это притормозилось, из-за чего многолетние наблюдения в Арктике прервались. Будем надеяться, что ненадолго.

– Пандемия сильно помешала международному сотрудничеству между арктическими державами?

– Не сказал бы, чтобы очень сильно – всё же есть возможность настроить видеосвязь и всё обсудить, без необходимости использования деловой переписки или организации поездки в другую страну. Например, не так давно у нас была очень интересная онлайн-встреча с Олафом Гримссоном, бывшим президентом Исландии. В ходе нашей беседы он озвучил очень интересную позицию: на его взгляд, в заседаниях Арктического совета, который не так давно стала возглавлять Россия, должны чаще принимать участие высшие должностные лица Российской Федерации. Именно на официальных заседаниях. «Ведь вы арктическая страна, у вас столько территорий в Арктике, потому что на заседания Ар-

ктического совета должен присутствовать не только Николай Корчунов, но и Сергей Лавров. Тем самым вы проявите уважение к Арктике, ведь от лица России будет выступать Министр иностранных дел РФ». Я пообещал ему, что передам это пожелание нашим российским коллегам.

– А что скажете про Гвюдни Йоуханнессона? Он сейчас президент Исландии, в прошлом – профессиональный историк и переводчик романов Стивена Кинга...

– Да, Исландия – маленькая страна, здесь всякое может произойти (улыбается). Гримссон был человек с харизмой, тогда как Йоуханнессон человек всё же другого калибра, поменьше. Гримссон всегда стремился вывести Исландию на глобальную политическую повестку, тогда как сегодняшний президент проводит довольно локальную политику.

– Как я слышал, Исландия полностью сняла все внутренние антикоронавирусные ограничения. Это правда?

– Начнём с того, как там коронавирус появился. Он был занесён несколькими исландскими туристами в феврале 2020 года, вернувшимися из Италии. Были использованы жёсткие ограничения, которые, во многом из-за небольшой площади страны, привели к положительным результатам, – вплоть до того, что страна отказалась от каких-либо ограничительных мер. Но боюсь, что из-за мутаций этого вируса возможны новые вспышки, в том числе и в Исландии. Правительство страны это хорошо понимает, потому неделю назад были вновь введены ограничительные меры – обязательное ношение масок, перенос публичных мероприятий и так далее.

– Интересно, что, согласно официальной статистике, за полтора года пандемии в Исландии умерло от ковида всего 30 человек – при том, что население страны составляет

около 360 тысяч человек. Но риски всё равно остаются?

– Подобная статистика – это следствие вовремя принятых и правильно организованных ограничительных мер. Для того же, чтобы ответить на вопрос о рисках, нужно чётко знать структуру авиAPERелётов – они восстановились до кризисного уровня, или нет? Это важно, потому что Исландия – это транспортный хаб между Европой и Америкой. Существуют, к слову, прямые рейсы между Бостоном и Рейкьявиком – например, Майкл Керри, который выступал перед нами в столице Исландии, прилетел напрямую из Бостона. Мне говорили, что он прибыл спецрейсом, но позволю себе с этим не согласиться: я был в аэропорту Рейкьявика и нашёл этот рейс на табло. И понял, что Майкл Керри прилетел в Исландию обычным регулярным рейсом. Так что, для того, чтобы понять, остаётся ли угроза распространения коронавирусной инфекции серьёзной, следует обращать внимание на структуру авиAPERелётов – восстановилась ли она, или нет.

– В России вспомнили Олега Куваева. Вячеслав Вячеславович пишет статьи и книги о нём, «Территорию» начали переиздавать... Вернёт ли это забытую, казалось бы, романтику скитаний, путешествий, научных открытий? Или она ушла безвозвратно?

– Нет, романтика никуда уйти не может. Я бы так сказал – возвращение к Куваеву говорит о поиске альтернативы обществу потребления, очень комфортному, в которое мы окунулись тридцать лет назад после долгих лет дефицита и воспринимали как манну небесную. Вот оно, вроде, то самое изобилие, о котором мы мечтали в советское время! Но в определённый момент это изобилие ломает человека, и ему нужно как-то самоутверждаться – потому он начинает заниматься экстремальными видами

спорта, прыгать с парашютом... Ему нужен адреналин для того, чтобы утвердить себя как в собственных глазах, так и в глазах окружающих. Потому творчество Куваева надо рассматривать в контексте последних 30 лет, того опыта, который мы получили за то время, что живём в обществе потребления.

Так вот, роман Куваева «Территория» в советское время пробуждал в нас ностальгию по независимости, по свободе от идеологического диктата. Люди погружались в этот роман и находили в нём некий элемент диссидентства – вот мы ищем золото, ни от кого не зависим, остаёмся наедине с природой и её законами... Геологи обладали идеологической нейтральностью, и потому в «Территории» советские читатели искали свободу. Соответственно, это была потребность, которую творчество Куваева вполне удовлетворяло.

Сейчас всё повторяется, только контекст иной. Общество пресытилось постоянным потреблением и пытается опять обрести независимость, свободу. И Олег Куваев вновь становится актуален, он дарит нам эликсир от пресыщенности. Вот мы потребляем – а ради чего живём? Ведь нельзя найти смысл жизни в новом «кадиллаке» или бутылке дорогого вина. Они нам дарят не смыслы, а создают лишь зону комфорта. Тогда как проза Куваева подсказывает нам, какие же смыслы в жизни, ради чего нужно работать, отдыхать, развиваться... По той же причине обрели удивительную популярность книги моего друга и коллеги Володи Серкина про шамана, который рассказывает читателю, ради чего нужно жить, какие смыслы скрыты в обыденности, – то есть, то, чего «кадиллак» никогда рассказать не сможет. Потому книга «Хохот шамана», начинавшаяся как скромный магданский проект, куда Володя вложил свои собственные деньги, чтобы издать, превратилась в бестселлер. И каждый год он

пишет по новой книге. И люди с удовольствием знакомятся с его творчеством, как и с «Территорией» Куваева – ведь их проза напоминает нам, какие смыслы надо искать в жизни.

– А почему именно Куваев, а не, скажем, Николай Островский?

– Потому что Куваев нам ближе всех из относительно недавнего советского прошлого. И его повести и рассказы, в отличие от произведений Островского, не окрашены революционным пафосом и патетикой. У Куваева нет идеологии, зато есть жажда свободы, обретения внутренней независимости человека от потребительства, мужской силы. А она сейчас особенно в цене, так как девальвирована.

– А какие же смыслы надо искать в работе Севморпути? Ради чего он существует?

– Ради одного, но очень важного смысла – концентрации экономических сил России в арктическом регионе. Арктика для нас, словно космос, становится источником для демонстрации собственной экономической и интеллектуальной независимости. И, как я слышал от крупных технических специалистов, исследования морских глубин проводить гораздо сложнее, чем космические исследования. Оттого очень важно сохранить инженерную культуру, которую мы начинаем утрачивать и которую, как это ни парадоксально, сумели передать китайцам. Так что именно Арктика может стать той площадкой, на которой мы сможем воспитать новое поколение молодых специалистов, найти новые технические и конструкционные решения для Севморпути, развить нашу инженерную культуру до прежнего высокого уровня, укрепив тем самым позицию России в международных экономических и политических отношениях.

– И чтобы все знали, каков он – мир Севера.

Беседу вёл Александр РЯЗАНЦЕВ

Александр ПЕТРУШИН

БЕЗ ПРАВА НА СВОБОДУ

Одна из достопримечательностей на туристической карте Ямала — самый большой в мире естественный холодильник, вырубленный в середине XX века в вечной мерзлоте.

Памятник культуры

Он находится на берегу Обской губы в посёлке Новый Порт, что в 300 километрах от Салехарда.

Справка: Бухта, получившая название Новый Порт, известна с 1891 года, когда здесь обосновались английские промышленники братья Роберт и Джеймс Вардопперы, организовавшие здесь рыбный промысел. Природной основой для него стала богатая ихтиофауна: муксун, нельма, пыжьян, сырок, осётр ... Кроме того, Новый Порт стал местом, куда с торговыми целями заходили иностранные суда из Норвегии, Швеции, Англии ...

Местные жители называют этот холодильник «мерзлотником». Его площадь — больше гектара: две сотни ледяных пещер тянутся под землёй почти на километр. Гигантский холодильник создан как склад для хранения рыбы, выловленной в Обской губе. С 1950 года репрессированные советской властью люди за десять лет вручную прорубили в вечной мерзлоте путь в «царство Снежной королевы».

В 2007 году ямальский мерзлотник признан ЮНЕСКО памятником культуры — здесь частые гости туристы всего мира. Проект этого

уникального подземного сооружения разработал Густав Юльевич Бекман.

Русский немец

Его предки переселились из Германии в Россию ещё в XVIII веке. Михаил Ломоносов в своём труде «О сохранении и размножении русского народа» писал: «Народ наш работающий, но ленивый и очень праздники любит ...». И рекомендовал императрице Екатерине: «Ты, матушка, пригласи-ка немца. Он кровь не испортит, а, глядишь, работать научит».

Немец Бекман родился в 1912 году в Петербурге. Родители — также уроженцы российской столицы — были учёными-энтомологами. Сын окончил геолого-разведочный техникум и работал в геологических партиях в Казахстане, на Урале, в Забайкалье, участвовал в гидрологической разведке при строительстве железной дороги Коноша — Архангельск и в проектировании ленинградского метрополитена. Перед войной собирался в очередную командировку в Бокситогорск, куда уже уехала его жена Екатерина Ивановна Константинова. Там её с началом военных действий призвали на военную службу.

С выходом немецких войск 8 сентября 1941 года к Ладожскому озеру и верховью Невы Ленинград оказался в плотной блокаде. Однако прибывший в конце августа с правительственной комиссией в Ленинград начальник артиллерии Красной армии генерал Николай Воронов отметил: «К моему удивлению, город продолжал жить очень спокойно. Можно было подумать, что бои разворачиваются на ближних подступах к Берлину, а не под стенами Ленинграда. К эвакуации населения ещё не приступали. Здесь явно недооценивали угрозы, которая надвигалась на город».

К тому моменту, когда сомкнулось кольцо блокады, в Ленинграде и пригородах оставалось 2,8 миллиона гражданского населения. Не менее 1,2 миллиона относилось к категории «иждивенцев», из них около 400 тысяч детей. Между тем, запасов продовольствия по нормам карточной системы, введённым 18 июля (рабочие получали 800 граммов хлеба в день, служащие — 600 граммов, иждивенцы и дети — 400 граммов) было примерно на месяц.

В результате целого ряда просчётов руководства города и военного командования ленинградцы оказались в трагическом положении.

Выселение

Всерьёз вопросами эвакуации населения Ленинграда занималось лишь управление НКВД. Но чекисты решали свою узко-специфическую задачу: очистить город от «контрреволюционного и враждебно настроенного элемента». Высылке в Сибирь и Северный Казахстан подлежали 95 000 финнов и немцев, а также прочие «потенциальные враги советской власти». Российское происхождение и семейное положение Бекмана, его готовность, как специалиста горного дела, участвовать в создании оборонительных позиций не приняли во внимание.

Так он оказался в Новом Порту. В январе 1942 года Совет народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке». Предстояло в течение года удвоить, затем утроить здесь уловы рыбы. К десяти фронтам Великой Оте-

чественной войны добавился ещё один фронт – Обь-Иртышский.

Линия этого фронта протянулась по Туре, Тоболу, Иртышу и Оби на 7030 километров. К образованному в 1932 году в Тобольске Обьрыбтресту весной 1943-го добавились Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий рыбтресты. Это – армии, а моторно-рыбные станции (МРС), рыбозаводы, консервные фабрики, рыбоучастки, приёмные и обрабатывающие пункты – корпуса, дивизии и батальоны рыбного фронта. В партийных донесениях о результатах ловли рыбы военная терминология: «Взять рыбу штурмом!» Механизация лова оставалась слабой. Техники и людей не хватало. Поэтому по секретному приложению к постановлению «О развитии рыбных промыслов...» на НКВД «возлагалось переселение... в низовьях реки Оби, к Байда-рацкой, Тазовской и Обской губе, Гыданскому заливу – 10 тыс. человек в 1942 году и 3 тыс. человек в 1943 году... из Западной Украины и Белорус-

сии, Прибалтики, Молдавии, Ленинградской области и других прифронтовых территорий».

Секретная путина

От железнодорожных станций выселенцев отправляли в баржах к местам ловли и переработки рыбы. Один из бойцов рыбного фронта Николай Могоряну вспоминал: «Нашу семью – мне исполнилось 18 лет – выслали из Молдавии 13 июня 1941 года. Погрузили в телячьи вагоны и повезли в Омск. Год мы в Тарском районе работали на лесозаготовках, а потом – в Тобольск. Там двадцать одна баржа и пароход «Анастас Микоян». Поплыли по Иртышу и Оби... Кормили в пути ужасно: суп с пшёнкой и какой-то гнилой рыбой – одни кости. Хлеба 500 граммов давали – ржаной, сырой, тяжёлый, как глина»...

В Обской губе караван барж попал в жестокий шторм. «Напротив Яптик-сале ураган нас сзади настиг, – продолжал Могоряну. – Как ударил – все баржи в кучу. «Микоян» бросил трос и ушёл. Только крикнули с борта в рупор: «Рубите буксира!» А баржи уже ломало друг о друга. Такой шторм – думали: Всё! Многие утонули. Оставшихся в живых выбросило на голый берег. Стали собирать всё, что осталось от каравана: ящики с консервами, мешки с мукой и крупами, стройматериалами ... А то хоть зубами землю грызи. В берегу выдолбили восемь или девять землянок ...».

Местные партийные, советские и хозяйственные органы оказались не готовы к приёму спецпоселения. Уполномоченный отдела спецпоселений УНКВД Омской области лейтенант Зубрилов докладывал в ГУЛАГ НКВД: «Ни одного жилого дома в счёт 500 домов на 1 мая 1942

года не готово. Ни продуктов питания, ни промтоваров, которые требовалось завезти в рыбные посёлки, на складах Обьрыбтреста».

Бригадир участка Яптик-сале Новопортовского рыбозавода Мартьянов сообщал начальству 26 октября 1942 года: «...Умерли 11 человек возрастом от 16 до 74 лет». Молдавские, украинские, еврейские, немецкие фамилии. По свидетельству Могоряну: «В мае, когда пришли в себя немного, то выдолбили большую яму и похоронили умерших зимой – тридцать шесть или тридцать восемь человек. Уложили их в два ряда. Второй ряд получился наравне с землёй. А потом нагребли на них выдолбленную землю».

Выселенная из Ленинграда Зинаида Иормолайнен считает, что ей ещё повезло: «Жили мы десять дней в Омске, были проездом в Тюмени и Тобольске – там мне исполнилось 18 лет. Потом повезли нас дальше на север. У Пуровских вех наша баржа оторвалась от парохода. Мы остались ждать, когда станет лёд, чтобы по нему нас могли спасти. По льду до нас добрался заместитель директора Тазовского рыбозавода. Отобрал бездетных одиннадцать человек...»

Несмотря на круглосуточную жестокую эксплуатацию спецпоселения без оглядки на сырьевые возможности водоёмов, плановые задания рыбтрестами не выполнялись. «В 1944 году Ямало-Ненецким рыбтрестом недодадено 214 000 центнеров рыбы, – отмечал секретарь Омского обкома ВКП(б) Попов. – При годовом плане в 315 000 центнеров, из них красная рыба (осётр) – 4000 центнеров, лососёвые (нельма) – 45 000 центнеров, сиговые (сырок, муксун, пыжьян, щекур) – 176 000 центнеров, сельдь обская (ряпушка) – 70 000 центнеров, крупный и мелкий частик – 60 500 центнеров».

Могоряну: «На рыбалку нас послали в одних ботинках. А в воду всё равно лезть надо – рыба на берегу не ловится. Невод большой был, длинный – 1000 метров на десять человек. Пять раз за смену надо закинуть и вытянуть лямками. Даже если рыба «тю-тю», всё равно заводить надо. Осенью, когда вода уже замёрзла, тоже лазили в воду в ботинках. Я не знаю, как эти ноги тянут ещё. Не думал, сколько жизни в человеке сидит...»

Иормолайнен: «По пескам рыбачили. Дали нам бродни из свиной кожи. Только в воду залезешь – протекают, как дырявые. Зимой лунки ото льда чистили голыми руками. Та ещё работёнка для женщин из Ленинграда ... после болезни поставили меня на обработку рыбы. Тоже труд тяжёлый. Ящики и мешки с рыбой таскать, в 14 рядов забрасывать. А на сортировке целыми сутками, пока везут рыбу, стоять надо на открытом воздухе. Летом – мошка и комар, зимой – мороз и ветер. Не больно-то сладко. Хлеба не хватало. Ели сырую рыбу. Уносить её домой запрещено. Тех, кто этот запрет нарушал, сразу судили ...»

В таких же условиях ловил рыбу для фронта и русский немец Бекман. Потом его, как грамотного, назначили нормировщиком Новопортовского рыбозавода, а когда закончилась война, зачислили в Карскую экспедицию профессора Пробатова.

Холод вечной мерзлоты

14 августа 1944 года была образована Тюменская область в составе Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким национальными округами. Основой хозяйства нового административно-территориального образования должны были стать лесная и рыбная промышленность. Для объективной оценки биоресурсов в Обской губе при их общем оскудении в реках (в годы войны выловлено более трёх миллионов центнеров рыбы заместитель председателя СНК СССР Анастас Микоян направил в Новый Порт 45-летнего авторитетного ихтиолога Александра Пробатова.

Его отца просвитера Николая (Пробатова) большевики расстреляли в 1918 году на глазах сына. После разгрома Белого движения на юге России кадету Пробатову удалось скрыть своё участие в войсках генерала Деникина и закончить в 1924 году факультет рыбного хозяйства Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Участвовал во многих экспедициях в труднодоступные северные районы страны, внёс большой вклад в изучение их рыбопромысловой базы.

В Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО) сохранились черновики доклада руководителя Карской экспедиции Пробатова.

«... Можно выловить здесь 500 000 тонн рыбы или миллион тонн, но это качественно непригодный продукт, который в Тюмени или ещё где-нибудь будет выброшен в помойку. Директор Новопортовского рыбозавода радуется, что у него кривая вылова рыбы идёт вверх и ждёт поощрения. Но если посмотреть качество этой рыбы – она никуда не годится. Это даже не просто плохой продукт, это сгнивший продукт, который наваливают и таскают в каких-то грязных мешках... Всюду сиговые породы свалены в кучах, подтекают зловонные лужи. Такую непригодную рыбу грузят и отправляют в Салехард и дальше в Тюмень... Меня крайне интересует, куда она там девается? Лучше выловить 100–150 тысяч центнеров, и как следует дать этот продукт, чтобы он стал гордостью обского рыболовства, чем выловить 500 000 центнеров, из которых 300 000 центнеров непригодной продукции...»

Как известно, богатством обского рыболовства являются сиговые породы рыб: муксун, сырок, щекур, пыжьян... Моё мнение: в низовьях Оби эти крупные сиговые породы рыб находятся на перелове, а некоторые – на грани перелова. Поэтому рассчитывать на увеличение их вылова не следует...

Есть ли перспективы рыболовства в Обской губе? Её северная часть вообще бедна рыбой. Следовательно, не-

зачем возводить здесь предприятия с такими пышными названиями, как Полярный рыбозавод. Он тут не рентабелен, и не нужен. Если каких-то двадцать шальных осетров попали в сети после мыса Каменного, то они и сами не рады. Никаких осетров в Обской губе до Се-Яги нет. Осётр останется продуктом в Новом Порту. Но его надо отправлять до потребителя в свежемороженом виде. Если это положение будет достигнуто, то удельный вес Ямалрыбтреста как экономической единицы сразу будет высоким...»

Для достижения такого положения профессор Пробатов предложил, по совету сопровождавшего его в экспедиции опытного гидролога Бекмана, «использовать холод вечной мерзлоты Ямала». К строительству спроектированного русским немцем, высланным из Ленинграда в Новый Порт, уникального подземного холодильника приступили только через пять лет. Потому что у Сталина в отношении Нового Порта возникли другие планы.

Арктический ход

Выступление 5 марта 1946 года в американском городе Фултоне бывшего британского премьер-министра Черчилля в присутствии президента США Трумена означало объявление СССР «холодной войны». Сталин сделал ответ-

ный ход – «арктический».

22 апреля 1947 года ЦК ВКП(б) и Совет министров СССР приняли совершенно секретное постановление № 1255-331, в котором обязали МВД СССР «Немедленно приступить к строительству железнодорожной линии от станции Чум (Новый) Печорской железной дороги через Обское, Яр-Сале, Новый Порт до места расположения будущего порта и судоремонтного завода в Обской губе на мысе Каменный».

Этот «будущий порт» предназначался не для хозяйственных нужд, а для быстрой переброски войск и боевой техники из внутренних военных округов на Арктический театр военных действий против США. Дислоцированный с сентября 1945 года 126-й лёгкий горно-стрелковый корпус развернули к 1948 году в 14-ю армию специального назначения в составе трёх стрелковых дивизий. Командовать этой армией назначили Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Николая Олешева. Штаб армии в посёлке Урелики получил подробные топографические карты Аляски, Канады и Тихоокеанского побережья США. Задача состояла в том, чтобы сразу перенести войну на территорию Соединённых Штатов Америки.

Торпедная атака

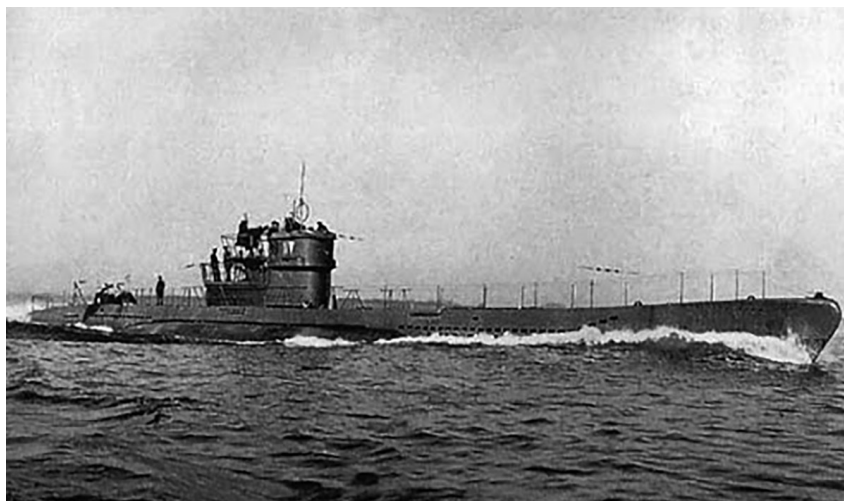
Великая Отечественная война показала слабую защищённость арктического побережья СССР и его внутренних северных водоёмов от набегов боевых судов и подводных лодок гитлеровской Германии. Сталин не мог не знать этого обстоятельства. Он обратил внимание на отчёт Северного отряда Беломорской военной флотилии о проводке 15 речных судов из Печоры в Обь во время нави-

гаций 1943 года. Тогда по всей акватории Карского моря рыскали вооружённые акустическими торпедами так называемые «волчьи стаи» немецких подводных лодок. Получив от своей агентуры сообщение о выходе 23 июля 1943 года из Нарьян-Мара в Новый Порт речного каравана при слабом боевом охранении, немецкое командование направило в Обскую губу подводную лодку U-639. С заданием: перехватить и уничтожить речные суда, сорвав тем самым летнюю путину на Оби.

Эту немецкую субмарину, о которой на Ямале до сих пор ходят разные слухи, заметили на подходе к мысу Каменному работники открытой ещё в 1924 году в Новом Порту гидрометеорологической станции. Радиошифром они сообщили в штаб Северного отряда Беломорской военной флотилии, передислоцированной к тому времени в порт Диксон, о появлении в Обской губе в надводном положении неизвестной субмарины.

Сегодня остаётся только гадать, что помешало немецким подводникам потопить речные буксиры, ранее работавшие в Баренцевом море, на маршруте их проводки на Обь и Енисей? То ли штормовая погода, задержавшая секретный речной караван: он пришёл в Новый Порт 7 августа 1943 года. А может, их напугало перехваченное сообщение о выходе в Карское море советской подводной лодки С-101? Она и потопила U-639 уже в районе мыса Желания у Новой Земли. Так что у Сталина были все основания для создания надёжной защиты «будущего порта в Обской губе». Поэтому одновременно со строительством этого порта в районе фактории у мыса Каменного МВД СССР было поручено соорудить примерно в 150 километрах от посёлка Новый Порт причал (пирс) длиной 3–4 километра. А от

него прокопать канал к глубоководным озёрам Яра-То для использования их как естественной бухты для отстоя советских подводных лодок во время частых штормов в Обской губе.

Справка: Под названием Яра-То известны два самых больших озера Ямала: Большое Яра-То имеет длину до 30 км, ширину 20 км, глубину до 30–40 м, площадь 52 тыс. га. Малое Яра-То длиной 35 км, шириной 15 км, глубиной до 30 м, площадью 50 тыс. га. Из этих двух озёр вытекает самая крупная река Ямальского района Юрибей.

Призраки Заполярного ИТЛ

Коротким летом, вспоминали ненцы-тундровики, тянулись пароходы и лихтеры вниз по Обской губе к будущим причалам и железнодорожным станциям Новый Порт и мыс Каменный, забрасывая людей, уголь, продовольствие, пиломатериалы, горючее для двигателей, инструменты и оборудование. На левом берегу Обской губы строили двухэтажные землянки для учреждений и начальства и приземистые бараки для заключённых. В Новом Порту для нужд строи-

ки построено два складских помещения и дощатый причал длиной 10–15 метров, где проходила разгрузка техники и других грузов с судов и барж с малой посадкой.

10 сентября 1947 года здесь организовали Заполярный ИТЛ (Заполяряг) для немецких военнопленных и советских граждан, осуждённых за измену Родине и пособничество немецко-фашистским оккупантам. Бывший заключённый Лазарь Шерешевский вспоминал: «Нас, либо попавших в плен, обвинённых по 58-й статье за антисоветские разговоры, погрузили в грузовики и отвезли на Краснопресненскую пересылку, где готовился большущий этап на строительство новой трассы в посёлок Абезь недалеко от Печоры. Эта новая дорога в течение сезона 1947 года уже была частично построена... Станции: Предузловая, Хорота, Елецкая, Полярный Урал и где-то там обрывалась... Трассу тянули к Новому Порту и мысу Каменному, где планировали строить морской порт... Когда мы там появились, то туда уже были завезены летом по рекам люди и стройматериалы. Заключённые сначала жили в землянках из брикетов мха, вырубленных из тундровой почвы. По мере поступления материалов строили бараки и причалы... В нашем Заполяр-

лаге были интересные люди: брат детского поэта, автора слов государственного гимна СССР Михалкова... И будущий автор приключенческого романа «Наследник из Калькутты» Штильмарк...».

Портовые причалы и пирсы для подводных лодок хотели строить в Обской губе, используя пленных немецких специалистов и захваченные советскими войсками при освобождении Норвегии проектные документы. Однако перевозивший этих специалистов самолёт ЛИ-2 разбился в горах Полярного Урала – все 28 человек погибли. Тогда к проектно-строительным работам привлекли техника-гидростроителя выселенца Бекмана.

К весне 1948 год в районе фактории мыс Каменный, примерно в 150 километрах от посёлка Новый Порт был построен из листовенницы причал длиной до трёх километров. Но тогда же установили, что дальнейшее строительство портовых сооружений потребует углубления дна Обской губы до десяти метров. В таком случае требовалось 90 тысяч тонн металлического шпунта и 25 миллионов кубометров камня и щебня, что в тех транспортных условиях было невыполнимо.

Решением ЦК ВКП(б) и Совмина СССР от 29 января 1949 года строительство железно-дорожной линии от станции Чум (Новый) через Новый Порт к мысу Каменному было прекращено. Военно-морскую базу для защиты Северного морского пути перенесли в Игарку. Поэтому железнодорожную линию развернули в новом направлении Чум–Салехард–Надым–Игарка. Её протяжённость 1500 километров, летом с паромными, а зимой с ледовыми переправами через Обь и Енисей.

Заполярялаг расформировали, заключённых отправили

в летнюю навигацию 1948 года в Игарку в распоряжение Енисейского строительного управления Главного управления железнодорожного строительства МВД СССР (ГУЖДС). Добыча рыбы в низовьях Оби и в Обской губе продолжалась, поэтому оставленных в Новом Порту административно высланных привлекли к строительству «мерзлотника». В дело автора проекта вложили его расписку: «Мне, выселенцу Бекману Густаву Юльевичу, 1912 г.р., проживавшему в г. Ленинграде, объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26.11.1948 г. о том, что я выселен на спецпоселение навечно без права возврата к месту прежнего жительства, и что за самовольный выезд (побег) с места обязательного поселения буду осуждён на 20 лет каторжных работ. 17.01.1949 г.» Расписку отобрал начальник Ямальского РО МВД капитан Львов.

Посменная круглосуточная подземная работа в многолетних мёрзлых породах каторжной не считалась. В приказе по Новопортовскому рыбозаводу от 28 марта 1952 года отмечалось: «Сегодня в ночную смену работниками строительства вечномерзлотного холодильника за три дня до установленного заданием срока, пробили тоннель, соединяющий новый вход с основным объёмом холодильника... Отмечая стахановскую работу строителей в тяжёлых условиях Заполярья, объявить благодарность: мастеру строительства – руководителю подземных работ Бекману Г.Ю., забойщикам Ульянову Леониду, Стекляру Дмитрию, Абдулину Равилу, Мотаеву Александру, Кох Рудольфу, Буранову Умару, Луциеву Тарасу, Костырю Владимиру, Эйдемиллер Петру, рабочим вывозки породы Пышко Александру, Бок Екатерине».

За пять лет в вечной мер-

злоте, равной по крепости гранитной скале, пробили вместительную горизонтальную шахту, которую постепенно расширяли и удлиняли. 24 апреля 1955 года автор этого уникального проекта Бекман обратился к Генеральному прокурору СССР Руденко с заявлением: «Прошу снять с меня ограничения, связанные со ссылкой. Не считаю себя в чём-либо виновным перед Родиной». Дальнейшая судьба русского немца Бекмана неизвестна.

Признание

После отнесения обского осетра к «краснокнижным» породам рыб, сокращения вылова сиговых рыб из-за общего оскудения биоресурсов водоёмов и при современных технологиях заморозки и консервирования рыбных продуктов, отпала необходимость использования Новопортовского «мерзлотника» по прежнему предназначению. Но рукотворное «царство Снежной королевы», по примеру пирамид, построенных в пустыне рабами древнего Египта, останется таким же вечным памятником другим невольникам. Тем, о ком впервые на официальном уровне сказали в докладе по случаю 45-й годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне: «О тех, о ком молчали долгие десятилетия», кто незаконно был лишён честного имени и гражданских прав... Эти оклеветанные, подпольные люди тоже вносили вклад в Победу: добывали уголь Воркуты, нефть Ухты, лес и рыбу Сибири, руду и золото Магадана... Наперекор своей трагической судьбе, не щадя себя, эти люди работали для Победы».

г.ТЮМЕНЬ

Олег ХИМАНЫЧ,
МОРСКОЙ ИСТОРИК

К нам пожаловал «Гремящий»

**Легендарный корабль оставил свой след
и в истории Северодвинска**

Трудно даже найти, кто бы сегодня не слышал о североморском эсминце «Гремящий». Участник Великой Отечественной, гвардейский корабль, один из тех, кто яркими строками навечно вписан в советскую историю страны! Однако мало, кто знает, что и с окончанием войны прославленный эсминец продолжал служить Родине, правда, уже в довольно скромных ролях. Меньше известно, что ещё до победного мая «Гремящего» направили на капитальный ремонт в Молотовск, на завод № 402. Точная дата постановки корабля на заводской учёт — 20 апреля 1945-го...

Долгий ремонт

Практически непрерывные боевые походы четырёх лет войны сказались на износе машин и корпуса эсминца. Ветераны, которым довелось работать на ремонте «Гремящего», рассказывали мне — металл, особенно тот, что ниже ватерлинии «истончился» до крайности, участками основательно проржавела палуба, да и машины корабля тоже нуждались в срочном ремонте, а то и вообще их давно требовалось заменить...

Проект 7 эсминца наши корабельщики знали ещё с довоенной поры, но на молотовском заводе, даже и по окончании Великой Отечественной, не доставало металла нужных марок, дефицитом были медные трубы, кабель и многое из корабельного оборудования.

Разве что турбо-вспомогательные механизмы, установленные на корабле, каким-то чудом заводчане сумели раздобыть из импортных поставок — от фирмы Vira. К тому же на всей технологической цепочке заводского судоремонта не хватало ещё и квалифицированных кадров. Потому-то «Гремящий» на заводском «конвейере» фактически годами продвигался с большим отставанием.

На последнее докование эсминца поставили в ноябре 1949 года, предъявили к госиспытаниям 29 ноября того же года и буквально через день сдали.

Составитель акта предельно точно указал, что с момента принятия корабля заводом до его сдачи прошло четыре года, восемь месяцев и 8 дней. И подчеркнул: «Гремящий» сдаётся флоту с опозданием

на один год, одиннадцать месяцев и 28 дней.

Акт № 694

Как представлял капитально отремонтированный эсминец «Гремящий» специалистам заводской приёмный акт № 694? Водоизмещение стандартное — 1.875 тонн, полное — 2.423 тонны. Длина корпуса — 112,8 метра, ширина — 10,5 метра. Осадка в полном грузу — 4,14 метра.

Мощность главных механизмов на полном ходу — 43.300 л.с. Скорость крейсерская 25,4 узла, максимальная — 35,1 узла. Дальность плавания экономическим ходом — 2.210 миль, максимальным — 779 миль. Артиллерийское вооружение: 4 орудия калибра 130 мм (зенитное вооруже-

ние до гарантийного ремонта решением Главкома ВМС оставлено старым: два орудия калибра 76 мм, четыре пулемёта системы ДШК).

Посты наблюдения за целью располагали открытым дальномером, инклинометром, двумя ночными прицелами.

Два трёхтрубных торпедных аппарата с системой комбинированной стрельбы при ПУТС «Мина-20».

Запас глубинных бомб – 26. Полный запас мин разных образцов – 52. Четыре паравана.

Радиолокационное вооружение: трубочный вариант «Редан-2», комплект «Гюйс-1». Средства на-

блюдения и связи: радиопередатчики «Шквал-М», «Бриз», «Бухта», «Пурга-45», «Дозор». Приёмопередатчик типа «Рейд-И».

Гидроакустическая аппаратура – «Дракон-128с».

В разделе «особые замечания» четыре пункта, но большого значения для корабля они не имели...

В целом в «Гремящем» не оказалось принципиальной боевой новизны, и наиболее прозорливые уже тогда предполагали, что обновлённый эсминец в недалёкой перспективе будет, либо использоваться с иной целью – переклассифицирован, либо вообще списан. Так и произошло.

В ядерном пекле

Вообще конец гвардейского «Гремящего» печален. Корабль вывели из состава действующего флота, причислили к 241-й бригаде опытовых кораблей, стоявшей в том же Молотовске. Здесь «Гремящий» подготовили к испытаниям ядерного оружия на Новой Земле. Практически в качестве корабля-мишени.

Дважды эсминец выдержал удар атомных взрывов – 21 сентября 1955-го и 10 октября 1957-го. После этого уже изувеченный корпус «Гремящего» вытащили и бросили на береговой осушке новоземельской губы Чёрной. Десятки лет (!) затем лежал грудой исковерканного металла гвардейский корабль. Никому не было до него дела. Правда, недавно удалось посмотреть на видеокдрах хроники, как некие энтузиасты решили-таки организовать экспедицию к бывшему месту ядерных испытаний, чтобы снять с «Гремящего» остатки носового орудия и торпедный аппарат. С трудом, но сняли. Говорят, теперь есть планы установить эти старые конструкции на мемориальном комплексе.

Праотцы футбола

Грамотный футбол в Северодвинск (Молотовск), как считают некоторые, принесли английские моряки с транспортов союзных конвоев. Скорее соглашусь с этим. К концу войны людям уже можно было «расслабиться» и порой на местном стадионе меду моряками разворачивались жаркие спортивные баталии. Стадион в юном городе располагался в самом начале улицы Профсоюзной и назывался «Судостроитель». Футбольным полем здесь служило ровное, подсушенное, но кочковатое болото. Поскольку об инсайдах – крайних игро-

Легендарный корабль «Гремящий»

ках тогда не слышали, то болото было до песка вытоптано у ворот и по центру, а по краям сохранилась жиденькая травка.

Как играли? Примерно, как наша сборная страны по Черчесову – бей на самого длинного и беги вперёд. И били на самого длинного. И бежали всей толпой! А соперники ловко подобные порывы разрушали, быстро перестраивали боевые порядки, атаковали и за счёт этого выигрывали. Думаю, наши тогда у англичан набирались «уму разуму»: оказалось, и тактические схемы в футболе есть, и места, и согласно им разделение игроков – впрямь наука...

Первые организованные «по всем правилам» чемпионаты Молотовска по футболу проходили всё на том же «Судостроителе», который вскоре переименовали в «Труд». Известно, военные моряки и после войны много лет беспрерывно лидировали в соревнованиях, а команда с эсминца «Гремящий» задавала в них тон. И только потом постепенно окрепли первые «гражданские» футбольные дружины – на заводе № 402 (Севмаше). И, к слову, подрастком я ещё застал команды военных моряков – «Аван-

гард» и «Рейд», прежде чем футбол на Беломорской ВМБ тихо сошёл на нет...

Семья «гремящинец»

А люди, экипаж «Гремящего»? Моряки тогда сошли на берег. Причём часть из них продолжила службу на корабле, а те, кто «ушёл на дембель», остались жить и работать в Молотовске. Последних оказалось не так уж и мало. Они, продолжая поддерживать между собой прочные житейские связи, со временем образовали в городе своеобычное сообщество, которое я в шутку называл «диаспорой гремящинец». Не раз отмечал, что этим людям присуща особая активная позиция – их хватало на всё: и на работу, и на семью, и на быт, и на спорт, а иных и на художественную самодетельность... И всякий раз я задавался вопросом: откуда такое жизнелюбие, энергия?! И часто отвечал себе: может, оттого что они прошли войну и знали цену жизни?

Отмечу – все они в рассказах о войне не были многословны, а если и удавалось их разговорить, то повествование, как правило, звучало без

пафоса, я бы даже сказал – очень прозаично, обыденно...

Мне довелось быть знакомым с несколькими бывшими моряками эсминца. Мы довольно часто встречались, о некоторых из них, я делал публикации в газетах, не однажды готовил с ними иностранные интервью и очерки. Расскажу о троих...

Константин Юданов (1926 – 2006)

Он уже был седым дядькой, дедушкой, но для многих взрослых оставался Костей. И не звучало в том ничего уничижительного – по-моему, Константин Михайлович всегда держался очень просто, а, при своей всегдашней общительности и доброжелательном тоне, любого умел расположить к доверительному и дружескому разговору...

За участие и отличия в войне его наградили орденом Отечественной войны II-й степени, медалями, в том числе двумя медалями Ушакова. После демобилизации Юданов с 1953-го работал на заводе № 402, строил атомные подводные лодки, в том числе и первую – К-3 «Ленинский комсомол». Спустя десять лет он перешёл работать на «Звё-

Команда «Гремящего», 1948

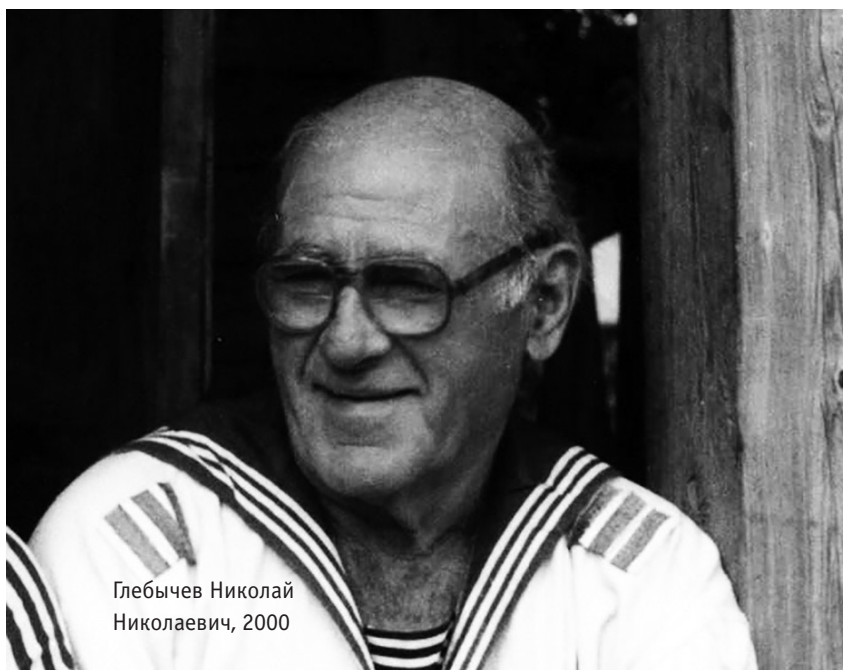
Юданов Константин Михайлович

здочку» и много лет трудился диспетчером предприятия. Если не ошибаюсь, в 1981 году Юданов ушёл на пенсию. С ним мы порой встречались за сценическими кулисами северодвинских учреждений культуры. Он владел гитарой, неплохо пел под неё, имелся у него и дар сочинять песни. Песни его, мы называли «мемуарными»: о войне, о море, о боевых друзьях-товарищах... Кто-то даже подсчитал – было у Юданова порядка полусотни таких композиций. Вот их он и пел. Считался Константин Михайлович почётным участником художествен-

ной самодеятельности ДК на острове Ягры. Его уважали, им гордились, и коллектив ДК ходатайствовал о присвоении ветерану звания «Заслуженный работник культуры РСФСР». Звание присвоили, а в 2007 году, уже после кончины, на доме, где жил Константин Михайлович, установили мемориальную доску.

Николай Глебычев (1926 – 2004)

Для меня он всегда был Николаем Николаевичем, ещё с тех моих подростковых лет,

Глебычев Николай Николаевич, 2000

когда Глебычев возглавлял отдел труда и заработной платы, в котором работала моя мама. Позднее, когда довелось плотно общаться с городской художественной самодеятельностью, «заглядывать» в её глубокие истоки, узнал, что в конце сороковых бывший старшина I статьи Глебычев являлся активным её участником – сначала на корабле, потом во флотском полужукаже и Клубе имени Горького...

Родился Николай Николаевич в Смоленске, детство провёл в Гродно. С началом войны семью эвакуировали на Север, там же его призвали служить во флот. После демобилизации с 1948 года работал настройщиком на заводе в Серпухове, а в 1953-м вернулся в Молотовск, всю жизнь работал в СПО «Арктика», здесь начинал мастером-настройщиком аппаратуры, прежде чем подняться по должностной лестнице.

Помнится, и не только мне, как на пару с Константином Михайловичем Юдановым он лихо отбивал на сцене чечётку и практически профессионально владел степом. Я однажды полюбостествовал: откуда? Оказалось оба моих «гремящих» впервые увидели, а затем научились ступу у американских моряков, ещё во время войны, в Полярном. Дальше так и пошёл по жизни их дуэт Глебычев – Юданов. И долго затем, даже в почтенном возрасте, дуэт радовал зрителя. А, будучи на пенсии, Николай Николаевич ещё и «подрядился» шефствовать над танцевальным коллективом при Дворце культуры имени Ленкома. Иногда уже на своём восьмом десятке выходил он выступать с его юными участниками на сцену!

Но не только в истории художественной самодеятельности Северодвинска «отметился» активный по жизни Глебычев – в сороковых он и на футбольных полях «задавал

жару» – конечно же, зажигал в знаменитой команде «Гремящего»!

Николай Николаевич Глебычев награждён орденами Отечественной войны II степени, Трудовой Славы III степени, многочисленными медалями.

Павел Лапшинов (1919 – 2021)

Однако самым известным из северодвинских «гремящих» суждено было стать Павлу Васильевичу Лапшинову. Не ошибусь, если скажу, что он последний из всех моряков корабля, которые воевали – Павел Васильевич оказался настоящим долгожителем и скончался 10 марта 2021 года, на 102 (!) году жизни.

А родился он в Москве, на Воробьёвых горах. После окончания семилетки и ФЗУ работал модельщиком на автозаводе. Тогда же, в юности Лапшинов успешно занимался горнолыжным спортом, большим слаломом, прыжками с трамплина и побеждал в соревнованиях высокого ранга, вплоть до всесоюзных состязаний.

В 1939 году Павел Лапшинов – курсант учебного отряда в Кронштадте. Оттуда его направили на эсминец «Гремящий» Балтийского флота. На этом корабле, ещё до войны, он прошёл по Беломорско-Балтийскому каналу из Ленинграда на Север и здесь уже встретил события сначала финской войны, а чуть позднее и Великой Отечественной.

Гвардии старшину, командира отделения электриков гвардейского эсминца «Гремящий» Павла Лапшинова удостоили ордена «Отечественной войны II степени», медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над

Глебычев, Юданов, 1999

Германией», а также именной медалью английского короля Георга VI «За боевые заслуги при выполнении заданий в совместной борьбе с общим врагом». Между прочим, эту награду ему вручал лично командующий Северным флотом Арсений Григорьевич Головко. В фотохронике войны сохранился снимок того памятного дня...

Победу Павел Васильевич встретил в Молотовске. В сентябре 1949 года демобилизованный моряк поступил на завод № 402. Работал сначала техником в заводском отделе № 3, потом на инженерной должности в отделе № 10. Организовывал Лапшинов и цех

№ 34 и даже недолго возглавлял его. В 1952-м, после окончания им вечерней школы и судостроительного техникума, прозорливый директор предприятия Евгений Павлович Егоров направил Лапшинова строителем кораблей в отдел № 2, где впоследствии он стал старшим строителем-руководителем постройки и испытаний.

В истории Севмаша Павел Васильевич профессионал особенный – входил в знаменитую тройку ответственных сдатчиков, которые передали флоту более всего подводных лодок, дизель-электрических и атомных. На его счету ещё и единственный в мире плаву-

Лапшинов Павел Васильевич (справа), вручает медаль Арсений Головко

«Строитель», 1949

чий выводной док «Сухона», куда со стапелей завода и сегодня из построечного эллинга выходят подлодки. Корабел Лапшинов – кавалер орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, а также нагрудного знака «За заслуги перед Северодвинском», в 2015 году он стал победителем региональной общественной награды «Достояние Севера».

А спорт, столь полюбившийся с юности, Павел Васильевич не бросал до

преклонных лет. В Северодвинске, например, он известен, как один из зачинателей футбола. Организованная Лапшиновым в 1948 году молотовская команда «Строитель» уже на второй год своего существования выиграла Кубок Архангельской области. Под десятым номером центрфорварда играл в ней и Лапшинов...

С Павлом Васильевичем мы часто встречались. Беседовать с ним можно было

бесконечно. И столь же бесконечно узнавать...

Правда, о войне, о службе на «Гремящем» с ним много не говорили – уж так раз за разом складывалась беседа, чаще речь заводили о Севмаше, кораблях и тех, с кем ему довелось сотрудничать и работать. Мне отчего-то ярче помнится встреча и беседа по весне 1998 года. Разговор тогда зашёл об одной из ракетных подлодок, которую сдал флоту Павел Васильевич – Б-89 (заказ 515) и, кстати, материал тот под рубрикой «Клуб бывалых моряков» вышел как раз под заголовком «Заказ № 515»...

Павел Васильевич не жаловался на память, в ней хранил многие подробности, имена и фамилии, в эпизодах умел сходу выделить самое главное. И ещё очень приметное – обладал хорошим чувством юмора.

Ещё вспоминаю, Павел Васильевич в девяностых писал мемуары. Как-то в одно из моих посещений, в своей квартире он показал мне любимое место для творчества. Им оказалась маленькая кладовочка или что-то похожее на то. А в ней небольшой, но высокий письменный стол, за которым обычно работают и пишут стоя, на нём – настольная лампа, карандашница, чернильница, тут же, на расстоянии вытянутой руки – книжная полка...

– Очень удобно, – с улыбкой уверял Павел Васильевич. – Здесь тихо, и никто не отвлекает. Да и посмотрика, оцени мой писательский секретер – почти как у Льва Николаевича Толстого...

В 2008-м вышла-таки у Павла Васильевича небольшая книжка воспоминаний – «Мой жизненный путь». Так получилось, её не читал. Но очень хотел бы прочесть...

г. СЕВЕРОДВИНСК

Лапшинов Павел
Васильевич, 100 лет.
Фото Б. Сердюк

Олег ЕРМАКОВ

Котомка да посох

Заметки о личности неизвестного поэта и его стихи

Валеру Меньшикова мы с товарищем Гешкой увидели впервые на заповедном берегу Байкала, приплыв туда на пароходе «Комсомолец» сразу после окончания школы в Смоленске. Приехали мы туда работать лесниками, начитавшись Арсеньева и Федосеева. И сразу в первый же день увидели и впрямь суровые лица таёжников, ну, не то, что суровые, но обветренные и загорелые и довольно спокойные точно. Правда, книжных бородачей там и не было. Но вот один человек, широкоплечий, с мощными руками, мощной грудью бороду носил, вернее, как писали раньше, был в бороде. Чёрная борода спустилась на грудь. С такой же бородой, узнал я позже, обычно писали Василия Великого. С этим отцом церкви Валеру Меньшикова, а именно так звали бородача, роднило ещё одно обстоятельство: он проповедовал своеобразное монашество особого толка – экологическое. Замышлял создание заповедника нового типа, основанного, правда, уже на буддийском требовании непричинения зла живому, на созерцании и разумном аскетизме.

Об этом я узнал не сразу.

Первое время мы с товарищем жили не на центральной усадьбе, а на Северном кордоне. Но потом нас перевели в посёлок Давша. И тогда мы сумели познакомиться с этим человеком. Он как-то сам зашёл к нам в дом, где мы мёрзли, несмотря на огромную печь, – а сколько ни топили,

натопить не могли. На нём была телогрейка, схваченная в поясе широким кожаным ремнём электрика с цепью для лазания по столбам. В Баргузинском заповеднике Меньшиков работал электриком. Но не только. Ещё и печником и одно время хлебопёком. Сейчас он проверял всюду электропроводку, вот и зашёл в наш дом. Печку нашу он забраковал. Сказал, что её клал скверный мастер. И ничего тут не поделаешь, её всю надо сносить, тепла она не держит. Но дом не частный, поэтому надо спрашивать разрешение у руководства заповедника. (Так ничего там и не перестроили, в разгар январских морозов мы просто сбежали отсюда, нас приютил лесничий Алексей Троицкий, тоже своеобразная личность, потомственный лесовод, бессребреник и слегка не от мира сего). С моей тумбочки у железной кровати Валера взял

древнегреческие трагедии. Которые я, каюсь, забыл сдать в библиотеку, уезжая из Смоленска и в последний момент просто прихватил с собой. (Много позже, уже вернувшись в родной город и снова записавшись в библиотеку, я был изобличён, но милая библиотекарь Татьяна Фёдоровна разрешила мне принести взамен какую-то другую книжку; в своё оправдание мне нечего сказать... разве что это: сквозь все мои романы байкальского цикла проходит древнегреческая нить, и этой книжке я обязан рефреном: «Безумье? Пусть. В нём слава Диониса») Валера полистал книжку, и сказал, что бывал в приближённых к Греции краях – в Крыму. Одно время они с женой обитали там в старом домике, познакомившись в геологической партии в Сибири, оба были геологи, но жена его синеглазая лобастая чудесная Лида была родом из

Воронежа, а Валера родился тут неподалёку, за Баргузинским хребтом – в Баргузине, том самом, в котором отбывал ссылку друг Пушкина Кюхельбекер. И возле дома Кюхельбекера жила родная тётя Меньшикова. Валера в годы младые обретался то в Улан-Удэ, то в Иркутске, любил пропадать в тайге, ночевать на сопках под русскими и уже монгольскими и китайскими звёздами, читать всякие книги, и больше всего ему по душе были стихи. А как иначе, если уже и сам кропал такие вот вирши:

*Я Пушкину стану собратом.
Не кричите: Парнас не про нас,
Если нынче скачусь обратно –
Завтра грянет победный час...*

(«Час не грянул, – заметил потом в письме Валера. – Сейчас-то мне ясно, что часы надо делать, заводить – только тогда и грянет»).

После института уже ходил по Сибири в геологических партиях. Там и увидел свою синеглазую Лиду с необыкновенными белыми зубами, даже подсматривал утром, как она умывается в ручье, – чем таким чистит зубы? Да чем, обычной пастой «Жемчуг»... Но если у других от этой пасты зубы были так себе, у Лиды – и впрямь сверкали жемчужно. Да вот решили они отдохнуть от лютых сибирских зим и лет, полных комарья, мошки и клещей, и поселились вблизи моря в Крыму. И там Валера напитывался ветрами далёкой, а для сибиряка уже близкой, Эллады.

Впрочем, всё же иные поэтические страны были ему более по душе. Прежде всего, конечно, Русь, Россия. Любил он Пушкина и Хлебникова, Пастернака и Мандельштама, Есенина, Рубцова. Стихи последнего я впервые услышал от него. Точнее, не услышал, а прочёл – уже в

далёком афганском городе Газни, в полку под этим городом. И с тех пор стихи Рубцова со мною.

И многое ещё довелось узнать благодаря этому человеку. Он являл собой тип народного просветителя, мудреца навроде Сократа или нашего Григория Сковороды или американского Генри Торо.

Разрабатывая план создания нового заповедника, Валера штудировал древних мудрецов – Лао-цзы, Чжуан-цзы, читал Библию и буддийскую литературу, различных философов. Лида практически помогала ему: отбирала письма, приходившие в заповедник со всех концов СССР, – а работала она секретаршей в конторе. В заповедник писали военные в отставке, лётчики, студенты, журналисты, учёные, хиппи, романтично настроенные школьники, поэты. С авторами самых интересных писем вступала в переписку Лида, а потом уже и Валера. Так подбирался персонал для будущего *заповедника людей*.

Вот, в журнале «Знание – сила» в седьмом номере за восемьдесят второй год выходит статья Н. Реймерса «Сохраняя, процветай», «экологическая и, по-моему, правильная», замечает Валера. В ней автор касается перспектив развития человечества, отмечая идею переселения в космос по той причине, что биологический вид не может существовать вне среды, сформировавшей его. Что же делать? Реймерс отвечает, что надо создавать новую иерархию ценностей, «видимо, – резюмирует Валера, – супротив идеалов потребления – но до конца он этого не говорит, можно лишь понимать так». Ну, да, год-то какой. Вот-вот помрёт Брежнев. Или уже помер. И лесничий Троицкий, тоже входивший в число едино-

мышленников Меньшикова, отправляет письмо этому Реймерсу, «хотя он и доктор наук, а мы... как ни дуйся, а дистанция огромного размера».

Так и не узнал я, что ответил доктор Реймерс. И ответил ли вообще. В то время мы как раз бороздили афганские степи.

Вообще, умственная атмосфера заповедника была явно благоприятна для возникновения подобных идей. Здесь уже собрались особенные люди, ну, по крайней мере, чего-то ищущие. На центральной усадьбе была прекрасная библиотека. Кроме того, многие книги можно было выписать через эту библиотеку для чтения. В научном отделе трудились учёные. По вечерам в клубе перед фильмом можно было пообщаться, а то и размяться за теннисным столом. Выпускалась стенная газета. Даже вокально-инструментальный ансамбль был, в коем и мне удалось поиграть на гитаре. А Валера был погружён в изучение фламенко. Учил он и языки: испанский, английский. В доме у них с Лидой царили чистота и порядок. Посреди пола, выкрашенного в солнечный жёлтый свет, высилась кедровая тахта, на которой обычно и возлежал хозяин, обложенный книгами. И вокруг похаживал важный кот Дядя. Валера любил кошек и говорил, что в прошлой жизни был котом. А Лида холила поросёнка Машку. Но, конечно, в прошлой жизни она была какой-то птицей, вечно чистящей перья и своё гнездо. Всё в её доме сверкало.

Кстати, о чистоте. Меньшиков терпеть не мог мата. Его это коробило. Он считал это сором. А ведь язык – орудие разума. Следовательно, что-то нечисто в разуме, коли нечист язык. Может, и оттого его глаза ясно лучились. Как, впрочем, и у Лиды.

«Язык – генетический код народа, – говорил Валера. – Как говорим – так и живём».

И в присутствии Валеры лесники, трактористы, забубённые мотористы с катера «Зенон Сватош» как-то подтягивались и съедали матерок вместе с клубами сигаретного, папиросного и махорочного дыма. То есть, можно сказать, он немного вытягивал их жизнь к чистоте. Валеру Меньшикова уважительно сторонились. Всё-таки был он человек наособицу. Вроде и свой, сибиряк, а фламенко какое-то играет. Хотя чудак там хватало. И, повторю, умственная атмосфера была яснее и свежее, чем в целом по стране.

Валера выработывал идейную платформу не просто заповедника нового типа, но и общественной организации, аргументируя это следующим образом: «так – партия – общественная организация на идеологической основе, профсоюз – на профессиональной трудовой основе, наша будущая – на экологической». Алексей Троицкий взялся за разработку проекта устава нового заповедника... на основе кодекса строителя коммунизма. Тут снова уместно вспомнить Василия Кесарийского, бывшего поборником киновины, то есть монашеской коммуны раннего христианства, в которой труд безвозмезден и никто не имеет никакой собственности, кроме обуви и одежды, никто никому ничего не дарит и не оставляет в наследство.

Но мы решили всё же основываться не на христианстве или буддизме или даосизме, а на кодексе строителя коммунизма. Коммунизм – это братство, говорил Валера. Фашизм – затхлая кастовость. Под воздействием этого я и в армии повёл речи об истинном коммунизме, очищенном от пороков позднего СССР, пошёл в полково-

вую библиотеку за Лениным и Марксом. Речи эти захватили моих друзей. И мы вступили в споры с остальными ребятами и с офицерами. Спорить-то спорили с нами, но соглашались, что так дальше жить невозможно. До крушения СССР оставались считанные годы.

Валера всё вынашивал эту идею создания объединения созерцателей, которое сможет стать общественной силой. Сейчас мне на ум приходит мастер игры в бисер из романа Германа Гессе. Что-то подобное Касталии, возможно, и виделось этому сибирскому мечтателю. Касталия созерцателей, поэтов, музыкантов у кристально чистых байкальских вод, под защитой гор с заснеженными пиками.

Предвидя не только идейные битвы при попытке учреждения нашего заповедника, Меньшиков поступил на юридический факультет и учился заочно. В то время он уже выпекал хлеб в пекарне заповедника. С радостью сообщал о прибавлении единомышленников. Но и печаловался, говоря по-старинному, о том, что наш Троицкий стал уже главным лесничим и *«его окружают вниманием... и прельщают своей практичностью административные методы – пока Троицкий дорастёт до поста директора, он соответственно переродится и никаких действий... по созданию заповедника нового типа не будет. Будет всё то же»*. Был Алексей Троицкий остёр умом, интеллигентен, начитан. Его опекали сердобольные давшинки – жительницы Давши, по-матерински заботясь о нём, чтоб был сыт, ухожен. Валера и сам называл его «нашим святым». (Позже он уехал в Москву и работал в министерстве природы, в парке Лосиный остров).

Время шло, я уже вернул-

ся из полка, что стоял под древним городом Газни, в Смоленск, работал в газете. А Меньшиковы перебрались за хребет – в Баргузин. Детей надо было доучивать и учить дальше. Драмы отправки осенью и зимой детей в Байкальск в интернат рвали сердце всем давшинским матерям. И Лида не выдержала. Да и с атмосферой Давши, как писал Валера, что-то происходило... Она выталкивала их. Не в последнюю очередь и потому, что Валера был многим непонятен, чужд, как коллапсар.

Есть у него такое стихотворение.

Мне особенно нравится эти строки: *«– Ты наш! – несётся гуд – / Прожорливый и лживый, / Вливайся в славный труд / Погони за наживой. // Но ни бурливый путь, / Ни даже воля класса / Не могут разомкнуть / Лобастости коллапса»*.

Эта лобастость несомненно была в Валере. И давшинский класс вытолкнул его вовне.

В Баргузине они не задержались и, в конце концов, оказались на юге Байкала, в ста верстах от него, в бурятской степи. Это старинное старообрядческое село, воспетое Некрасовым в поэме «Дедушка»:

«– «Где ж та деревня?» – «Далёко,

Имя ей: Тарбагатай,
Страшная глушь, за Байкалом...» – рассказывает внуку вернувшийся из ссылки дед-декабрист.

Там и зажили Меньшиковы. Валера стал народным судьёй. Тут у меня сразу возникают ассоциации с судьями из китайской классической литературы, Китай-то там совсем рядом. Во многих произведениях появляется, например, честный судья Бао.

Вольную раскольничью бороду ему пришлось подрезать. Таковы были требо-

вания вышестоящих. Ради дела Валера пошёл на это. Его полюбили местные, в том числе и за бороду, хотя появились, разумеется, и враги. Им-то прежде всего борода и не нравилась. Ну а на самом деле то, как он разбирал дела и выносил решения. А он назначал пустячные наказания за пустячные правонарушения, тогда как всем хотелось кар. Но какие кары применять к ладному баянисту, танцору, чья вина лишь в том, что у него весёлый нрав, который делается ещё веселее от чар выпитых? И Валера обходился предупреждениями, а то и вовсе прекращал дело за «малозначительностью». Ну, в крайнем случае, назначал малый штраф. Валера вообще взирал на музыкантов с благоговением. Они представлялись ему людьми не от мира сего. Вот приводят очередного нарушителя, учинившего драку на танцах. Из-за чего? Из-за тромбона. Как это? Спор там зашёл о музыке, кто-то перевозносил барабаны и гитары, а девушка Тромбона сказала, что любит тромбон. Тут посыпались злые насмешки. А он-то, игрок на тромбоне, здесь оказался. Ну и слово за слово – вспыхнула потасовка. У Тромбона косая сажень в плечах, навешал обидчикам... Только все показали, что драку начал именно он. Валера внимает всем этим подробностям, но уже знает, что игра на тромбоне – смягчающее обстоятельство.

Коллеги считали Валеру «юристом-романтиком». Но не один он был таким. Многим в пору перемен казалось, что суд будет выше правоохранительных органов. Валера с уважением отзывался о Зорькине, Фёдорове, Пашине. Романтизм Меньшикова питался не иллюзиями, а законами: написан закон – исполняй. Вот и всё. Но в России именно это и есть романтизм, витание в эмпиреях, короче

– маниловщина. Когда месяцами не выдавали зарплату, судья Меньшиков попытался настоять на букве закона, он буквально захотел отыскать учительскую зарплату, с таким иском обратилась одна пожилая учительница. И Валера постановил: арестовать автомобиль районного финотдела. Раз нет у вас денег для учительницы, то и сами не тратьте деньги на бензин и вообще продайте автомобиль и выплатите положенное учительнице. Не вышло. Попробовал затем снять деньги для зарплаты учительнице с федеральных счетов в казначействе, и тут ему быстро объяснили, что не за тот гуж народный судья взялся.

Разумеется, благосостояние судьи от всего этого не улучшилось. Валера описывал один спор в поезде с отставником, служившим прямо в министерстве обороны кем-то. Отставник заявлял, что человек рождён, чтобы иметь, а Валера – что человек рождён быть, а то, что он имеет, дело второстепенное. Отставник возражал: быть и значит иметь. В конце концов, спросил, какой марки у Валеры авто. И Валера спёкся, у него кроме велосипеда никогда никакой техники не было. Нет! Всё же в Тарбагатае он обзавёлся мотоциклом «Юпитер – 5», правда, с рук и не на ходу. Так этот мотоцикл и стоял безмолвным укором народному судье в сарае. Валера завешивал его мешками из-под картошки. А зря. Глядишь, в том философском диспуте с отставником и ответил бы веско: «Имею».

Но уж иметь он вовсе не склонен был. А вот быть хотел.

В письмах он сообщал о своём житье-бытье, о зимних вечерах, когда он сидел с гитарой, наигрывая фламенко, Лида читала, в посёлке завывал степной дикий ветер,

печь тихо гудела, по комнате похаживал кот, – всё, как у Фета, писал Валера. И рассуждал о том, что если есть судьба, то есть и вечность как полнота времён, и, следовательно, мы существуем на двух уровнях: во времени как корпускулы и в вечности как волна...

Его письма поддерживали нас в минуты, как говорится, роковые. Валера называл нас родней *по давшинскому кислороду в крови* и относился к нам по-отечески, ну, или как старший брат. Меньшиковы звали нас в гости *хотя бы на месяц*. Готовили нам светёлку, рассказывали о всяких разносолах, которые поджидают нас. Сулили экскурсию на Байкал, а то и в Давшу, тихо пустевшую все годы новой России. В конце концов, там остались всего несколько человек. Лесники работали в заповеднике вахтовым методом. Долгие годы заповедник возглавлял Геннадий Андреевич Янкус. В ту пору, когда мы пытались подступиться к созданию заповедника нового типа, отношение к директору было скептическим. Но теперь-то стало ясно, как много хорошего он делал для охраны уникальной баргузинской природы. С этим соглашался и Валера.

Идея нашего заповедника осталась... где-то там, во времени, некий мысленный образ витает над бирюзой и снегами сибирского моря.

Жизнь Валеры трагически пресеклась.

Но байкальский кислород, давшинский, как писал он, тот кислород, что роднил нас, всё же остался светлыми пугырьками в нашей памяти, в письмах и, как кажется, в его непритязательных, но искренних и чистых стихах, – как опровержение его самоопределения: коллапсар. Нет, от его личности всё же исходит свет.

Валерий МЕНЬШИКОВ
(23. 02. 1940 – 19. 06. 2008)

МЫ ДЛИМСЯ КАК КОСМИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ

* * *

*Как драгоценна чистая вода! –
Звонит, лучится, в ней играет солнце,
Играет рыба: видно иногда,
Как тень мелькнёт по золотому донцу.*

*А воздух! Безупречной чистоты,
Он – благ для зренья, враг для расстоянья:
И горные заморские хребты
Приблизились, гранёные в сиянье.*

*Небесной чаши синие края
Как зачерпнуть склоняются к Байкалу,
И капель среди прочих жизнь моя,
В течение попав, затрепетала.*

1978 – 1985

КНИЖНЫЕ ОСТРОВА

*Есть в каждом море острова,
И в книжном – есть; вот лунный Бунин;
Любой строкой его люблюсь,
Ценя гранёные слова.*

*Вот гениальный Пастернак.
Он, словно сад, в котором мрак.
Но главное не мрак, однако,
А голос соловья из мрака.*

*А вот и наш Рубцов. Он – тих,
Но тих от глубины и силы,*

*И, может быть, люблю Россию
Я чище сквозь рубцовский стих;*

*И, может быть, сама Россия
Не только люди и страна,
А эти, вот, душе родные
Во книжном море острова.*

2007

ПОДРАЖАНИЕ ЯПОНСКОМУ

*Мелькнул на крыльях мотылька
Узор, достойный жить века.*

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ

*Над белым полем в небе зимнем
Широкий полог белых туч,
И солнца, скрытого за ними,
Как молоко, разлился луч.*

*Какая белая погода!
Безмолвно ворон пролетит –
И под чертой его полёта
Ещё белей окрестный вид.*

* * *

*Уже я многих пережил.
Да только этому я рад ли?
Я ничего не совершил
И совершу теперь навряд ли.*

*Неужто зря я цвёл и зрел
В краю багульников и сосен?
Что я отвечу, если спросят
Те, кто меня любовью грел?*

*Простите, мама и отец,
Что я наследство вашей стати
Как разгулявшийся юнец
Так безалаберно растратил.*

*А впрочем, где же и гульба
В существовании убогом?
Но, может быть, моя судьба
Пойдём кому-нибудь уроком.*

1980

* * *

*Оранжевый телёнок
На лугу зелёном,
Где не жестоко, хотя и жёстко
Кузнечики звучат;
И над травой низкорослой
Цветы и бабочки парят.*

*Я счастлив счастьем мимолётным
Что лёгкий ветер холодит мой лоб,
Что обменялся взглядом беззаботным
Со мной оранжевый телок.*

1967

* * *

*В который раз гляжу бессонно
Во тьму, хотя бессилён глаз,
Но я, склонясь к окну вагона,
Гляжу во тьму в который раз.*

*А за окошком чуть различимы
Плывут клубы неясных масс,
Как будто мир из тьмы и дыма
Творится заново сейчас.*

*А я в себе найду ли силы,
В который раз лишась всего,
Что было дорого и мило,
Подняться вновь из ничего?*

1976

* * *

*Какая роскошь – август по-давшински!
Ещё не тронуты берёз колокола,
И клюква бледная на моховой подушке
Красавицею спящей прилегла.*

*Но началось уже сражение сенокоса.
Низинная тайга до самых гор
Заголубела спелым дикоросом
Безболбно, щедро, словно мне в укор.*

*«Живи – живи» – журчит Давшинка-речка.
Зачем – зачем? – хотел бы я спросить.
Но не спрошу, изображу беспечность,
Чтобы давшинский август не мутить,*

*Чтоб ветер пить, настоящий на кедрах,
Впивать закатов праздничную ярь,
Покуда август лишь слегка накрён,
Лишь чуть переливается в сентябрь.*

1984

* * *

*Если вам случится ехать
Баргузинским жёлтым трактором,
Если летняя погода
будет золотой,
Если также будет золот,
а не желчен ваш характер,
То одарит вас дорога
незабвенной красотой.*

*Вдоль дороги бор сосновый –
что зелёные колонны;
Пролегла дорога строго
на восток, пряма, чиста;
А в конце её синее,
обнимаясь с небосклоном,
Сам Байкал как совершенство,
как буддийская мечта.*

*Ни волнения. Нирвана.
Синева невозмутима.
Только в зелени окрестной
величавый тихий шум;
И дорога золотая
вас несёт неотвратимо
К синеве, с которой слиться
изумлённый жаждет ум.*

*С замираньем ближе, ближе –
к пониманию чего-то
Наиглавного, быть может.
Для чего и слова нет.
Но вильнёт дорога в горы
и навек за поворотом
Остается это что-то без названия
звенеть...*

*Ходит смерть не за горами –
носим сами за плечами,
А когда она сорвется
и повеет у лица,*

*Баргузинский тракт припомни,
понимая без печали,
Что теперь твоя дорога
распрямилась до конца.*

1983

СНОВИДЕНИЕ

*Ещё малолеткой я видел во сне
Такое, что помню как праздник:
По синему небу на белом коне
Летел удивительный всадник.*

*Над смуглым восточным точёным лицом
Сияла чалма белизною,
И вот он уже перед нашим крыльцом,
И вот говорит он со мною.
«Спешу – говорит – но чуток погожу.
Для всех неизвестность мученье,
А я тебе книгу Судьбы покажу:
Читай о своём назначеньи».*

*Читаю с поспешностью лист за листом,
Читаю, а памяти – нету.
И всадник с бесстрастным прекрасным лицом
Умчался по синему небу.*

*И вот – мне за сорок. Не срок для борьбы.
На что же надеюсь как будто?
Не помня ни слова из книги Судьбы,
Я помню, что золотом – буквы.*

1982

В ДОРОГУ

*Снова снятся дали сиреневые,
Бесприютный вокзальный шум,
И письмо в родную деревню
Я не скоро теперь напишу.*

*Неизвестные, тёмные, строгие
Распахнулись чужие края,
И летит впереди над дорогою
Голубая мечта моя.*

*Голубая летит, обманчивая.
Эх, поймать бы её, поймать.
Но полёт её не оканчивается
И дороге конца не видать.*

*Ехать мне без обратного адреса,
Успокаиваясь на том,
Что, как в сказках старого Андерсена,
Жизнь бывает с хорошим концом.*

*Так ли? Так? Это вера древняя.
Позади – никакого следа.*

*Впереди – только дали сиреневые,
Впереди голубая мечта.*

1960

* * *

*Нам надо быть не только потому,
Что наши мамы ожидают писем,
Что от детей, резвящихся в дому,
Мы горячо и радостно зависим.*

*Нам надо быть ещё и потому,
Что как ни величаво мирозданье
Мы – пусть как звезды! – мы нужны ему,
Необходимы для существованья.*

*Настанет срок, мы, жизнью истончась,
Как в острие сойдём, но не исчезнем:
Сработавшие в общем деле честном
Мы длимся как космическая связь.*

1980

*Нынче время, что все на колёсах.
И тревожно увидеть в пути
Пешихода – котомка да посох –
Он аварии символ почти!*

*Странно, дивно – котомка да посох.
Вроде странника этот старик.
Легковые форсят без вопросов,
Иногда тормознёт грузовик.*

*Одежонка – на вид парусина –
Прополоскана синим дождём.
За какую нуждой по России
Он подался, покинув свой дом?*

*Мчатся юные, влитые в джинсы;
Торжествуется чей-то успех,
А старик на обочине жизни,
Но без зависти смотрит на всех.*

*И глаза его – голубоваты,
Кожа, где не загар – сголуба,
Голубой сединою объята,
Как сияньем, его голова. –*

*Это небо его растворяет,
Это даль зазывает его.
Что-то каждый из нас потеряет,
Если рядом не станет его;*

*Кто-то примет котомку и посох
И пойдёт за ушедшим вослед,
Оставляя живущим вопросы,
На себя принимая ответ.*

Чтобы не вымерли, как динозавры

Просветительский центр «Белый мишка» в Норильске. За детским названием этого учреждения кроется обширная работа по сохранению популяции белого медведя в России.

С весны 2018 года на полуострове Таймыр Экспертный центр «Проектный офис развития Арктики» (ПОРА) начал реализацию проекта «Сохраним белого медведя».

На наши вопросы ответили разные участники команды проекта:

– **Олеся Богдановна Кужель** (координатор программы «Сохраним белого медведя», менеджер межрегиональных проектов «ПОРА»)

– **Ольга Юрьевна Шадрина** (руководитель просвети-

тельского центра «Белый мишка», писатель, педагог)

– **Алёна Макарова** (методист, педагог, эколог)

– *учащийся просветительского центра Владимир*

– **Олеся Богдановна, людьми, задействованными в проекте, руководит, в основном, равнодушное отношение к проблемам Арктики, верно?**

– Это действительно так. Одно дело понимать проблему, основываясь на сухих фактах, а совсем другое – осознавать себя частью природы, относиться к нашей планете как к очень хрупкому дому, который нужно беречь и защищать. Я родилась и выросла в Норильске, поэтому в какой-то степени это было

предопределено судьбой. Хотя после школы я уехала учиться в Москву и после университета несколько лет моя работа не была напрямую связана с Арктикой, в 2018 году я познакомилась с «Проектным офисом развития Арктики». Помимо того, что мне оказались близки их взгляды на развитие российской Арктики и нравились те проекты, которые ПОРА реализует, был ещё и «зов сердца» – делать что-то полезное для своей Малой Родины.

– **С чего началась реализация проекта «Сохраним белого медведя»?**

– С самого начала нашей деятельности основной упор делался на информационную антибраконьерскую кампанию и совместную работу с учёными. Но очень скоро стало понятно, что всё это не обеспечивает достаточных профилактических мер по сокращению численности медведей. Сам факт браконьерских действий является следствием несформированного бережного отношения к природе и к данному виду животных в частности. Очевидно, что браконьерство будет процветать, пока, например, на шкуры белого медведя есть спрос. В связи с этим было принято решение о реализации программы экологического воспитания подрастающего поколения, ведь именно в детстве осуществляется формирование

определённых социальных и экологических установок.

В том же 2018 году на безвозмездной основе для юных жителей Норильска открыл свои двери Просветительский центр «Белый мишка» (spasimishku.ru). Его руководителем стала Ольга Юрьевна Шадрина, старший научный сотрудник музея г. Норильска, писатель, человек, владеющий экспертными знаниями о белом медведе, и, одновременно, являющийся специалистом по работе с детьми.

– **Ольга Юрьевна, вы руководите работой Просветительского центра «Белый мишка». Что главное в вашей работе?**

– Смею надеяться, что моя миссия и миссия центра совпадают: «Я люблю, потому что знаю!» Главной миссией центра является воспитание экологически грамотного человека, способного анализировать ситуацию и происходящие явления, осознанно относиться к своей деятельности, понимать хрупкость экосистемы и взаимосвязь человека с живой природой.

Занятия в центре проводятся по нескольким направлениям. Через изобразительную, декоративно-прикладную деятельность, театр и литературу, а также компьютерную графику и анимацию дети изучают белого медведя, его соседей по Арктике, природу региона, историю, получают первый опыт научной деятельности и работы в команде. На уроках используются технологии дополненной и виртуальной реальности.

– **Каким образом удаётся реализовывать задуманное на занятиях в просветительском центре? По какой программе занимаются дети?**

– Юным «учёным-супергероям» прививаются позитивные ассоциации, связанные с образованием. Темы раскрываются через так называемые сюжетные линии. Основной движущей силой является детское любопытство, природная исследовательская потребность. Здесь особенно чувствуется практическая направленность, без перегруженности теоретической ин-

формацией. На уроках ребята проводят исследования, наблюдения, опыты, придумывают и создают, собираются в круг учёных и обсуждают изучаемые явления. Здесь действительно даются реальные знания и формируются навыки, которые пригодятся как в школе, так и в дальнейшем: умение оценивать проблемы и подбирать решения, поддерживать содержательный разговор о явлениях окружающего мира, формировать связи в социуме. Работая в команде над теми или иными задачами урока, дети из разных социальных групп получают общую поддержку, одобрение, учатся безбоязненно предлагать идеи и конструктивно выражать своё мнение. Воспитанники центра уже на первом году обучения способны пройти путь от задумки проекта до его реализации.

– **Алёна Владимировна, вы ведёте онлайн-занятия по сюжетной линии «Динозавры». Какие у вас впечатления от работы, отличаются ли уроки от школьных?**

– Прежде всего, курс от-

личается от уроков в школе информационным наполнением – материал выходит за рамки школьной программы. Сама форма проведения уроков тоже другая. Каждый урок – это поиск ответа на вопрос, поставленный самими детьми. В процессе курса дети знакомятся с основами исследовательской деятельности: находят проблему, ставят перед собой цели и задачи. Они предполагают, экспериментируют, получают данные, проверяют своё предположение. Следует отметить, что процесс поиска ответов не предполагает заучивания терминов «цель», «задача», «гипотеза». Однако, дети проходят все эти этапы.

– **А как сюжетная линия о динозаврах связана с Арктикой?**

– Через призму темы о динозаврах ребята знакомятся с общими принципами и законами классической экологии. Если мы будем знать, как устроен мир природы, как взаимодействуют животные, как они отвечают на изменения, происходящие в природе, это поможет понять не только причины исчезновения динозавров, но и проблемы, связанные с современными

животными, в том числе и с белым мишкой. А если знать причину, то эффективное решение найдётся быстро. Также на занятиях мы совершаем путешествия во времени: мы говорим о юрском периоде, а через 10 минут мы уже в современной Арктике и изучаем адаптацию животного мира Арктики. Это необходимо для того, чтобы понять закономерности явлений у динозавров на примере современных животных.

– **Давайте узнаем мнение самих ребят. Владимир, ты живёшь в Москве и принимаешь участие в изучении динозавров на онлайн-занятиях. Возникло ли у тебя желание позвать на эти встречи кого-то из своих друзей?**

– Нет, потому что не всем нравятся динозавры. Но мне самому это очень интересно!

– **Какой факт о динозаврах тебя удивил? Какое занятие запомнилось больше всего?**

– Удивил факт того, что у динозавров были разные типы взаимоотношений. Как раз и запомнились встречи, на которых мы это обсуждали. Также понравился урок о питании динозавров.

– **Расскажи подробнее о взаимоотношениях динозавров или об их питании.**

– Оказывается, динозавры не только охотились (хищники на травоядных), но и могли получать выгоду друг от друга, сосуществуя вместе.

– **Олеся Богдановна, вопрос к вам, как к координатору проекта. Есть ли мысли вести очную работу в других регионах?**

– Да, в этом учебном году к нам присоединяется школа далёкого арктического посёлка Амдерма (Ненецкий автономный округ). Для ребят, живущих далеко от городов, такая возможность имеет особое значение – это их опыт и открывающиеся перспективы.

– **Что вы можете рассказать об уже имеющихся результатах работы просветительского центра?**

– Значимым достижением стало присуждение нам в 2020 году одной из самых престижных премий в области экологии – Национальной экологической премии имени В.И. Вернадского. Просветительский центр «Белый мишка» стал победителем в номинации «Экологическое образование в интересах устойчивого развития». Однако для нас, пожалуй, ещё более значимы результаты наших учеников – они за 2,5 года много раз становились победителями различных научно-практических и творческих конкурсов городского, регионального и всероссийского уровня. Мы видим, как наши ученики развиваются, они участвуют в экологических акциях (например, этим летом мы проводили уборку на озере Долгом в Норильске и на Енисее в Дудинке) и в целом стараются сами вести более экологичный образ жизни и привлекают к этому родителей.

Материал подготовила
Анастасия АДАМЕК

г. НОРИЛЬСК

Чудо у Мыса Шмидта

Есть у них что-то общее. Возраст – 33 года. Оба погибли во имя спасения людей. Одного подвели два ученика, другого – два мотора. Если у самолётов есть Бог, то это – ледовый разведчик Ил-14 с бортовым номером 61788.

События того рокового дня для всепогодного корабля ледовой разведки развивались стремительно. Взлёт из Чукотского аэропорта Мыс Шмидта, набор рабочей высоты 100 метров, отказ правого, а затем и левого двигателей, попытка лётчиков вернуть лайнер на взлётно-посадочную полосу. Затем последовало стремительное снижение, удар о воду, от которого в щепки разлетелась правая плоскость и – остановка на мелководье посередине глубоководной лагуны. Всё это заняло ровно 4 минуты... А предшествовал случившемуся ряд счастливых для экипажа обстоятельств, благодаря которым последний полёт самолёта не стал для людей трагическим.

Первое счастливое обстоятельство. Накануне печального дня вылет на ледовую разведку был отложен. Отметим, что ветер в то утро дул со стороны скалистого мыса Вебера, а самолёты всегда взлетают на ветер. К утру следующего дня ветер сменился на прямо противоположный и старт состоялся в сторону лагуны Акатан. Не нагнетая излишних страстей, можно смело предположить, что посадка на утёс Вебера могла закончиться печально не только для самолёта, но и для его экипажа.

Второе счастливое обстоятельство. Посадка на воду с полной заправкой топливных баков оказалась безопасней посадки на галечную косу, где пожар и взрыв были бы неизбежны.

Третье счастливое обстоятельство. После удара крылом о водную гладь самолёт развернуло и вынесло на отмель в центре лагуны. Исчезла опасность ухода его под воду.

Четвёртое счастливое обстоятельство. Падение самолёта произошло вблизи от места взлёта. Если бы это случилось далеко в море, где много торосистых льдов, всё могло бы кончиться совсем иначе.

Достойным преемником Ил-14 станет Ил-114-300

Я намеренно не упомянул про мастерство лётчиков – про их знание самолёта, умение им управлять и хладнокровный расчёт своих действий. Всё это – несомненные факты. О чём и повествуют скупые строки Отчёта о лётном происшествии:

«Место приводнения самолёта непригодно для безопасной посадки. Этот факт доказывает, что обстоятельства вынудили экипаж произвести экстренную посадку.»

«Недостатков и нарушений в подготовке и действиях экипажа, персонала служб обеспечения и управления полётом комиссией не выявлено.»

Лётчики блестяще справились с выпавшими на их долю испытаниями.

А теперь – самое главное. Ил-14 – машина летучая. На профессиональном языке лётчиков это означает, что она устойчива в воздухе, хорошо управляема, отзывчива к действиям пилотов, прощает мелкие огрехи в технике пилотирования, а крупные исправляет сама. Чтобы ур-

онить такую машину с небес, нужно сильно постараться и это почти невозможно. Самолёт всячески препятствует падению. Но отказ сразу двух двигателей на малой высоте с полной топливной загрузкой – это запредельное испытание даже для такой «ласточки», как Ил-14. И всё же машина, проявив свои лучшие лётные качества, плавно спланировала и приводнилась в лагуну Акатан, спасая жизнь своего экипажа.

Вот такое авиационное чудо было спроектировано и создано в знаменитом ОКБ Сергея Владимировича Ильюшина в далёкие 50-е годы.

А сегодня на моём столе стоит модель того самого Ил-14 с бортовым номером СССР-61788 – как напоминание о славной работе моряков, лётчиков, гидрологов на трассе Северного морского пути и завершении века ледовой авиационной разведки, так необходимой современным мореплавателям.

А может быть, построить прежний Ил-14, но с применением новейших технологий и современных композитных материалов?

Самолёт с таким планером просто обязан прекрасно летать далеко или близко, высоко или низко, а если надо – медленно или быстро – в Арктике и Антарктиде при любых погодных условиях. На его основе и Полярную авиацию возродить можно. Ведь не пристало великой авиационной державе летать в Антарктиде на модернизированных канадских самолётах Douglas DC-3, получивших современное название Basler-ВТ-67, постройки 1939 года.

Что скажете, господа авиационные конструкторы?

И конструкторы ответили:

– В настоящее время у нас в стране проходит испытания самолёт Ил-114-300, призванный стать достойным преемником Ила ушедшего. Серийное производство новой машины запланировано на 2023-й год.

Удачи вам, авиаконструкторы, лётчики-испытатели и авиастроители!

Стране очень нужен ваш самолёт!

Сергей СПИРИН

Вячеслав ОГРЫЗКО

Начальство изговнило сценарий, режиссёр изговнил то, что осталось

**Как Олег Куваев работал над повестью
«Птица капитана Росса» и фильмом «Идущие за горизонт»**

Бросив весной 1965 года геофизику и переехав из Магадана в Подмосковье, Олег Куваев вернулся к давней идее написать повесть о розовой чайке. Впервые он услышал об этой необычной птице, кажется, ещё в институте. Потом из справочников ему стало известно, что человечеству розовую чайку открыла летом 1823 года экспедиция на Землю Мелвилла капитана Джеймса Росса. Но более всего его потрясло признание выдающегося норвежского путешественника Фритьофа Нансена. Выбираясь в начале двадцатого века после неудачного похода к Северному полюсу на Землю Франца Иосифа, гениальный норвежец заявил: «Я готов хоть раз увидеть розовую чайку и умереть».

После этого мечта увидеть эту птицу появилась и у Куваева. В начале лета 1959 года он со своей геофизической партией отправился исследовать Чаунскую низменность. Рядом с его базой оказались рыбаки. Один из них, узнав об интересе Куваева, сказал, что розовая чайка гнездилась совсем рядом.

Что было дальше, Куваев спустя годы рассказал в документальной повести «Два цвета земли между двух океанов».

«Мы, – писал он, – отошли от базы не больше километра. Низовья Чауна изобилуют мелкими тундровыми озёрами. Из прибрежной осоки вырвались ошалелые утки. Кулики перекликались на всю тундру. В ржавой озёрной воде сутились плавунчики. С сухих озёр на противоположном берегу доносились гусиные крики.

Мы остановились у ничем не примечательного озера. Стая маленьких чаек кружилась над нами. Ей-богу, я не видел в них ничего особенного, необычным был только

полёт – чайки кружились в неровном, изломанном полёте и совсем нас не боялись.

– Дай-ка ружьё, – сказал рыбак.

Итак, на ладони у меня очутилась розовая чайка. Её невозможно описать – слова здесь бессильны, так же как, вероятно, краски или цветная фотоплёнка. Перья на груди были окрашены в нежнейший розовый оттенок. Такой цвет иногда приобретает белый предмет при закате солнца. Клюв и лапки были яркого карминно-красного цвета, верх-

Розовая чайка имеет
необычайный. Он вдобавок
интересен как А. Толстой
и чинит дикую птицу.
«Может быть, стоит
вспомнить Н. Пугачёва? и от
эго шмел вост. вост. до
делю.

За оном тундром восточном
може.

Ремарки Куваева к одному из вариантов повести о розовой чайке

няя часть крыльев, особенно плечи, жемчужно-серого или, скорее, голубоватого оттенка, и вдобавок шею украшало блестящее, агатового цвета ожерелье. Остальные чайки, ничуть не испугавшись выстрела, продолжали кружиться над нами. Я насчитал их семь штук. Они издавали тихие крики, ничуть не похожие на голоса других чаек, и – теперь-то я уж видел точно – полёт их был необычен. Это был какой-то порхающий полёт – так падает в воздухе обронённое птичье перо».

Весной 1960 года Куваев был из Певека переведён в Магадан. С одной стороны, перед ним открывались большие научные горизонты. Ему предстояло вплотную заняться проблемами гравиметрии. Он должен был включиться в поиски платформы Берингии и оценить перспективность Чукотки на нефть и газ. С другой – в Певеке оставалась часть его души и муза – молодая журналистка Бэлла Куркова.

Первая возможность вырваться в Певек, пусть и ненадолго, появилась у Куваева в середине лета 1960 года. Конечно, он в первую очередь хотел увидеть Куркову. Зная о страсти журналистки к чему-то необычному, Куваев собирался вовлечь любимую в поиски редкой птицы, которая приносит, согласно поверьям, счастье. Не поэтому ли в его полевой книжке за лето 1960 года так много оказалось отсылов к розовой чайке.

«Тема! – записал Куваев в блокнот. – Розовая чайка и всё, что с ней связано. Романтически приподнятое повествование...».

В Певеке Куваев сделал Курковой новое предложение. Не дождавшись ответа, он рванул в тундру. 9 августа 1960 года молодой геофизик записал в полевую книжку:

«Снова в Усть-Чауне.

Бродил по озёрам за розовой чайкой. План рассказа должен быть такой: лучше всего сделать это отдельными заголовками.

1. Записная тетрадь географа, где наклеены вырезки о розовой чайке Нансена, Леонтьева, Бутурлина. Оформлена, как у <Николаича в Верзилине>.

2. О Михальченко.

3. Два биолога: он и она, и ситуация, как у нас с Б.

Рассказывают эти ребята: Петро (Глухой), Гриша (Рваный Нос). Ночью я проснулся и слышал их разговор об их отсидке.

Название рассказа <о розовой чайке> обязательно по латыни.

В нашей Усть-Чаунской избушке снова те же ребята. В моде оранжевые куртки-рубашки из нейлона.

В Розовую чайку можно ещё вставить историю о чайках. Ненавижу горластых нахальных мартынов за их хищный крючковатый нос, острые жадные лапы и белое фарисейское оперение, которое и вызывает дилетантские ахи и вздохи. Воруют рыбу из сетей, распугивают дичь, навоят на честных людей тоску своим криком.

Бил я неосторожную гагару со шкурой крепче промасленного брезента, и перья можно выдирать только плоскогубцами.

Но я не могу стрелять маленьких чаек, которые бесстрашно пикируют тебе на голову и хлопотливо отчаянно верещат на людей, но деликатно отлетают в сторону, как только убедятся, что надоели тебе. Я не могу их бить за то, что похожи на розовую чайку.

В Усть-Чауне патефон, и мы с удовольствием переиграли по два раза все пластинки, которые там, «на материке», давно уже не вызывают ничего, кроме усмешки».

Упомянутая в записях Б. это и есть Бэлла Куркова. Она, однако, поразмыслив, вновь ответила Куваеву отказом. Из-за неё молодой геофизик получил кучу неприятностей на работе. Ему грозило увольнение из Северо-Восточного геологического управления.

После страшного нервного срыва Куваев собрался в отпуск. По дороге он сообщил своему старшему товарищу геологу Андрею Попову (с ним он сдружился во время прохождения своей преддипломной практики на Чукотке летом 1957 года):

«А ведь мне повезло в жизни, я уже увидел и держал в руках розовую чайку».

Отдыхая в подмосковном Костине, Куваев задумал в память о неудачной любви к Курковой написать повесть. В записную книжку он занёс:

«О «Розовой чайке»:

Начать по Паустовскому и А.Толстому.

Исторический стиль.

Лето 1823 года было сухим и <нрзб>...»

Почему Куваев упомянул лето 1823 года? Напомню: именно тогда капитан Росс открыл миру розовую чайку.

Итак: Куваев во время отпуска решил полностью погрузиться в историю.

«Сейчас, – признался Куваев осенью 1960 года своему старшему товарищу Андрею Попову, – тружусь, вернее, стараюсь трудиться над историей поисков розовой чайки в те далёкие годы. Сама по себе эта история – увлекательнейший и прекрасный подвиг С.А. Бутурлина. И розовая чайка стоит того, чтобы о ней писать, несомненно, стоит».

Два слова о Сергее Бутурлине. По основной профессии он был правоведом и много

лет служил в окружных судах Санкт-Петербурга и Прибалтики. Но ему ещё с гимназической поры интересно было изучать повадки птиц. В начале двадцатого столетия Бутурлин в свои отпуска несколько раз выезжал на Север. Летом 1900 года он наблюдал за птицами на Новой Земле. В 1902 году у него была возможность присмотреться к способам охоты ненцев на острове Колгуев. А в 1905 году ему улыбнулась удача: он на Нижней Колыме близ села Походск впервые увидел розовую чайку.

Вернувшись из отпуска в Магадан, Куваев вплотную засел за книгу.

«Сейчас по мере сил, – сообщил он Попову, – добиваю ещё одну повесть о розовой чайке».

В архиве писателя сохранились наброски к первому варианту. На одной странице фигурирует название: «Родосфетиа Роза». Помните, летом 1960 года Куваев подчёркивал, что хотел, чтобы его рассказ обязательно был назван по латыни?! А родосфетиа роза – это и есть латинское название розовой чайки.

Приведу первые строки начатой Куваевым повести:

«Сегодня я получил письмо от Мишки Щепанова...

«Здравствуй, старик, – писал мне Мишка. – Какие ветры и где сейчас гоняют тебя по этой неуютной планете. Кстати тебе ни за что не отгадать, откуда я пишу это письмо. Чудак! Тебе и в голову не придёт, что я снова торчу в нашей забытой богом и людьми деревушке. Новостей особых нет, колхоз по-прежнему даёт раскрутку, природа всё так же, точно по Есенину, девчата все повыходили замуж и те, кто уехал, и те, кто остался. Да, а Дед наш умер. Прошлый год. Помнишь Деда? «Клуб розо-

вой чайки». Чудаки мы всё же были.....»

Как же, Мишка... Я отлично помню наш клуб и давно уже знаю, что Деда нашего нет, очень жаль, кстати, что ты узнал об этом последним... Дед ведь всё время спрашивал о тебе. Я могу сейчас закрыть глаза и очень просто представляю себе нашу деревню. Деревянную одноэтажную школу с облупленными красными наличниками, ватную подушку пыли на дороге и лес, начинившийся уже на огородах. Ещё, очень много рябины. Деревню так и зовут Рябиновая Заимка. Красивое имя.

Мы были все в восьмом классе, когда в деревню приехал Дед. Это было настоящее событие, потому что длинная и почти невероятная для нашей вятской глуши легенда давно уже шла впереди этого пожилого человека. Семён Трифонович, это его уже потом прозвали Дедом, был полярник и он тоже был родом из нашей деревни, и ничем не примечательный Колька-Силима был его племянником. Вся деревня знала, что ещё давно Семён Макарин уехал из деревни учиться, как это делали многие, и потом неожиданно как-то стал полярником. Когда учительница показывала полуостров Таймыр, мы знали, что там живёт дядя Колька-Силимы, когда говорили о Папанине, все знали, что один из нашей деревни тоже полярник, и вот эта живая легенда приехала к нам, да ещё насовсем, «на пенсию», как говорили вечером бабы.

Нас было трое отчаянных дураков из восьмого класса, и в тот же вечер мы пошли рассматривать приезжего гостя».

Но потом Куваев от этого варианта отказался. На другом листке он перечеркнул старое, отпечатанное на машинке название и собственноручно, синими чернилами вписал другое: «Чайка адмирала Росса». Дальше следо-

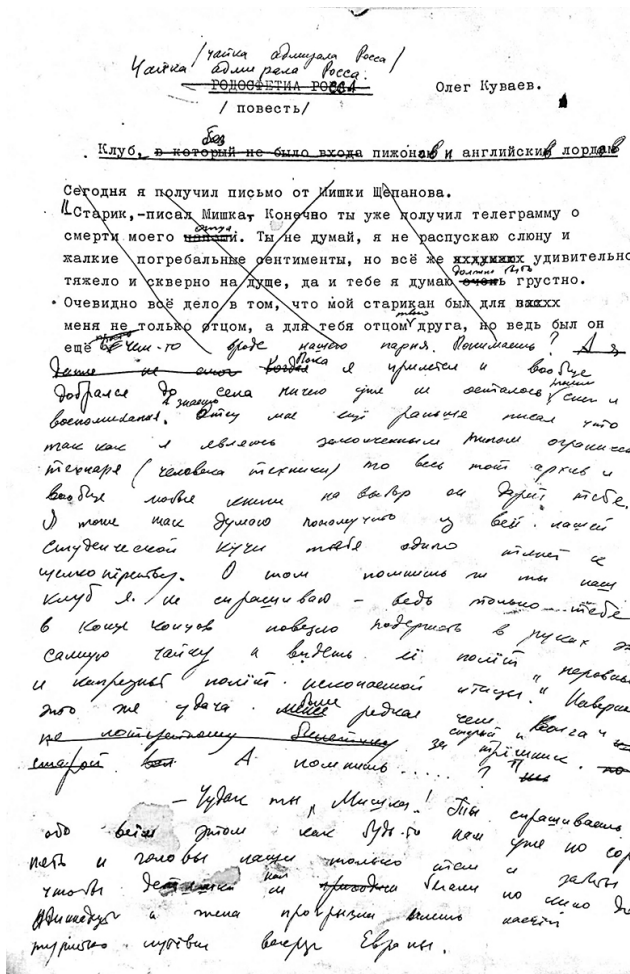
вала первая главка: «Клуб без пижонов и английских лордов». Куваев писал:

«Сегодня я получил письмо от Мишки Щепанова.

«Старик, – писал Мишка, – конечно, ты уже получил телеграмму о смерти моего отца. Ты не думай, я не отпускаю слюну и жалкие погребальные сантименты, но всё же удивительно тяжело и скверно на душе, да и тебе я думаю должно быть грустно. Очевидно всё дело в том, что мой старикан был для меня не только отцом, а для тебя отцом твоего друга, но ведь был он ещё чем-то вроде нашего парня. Понимаешь? Пока я прилетел и вообще добрался до села, ничего уже не осталось, только снег и воспоминания. А знаешь, отец мне ещё раньше писал, что так как я являюсь законченным типом ограниченного технаря (человека технички), то весь тот архив и вообще любые книги на выбор он дарит тебе. Я тоже так думаю, потому что из всей нашей студенческой кучи тебя одного тянет к шелкопёрству. О том помнишь ли ты наш клуб я не спрашиваю – ведь только тебе в конце концов повезло подержать в руках эту самую чайку и видеть её полёт «неровный и капризный полёт ископаемой птицы». Наверное это же удача более редкая, чем «Волга» за старый трёшник. А помнишь?..»

– Чудак ты, Мишка! Ты спрашиваешь меня обо всём этом как будто нам уже по сорок пять и головы наши только тем и забиты, чтобы детишки наши не бегали по кино до одиннадцати и жена прогрызла плешь насчёт туристической путёвки вокруг Европы».

Но потом Куваеву ход с письмом Мишки Щепанова показался неудачным. Работа над повестью застопорилась. Куваев об этом честно признался Попову.

Фрагмент рукописи с одним из первых вариантов повести Куваева

«Кстати, о розовой чайке, – уточнил он весной 1961 года Попову. – Идея написать повесть об этой чудесной птице, о том, как её нашли, и вообще в связи с этим о вопросе существования романтики классического типа в наше особое время, мне пришла давно. Но написать я её бессилен. За зиму сделал два варианта, и оба дрянь. Страшно зол я из-за этого. Всеми силами стараюсь не терять бодрость».

Куваев долго не мог определиться, от чего же ему оттолкнуться: от истории или от современности. Отклонив сцену с воспоминаниями о родной вятской деревне, он решил погрузиться в историю. На обороте одной из страничек с первым вариантом повести я нашёл краткую запись Куваева:

«Розовую чайку начать исторически. Для вдохновения посмотреть, как А.Толстой начинает эмигрантов. Может стать, сюда впахнуть Н.Пугачёва и от его имени вести всё это дело».

Наум Пугачёв, которого упомянул Куваев, был партийным работником. В 1933 году

власть прислала его в Усть-Чаунскую тундру строить на берегу океана новый город Певек.

Но от идеи сделать главным героем партийного вожака Куваев быстро отказался. Пугачёв годился лишь для фона, но не более.

В середине лета 1961 года Куваев возвратился к повести.

«Чайку», – пометил он в полевой книжке, – надо начинать с полярного дня в крохотном посёлочке типа Усть-Чауна.

Я могу на озере видеть этих чаек, тут же всякая философия насчёт абсолютных символов и потом три коротких отрывка.

Рассказ о том, как Н.Пугачёв голодал с Мальковым, они ели мышей, и Пугачёв всё время ждал аэросани. Мальков же видел, что аэросаней, конечно, нет. Пугачёв в бреду мог видеть и розовых чаек. Это и будет второй рассказ».

Вновь розовых чаек Куваев увидел летом 1964 года – теперь уже в низовьях Колымы.

«...нам, – писал он в 1968 году в документальной повести «Два цвета земли между двух океанов», – можно сказать, довелось жить среди розовых чаек, но ничто не могло сравниться с первым впечатлением. Возможно, для этого надо чайку держать в руках, но в тот раз я дал себе слово никогда не стрелять в них. Эту птицу убивать невозможно».

Я понял, что к середине 60-х годов Куваев неплохо проработал исторические линии, и прежде всего линию капитана Росса. Но он забуксовал, похоже, на современном материале. Всё упёрлось в выбор главного героя. Куваев не хотел, чтобы его вещь получилась чисто автобиографической. Он и так дал своему герою девичью фамилию своей матери. Его Ивакин – тоже вятский парень и тоже обожал, как и он, кататься на лыжах. Но нужен был динамизм. А как этого добиться? И тут Куваев вспомнил о своём приятеле Альберте Калининe, с которым несколько лет назад случилась страшная драма. Находясь в экспедиции на острове Айон, Калинин попал в катастрофу и едва уцелел, на всю жизнь оставшись инвалидом. Оттолкнувшись от этого факта, Куваев переименовал Калинина в Ивакина и придумал ему мечту. И повесть полилась как бы сама собой.

Новый вариант художественной повести о розовой чайке Куваев закончил в начале 1967 года.

«Вчера, – написал он 17 января 1967 года своему приятелю Борису Ильинскому, – отдал книгу и в «В.С.» [в журнал «Вокруг света». – В.О.], ещё одну на пять листов. «Чайка капи-

тана Росса». Но из «В.С.» её придётся забрать, это я им дал просто потому, что обещал. С Сапариным [главный редактор журнала. – В.О.] мы на сей раз не договоримся, да и народ весь мне толкует, что пора, давно мне пора переключиться в толстые журналы».

Но с «толстяками» у Куваева отношения никак не складывались. Одно время ему пыталась помочь влиятельнейшая член редколлегии журнала «Москва» Евгения Леваковская. Но в случае с Куваевым её рекомендации почему-то не срабатывали. А для всех других Куваев продолжал оставаться чужаком. Видимо, для «Юности» он недостаточно был либерален, а в «Октябре» всех смущало отсутствие у него классового чутья.

Делясь своими планами, Куваев сообщил Ильинскому:

«...уеду я на Кавказ, за счёт командировки, конечно. Буду дописывать там эту повесть, думать о смысле жизни».

Сделав за весну 1967 года очередную редакцию повести о розовой чайке, Куваев показал новый вариант опытнейшему редактору издательства «Молодая гвардия» Зинаиде Коноваловой (она до этого вела в издательстве его сборник «Чудаки живут на Востоке» и теперь готовила к печати другую книгу молодого писателя – «Весенняя охота на гусей»).

«Книгу я дописал, – сообщил он 11 мая 1967 года магаданскому писателю Юрию Васильеву. – Отдал. Коновалова прочла и пришла в ужас от этого бреда про чайку. Переделал. Отдал перепечатывать. Что будет, не знаю».

Куваев лукавил. Он был уверен, что Коновалова новый вариант повести о чайке,

конечно же, включит в новую его книжку «Весенняя охота на гусей».

«Сейчас, – доложил он 23 мая 1967 года главному редактору Западно-Сибирского издательства Абраму Китайкину, – я закончил ещё две повести: «Чайка капитана Росса» и «Азовский вариант». Они войдут в книгу, выходящую в «Молодой гвардии» в этом году, вернее, вошли».

Одновременно Куваев попробовал «Птицу...» пристроить в московские журналы. Но, похоже, в столице её никто брать не хотел. Не поэтому ли писатель отправил её в Магадан для альманаха «На Севере Дальнем»?

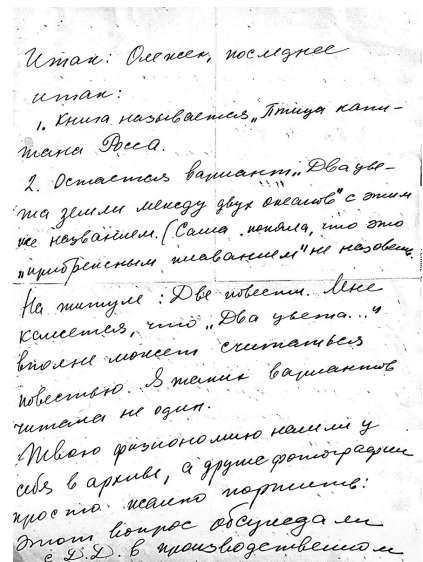
«Чайка капитана Росса», – сообщил он 24 мая 1967 года влиятельной в Магадане писательнице Галине Остапенко, – выслана Семёну <Лившицу> [Лившиц был главным редактором Магаданского издательства. – В.О.]. Сейчас он её получил несомненно. Выслал я ему её потому, что имел телеграмму: «Срочно высылай повесть». У меня, кстати, это единственный экземпляр. В альманахе она вряд

"БЕЛОЙ НОЧИ ЯРОСТНЫЙ СВЕТ."

литературный сценарий
двухсерийного телевизионного фильма

1.

Титульный лист рукописи одного из первых вариантов сценария Куваева

Фрагмент письма Куваеву магаданского редактора Л. Юрченко

ли пройдёт из-за казусов содержания. Может быть, всё-таки как-то удастся взять её в альманахе на время и протолкнуть на радио? Будут же они её размножать? Это было бы очень к месту, так как положение с финансами у меня до декабря, когда получу куш за <московскую> книгу <<Весенняя охота на гусей>>, очень и очень неважное. А тут ещё этот вояж в Магадан [Куваев планировал очередную поездку на Север. – В.О.]. Если будет можно – продайте как-либо и её. Из других органов я её забрал. Приходится следить, знаете ли, за чистотой репутации».

Куваев как в воду глядел. Для альманаха его повесть о розовой чайке не подошла. Отвергла эту вещь и Коновалова (книга Куваева «Весенняя охота на гусей» была сдана в печать без этой повести).

«С повестью <<Птица капитана Росса>> про розовых птичек – неудача, – признался он 6 ноября 1967 года магаданскому писателю Юрию Васильеву. – Хош она тебе и нравилась, но охарактеризовали её как квинтэссенцию дерьма из дерьмовой выжимки. Вот так. Ну это ничего».

Кто именно нелестно отозвался о повести, Куваев не уточнил. Самое важное – он не сдался и продолжил доводить свою вещь.

«Написал, – сообщил он 8 декабря 1968 года Васильеву, – я второй вариант, сдал повесть в «Искатель»...»

Уточню: «Искатель» был литературным приложением к журналу «Вокруг света».

А тут наконец проснулись магаданские издатели. Они приняли его документальную повесть «Два цвета земли между двух океанов». Но для книги этой вещи оказалось недостаточно. Куваева попросили подослать ещё что-то. Писатель не растерялся и вновь подсунил издателям повесть о чайке.

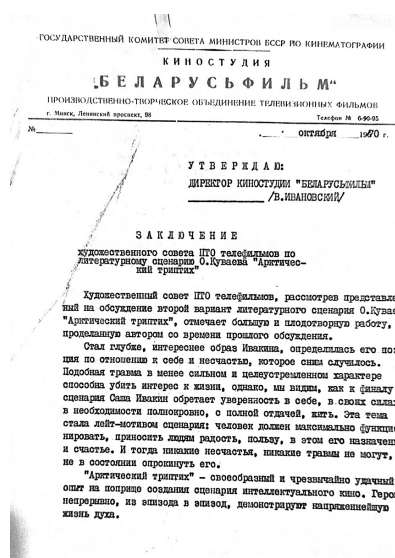
«У меня, – сообщил он 9 декабря 1968 года главному редактору Магаданского книжного издательства Семёну Лившицу, – есть плюс к ней [к рукописи «Двух цветов...». – В.О.] готовая небольшая повесть на два листа. Идёт она в первом номере «Искателя».

Куваев добавил, что суть книги после включения в неё повести останется прежней: «нечто вроде чукотских геологических диванов». Он уверял Лившица, что новая его вещь тоже о Чукотке. «Повесть, – подчеркнул Куваев, – светлая, без этих... изъянов».

Другими словами, писатель уверял издателей, что в идейном плане на этот раз он всё выдержал и ни в какую сторону от генерального курса не уклонился.

25 декабря 1968 года Куваев укатил к родной сестре Галине в Тбилиси. Там он в перерывах между загулами надумал переписать финал своей повести.

«...я, – сообщил он в конце января 1969 года Гуссаковской, – «сломил хребет» книги».

Что это означало? Дело в том, что Куваев писал многие свои вещи не так, как многие другие литераторы.

«...Мне, – рассказывал он Гуссаковской технологию своего творчества, – надо вначале слепить кое-как из кусков...».

И только потом Куваев все эпизоды сшивал в единое полотно.

Вернувшись с Кавказа в подмосковное Болшево, Куваев изо всех сил стал гнать новый конец повести.

«ибо, – писал он 29 января 1969 года Ольге Гуссаковской, – книгу Семёну <Лившицу> надо хоть в феврале послать».

25 февраля 1969 года Куваев высказал в письме Лившицу новые предложения по составу будущей книги.

«Общий же план намечается так:

1. Птица капитана Росса.
2. Рассказы
3. Дневник <прибрежного плавания>...
4. Большой медведь.

Название «Дневник прибрежного плавания». Объём – 12–13 листов».

Пока Лившиц переваривал это письмо, московская типография напечатала тираж номера «Искателя» с повестью Куваева о розовой чайке. Эта вещь сразу заинтересовала киношников.

О том, как всё случилось, мне 26 июля 2021 года из Бреста рассказал Роберт Святополк-Мирский, работавший тогда редактором на киностудии «Беларусьфильм». Он писал:

«1. Я прочел «Птицу» в «Искателе» №1 за 1969 г. – (у меня был свой экземпляр, по подписке) ещё до того, как стал работать на «Беларусьфильме». Повесть мне очень понравилась и я, как «киношник», сразу подумал об экранизации. Поэтому, спустя некоторое время, буквально через несколько дней после того, как я начал работать в Объединении «Телефильм» на «Беларусьфильме» (то, как и с каким трудом до этого дошло – это отдельная история), я принёс главному редактору Булавиной этот мой «Искатель» с горячей рекомендацией «Птицы». Как ни странно, вопреки моим опасениям, «Птица» ей понравилась, и она поручила мне связаться с Куваевым на предмет предварительных разговоров о возможной экранизации. Это оказалось не таким простым – найти Куваева. Нас было в Объединении «Телефильм» всего три редактора (все недавние выпускники ВГИКА): Изольда Кавелашвили, Марта Пятигорская и ваш покорный слуга, как писали в старых романах.

Искали Куваева все трое и довольно долго прежде, чем нашли.

Кроме сценариев Булавиной рекомендовала искать новых, молодых режиссёров. Я немедленно порекомендовал ей Вячеслава Никифорова. Я действительно был знаком с ним по ВГИКу – я действи-

тельно учился на заочном сценарно-киноведческом отделении и часто, как только мог, приезжал не только на экзаменационные сессии, а просто на просмотры фильмов и лекции очников. Так я познакомился с Никифоровым, который учился на режиссёрском факультете и с которым мы нашли много общих тем для бесед. Он показал мне свою курсовую работу – фильм «Актриса», который мне понравился своей тонкостью и глубиной, и поэтому спустя два года, когда мы оба уже окончили ВГИК и я знал, что он должен ещё защитить диплом, я сразу же связался с ним, узнал, что он всё ещё ищет тему для диплома, и с его согласия поговорил с Булавиной, рекомендуя его как талантливого выпускника. Она согласилась, и вскоре он был приглашён на студию для предварительной беседы и показа своих курсовых работ.

К этому времени нашёлся Куваев и тоже был приглашён на студию. Сейчас я уже не помню точных дат, деталей и подробностей, но бесспорным является следующий факт: поскольку дипломная работа не могла быть полнометражной (по разным причинам – сейчас это неважно), но объединение «Телефильм» хотело закрепить за собой и Куваева, и Никифорова, то в результате многочисленных совещаний и переговоров было принято решение: пока – ПОКА, заметьте, – пусть Никифоров в качестве защиты диплома снимет «Берег», на который с Куваевым тут же был подписан договор, а потом, если защита его диплома будет успешной – объединение вернётся к разговору об экранизации «Птицы».

Вот как всё было».

Итак: в конце весны 1969 года студия «Беларусьфильм» заказала Куваеву сценарий по рассказу «Берег принцессы Люськи», но уже имела в

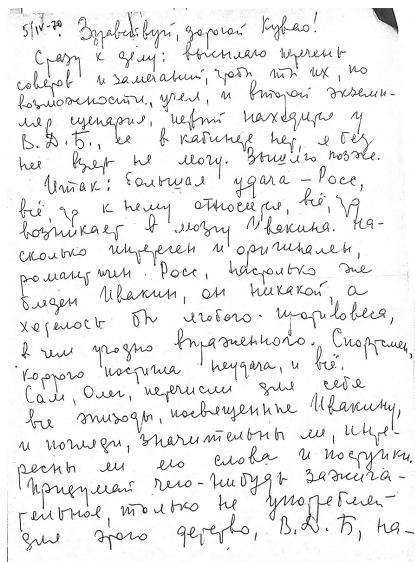
виду планы по экранизации повести о розовой чайке.

Однако все переговоры по «Птице» с писателем стала вести уже другой редактор киностудии Марта Пятигорская.

Сохранились письма Куваева. 16 марта 1969 года он писал Пятигорской:

«Уважаемая Марта Яковлевна!

Получилась осечка: из ещанного «шестилистового» варианта повести <<Птица капитана Росса>> я нашел у себя только один экземпляр с началом, с концом, но почему-то без середины. Бог его знает, куда она задевалась. Зато обнаружил некий промежуточный вариант на четыре с половиной листа (в «Искателе» было два). Но дело не в листах. Я его сейчас просмотрел и радости тут мало. Разве, что есть женщина, которую можно развить и использовать. В остальном – тягомотина, которой вряд ли можно найти применение в сценарии. Мне кажется, что за основу надо брать вариант «Искателя» и крепко его трансформировать. Повесть эта стоит у меня в книге, и я всё равно собирался её переписывать где-то к концу года.

5/17-70. Уважаемая, дорогая Куваева!
Сразу к делу: хотелось бы иметь совет и замечания, хотя бы их, но возможности, время, и второй экземпляр сценария, чтобы посмотреть у В.Д.Б., же в наличии нет, а без нее будет не могу. Выходит поздно.
Итак: получила удала – Росса, всё, что к нему относится, всё, что возмывает в мозгу Макария. Как-только успею и организирую, романчики. Росса, насколько же бледен Макария, он никак, а характер бы любого. Марголова, в нем трудно представить. Скорее, Каролю пошла макула, и всё. Саша, Олег, переписи мне себе для справки, пожалуйста Макария, и поможете, значит, чтобы ш, и всё, решит ли мо слова и поделки. Прощайте, лето-ли будет записки-газеты, только не уносите, пожалуйста это письмо. В.Д.Б., на

Фрагмент письма Куваеву редактора киностудии «Беларусьфильм»
М. Пятигорской

Вообще же по замыслу повесть – это поиски символа Арктики и не только символа, а вообще светлой прозрачности мира. Был у меня тут реальный герой Наум Пугачёв, первый советский работник на Чукотке, которому розовая чайка помогла выжить в одной немислимой ситуации. Я его убрал, потому что таких людей как Наум Пугачёв сейчас не производят, и он заслуживает отдельной книги.

Далее. Я взял на себя смелость предложить (коль скоро речь шла о коротких рассказах) свою давнюю первую книжку <<Зажгите костры в океане>> когда я жил ещё в Магадане. По-моему, здесь стоит обратить внимание на «С тех пор как плавал старый Ной», «Анютка, Хыш, свирепый Макавеев», «Где-то возле Гринвича». Это рассказы завершённые в себе. Один из знакомых режиссёров давно рвётся снимать «старого Ноя», да ему не дают, бо молодой.

«Принцессу Люську» <<Берег принцессы Люськи>> – если найдётся сценарист, которого она заинтересует, с удовольствием отдам на экранизацию. «Весенняя охота на гусей» как обещал, на этой неделе выясню.

Грузинский рассказ <<Эй, Бако!>> (нигде не публиковавшийся) пришлю. Что касается «Птицы капитана Росса», «Весенней охоты...», то я бы хотел, при прочих благоприятных условиях, и, если это Вас заинтересует участвовать в сценарии сам, но лучше в компании с профессионалом, который знает специфику телевидения. Такие ребята найдутся у вас, или здесь. Я же со своей стороны могу быть полезен, так как знаю северный быт и северные физиономии (я геолог и восемь лет безвыездно служил в «Арктике»). Впрочем, формы сотрудничества – будет ваш сценарист, или в компании со мной, или я один – это мы легко обсудим и легко придём к соглашению.

Может быть мне проще писать рассказы, заранее имея в виду телевидение. Бог его знает, это неважно. В привязанности же к московским фирмам Вы обвинили меня зря. Я всю почти жизнь жил в провинции и знаю ей цену.

Как видите, с моей стороны тоже налицо полная благожелательность и готовность сотрудничать.

Всех благ
Олег Куваев».

В это время произошли перемены в Магадане, где должен был выйти книжный вариант повести о розовой чайке. Там сменился главный редактор издательства. На место ушедшего на «вольные хлеба» Семёна Лившица обком партии вызвал из Подмосковья Людмилу Стебакову, работавшую одно время в «Роман-газете».

«Ваша рукопись «Дневник прибрежного плавания», – сообщила новая начальница 26 сентября 1969 года писателю, – находится у Л.И. Юрченко. Она будет вашим редактором».

Куваев предложил дополнить рукопись новыми рассказами. Но их отвергли, поскольку они были о юге, а не о Севере. Не понравилось магаданским издателям и название книги.

Куваев потом написал Людмиле Юрченко:

«Дневник...» мне кажется хорошим названием. Тебе нет. А как насчёт «Два цвета земли...»? Он отдаёт очерком, вот в чём беда. Опять же бодяга насчёт того, какая благодатная страна Чукотка – вот что может подумать читатель. Можно «Птица капитана Росса». Последнее будет, мне кажется, наиболее «кассовым». Если же ты категорически против «Дневника...», то давай назовём «Два цвета земли...».

Но Куваева очень огорчило серьёзное уменьшение объёма.

«Но вообще 8 листов – это не книга», – заметил он магаданскому редактору. А что могла Юрченко сделать?

«Людмила Юрченко, – вспоминала Ольга Гуссаковская, – была человеком незаурядным. Ей недоставало образования и природной широты души. Но, как никто, она умела впитывать чужие знания, прислушивалась к нам, филологам, самым выгодным образом подавала себя авторам. Пусть бы всё так и оставалось, если бы дело не касалось воспитания талантов» («Литературная Россия». 2005. 25 марта).

Отстаивать интересы Куваева Юрченко побоялась. Писатель попросил вмешаться Галину Остапенко.

«Очень бы я хотел, – написал он ей в октябре 1969 года, – чтобы книга была хотя бы листов на десять. Она и пойдёт лучше, чем какая-то брошюрка, и что печатать в ней есть, и вообще это солиднее».

Но Остапенко уже тяжело болела и давить на магадан-

ских издателей, как раньше, больше не могла. Не поэтому ли Куваев решил часть вещей, включая «Птицу...», продать ещё и москвичам?! 15 октября 1969 года он написал в издательство «Молодая гвардия»:

«Прошу включить в план 1971 года мою книгу под условным названием «Птица капитана Росса».

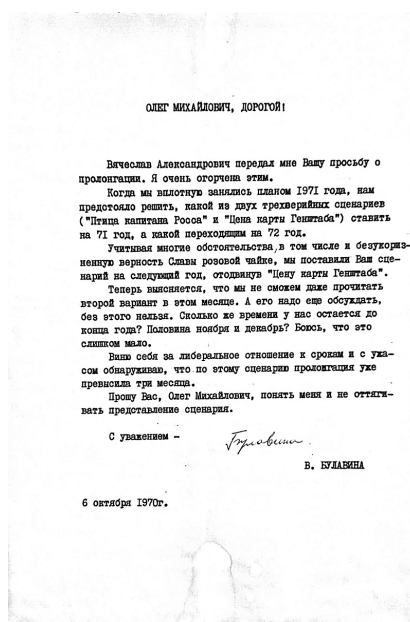
Поясняя свой замысел, писатель уточнил:

«В повести «Птица капитана Росса» (переработанный вариант) сделана попытка осмыслить присущее человеку стремление к мечте как непреходящей ценности жизни».

Однако мнение редактора «Молодой гвардии» Коноваловой о «Птице...» не изменилось. Она по-прежнему считала эту повесть неудачной. Куваев, когда об этом узнал, тут же переработанный вариант «Птицы...» отдал читать также в новое московское издательство «Современник».

В Магадане книга Куваева должна была уйти в производство 3 декабря 1969 года. Но в последний момент всё остановила Стебакова. Она затребовала рукопись на контрольную читку и обнаружила много сомнительных мест.

«1. «Два цвета земли между двух океанов», – утверждала Стебакова в своём отзыве, – не повесть, а путевой очерк или путевой дневник, и видимо, следует дать соответствующий подзаголовок. Вещь не отличается новизной и оригинальностью, она слабее, чем другие произведения О.Куваева. Автор повторяет много общеизвестных вещей (описание побережья Чукотки, заготовка копальхена, изготовление байдары и т.д.). Отдельные главы затянuty

лишь в Ленинграде он вспоминает окончательно о розовой чайке. Окончательный поворот к её поискам <...>

...

Драматургия

Росс – сломался. Шаваносов стал ловким и деятельным человеком. В конце – «Синдром – Н. Балаева»

Ивакин – супермен духа.

Общее

Во второй серии Шаваносов должен везде опережать Сашку Ивакина. Тот идёт по его стопам. Контраст времени

Росс

1. Сцена в кабаке
2. Судно в походе
3. Судно во льдах
4. Себастьян и Росс
5. Задержка судна
6. Прощание Росса
7. Захват Росса

Значит! Конец картины всё же в движении. После вездехода и оленей. Кочует. Больница. Теперь ты к этой карточке прикован. Ворует карточку, рвёт и сбегает. В чемодане, когда вскрывает, книга и дневники. Милиция – пацан. Глаза пацана».

Эскиз первой серии был готов к концу января 1970 года. 5 февраля Куваев написал Роберту Святополку-Мирскому:

«Сделал две трети 1-й серии на седнешний день. Этому три причины.

1. Полная перестройка сделанной нами схемы в угоду: новому составу редакторов, индивидуальной личности автора О.М. Куваева, явлению именуемому «так получается». Наша схема, видимо, полностью войдёт во вторую серию, опять же из-за феномена «так получается».

2. Непорядки домашнего плана.

3. Делами, которые пришлось разгребать перед этим. Доделал и сдал окончательно рукопись в Магадан, сдал книгу в «Молодую гвардию», написал рассказ о командировке

в Брест («Вокруг света» № 4) и ещё что-то сделал. <...>

Отправлю первую серию, вторая должна идти легче, пока она ходит, сделаю вторую, отправлю, пока ходит отправлю обе и приеду на худсовет. А так приехать – дело туго по многим причинам и главное – сценарий.

Слава <Никифоров> там выкинул фортель и фильм переносят на 71-й год. <...> Я же собирался в 71-м снимать «Азовский вариант», да ещё родилась идея одного быстрого сценария. Но это уже для могучей студии. «Люську» [фильм «Берег принцессы Люськи». – В.О.] ещё не привозили. Славка связался, купили его, с «Спешите строить дом» и вот. Дважды у меня был Валя Тушенцев [актёр, исполнитель одной из ролей в «Береге...». – В.О.]. Был он трижды, но один раз косою вдрызг, так что не в счёт, потому что я был до отращения трезв».

Из этого письма видно, что Куваев упрекал Никифорова за то, что тот согласился помочь Юрию Цветкову с музыкальной комедией «Спешите строить дом». По мнению писателя, это сильно помешало продвижению идеи экранизации его повести «Птица капитана Росса». Якобы из-за этого студия перенесла съёмки фильма о розовой чайке с 1970 на 1971 год. Но, похоже, Куваев ошибался. Фильм перенесли скорее по другой причине – из-за неимения готового и одобренного в инстанциях сценария.

Кстати, что за другой фортель, упомянутый в письме Куваева, выкинул Никифоров? В июне 2021 года я пытался уточнить это у самого Никифорова. Но он меня сильно уверял, что никаких фортелей не было. По его словам, он очень хотел снять картину о розовой чайке и, наоборот, всячески подстё-

гивал Куваева, чтобы тот не тянул со сценарием. Другое дело, что у писателя не всё получалось.

«Очень хочу, – сообщил Куваев 8 февраля Пятигорской, – скорее послать тебе первую серию. Может всё это сивый бред или, что самое страшное, ремесленная поделка, в меру профессионально сработанная. Я говорю в литературном смысле «меру профессионально».

Вообще же, Марта, сценарий навязчиво просится в четкий трёхсерийный. Но мы это обговорим и мудро обсудим, когда нам будет о чём говорить, когда какие-то страницы будут у тебя на руках. Кстати, Марта, передай мне со Славой <Никифоровым>, когда он повезёт «Люську», или просто вложи записку в конверт – каков объём по страницам машинописи стандартного телевизионного двухсерийного фильма. 100? 150? 129? И относительный объём между сериями по тексту. Может ли вторая быть короче?»

25 февраля 1970 года Куваев написал магаданскому прозаику Альберту Мифтахутдинову:

«Я вчера отнёс на машинку первую серию «Птицы капитана Росса». Неважный что-то получается сценарий. Ну а что ты хочешь, у меня на одном диване почти месяц живёт товарищ из Таджикистана и долбаёт философию, на другом Юрка Васильев, который долбаёт портвейн и мои мозги».

Свой сценарий Куваев собирался назвать не по повести, а по-другому: «Белой ночи яростный свет». Я нашёл пролог к сценарию. Куваев писал:

«Был берег океана и извечное как мир биение волн. Волны накатывались на берег,

ударяли тараном и отходили, чтобы накатиться вновь.

Был берег из чёрных скал, галечных мысов и убегающей в глубь материка равнины, усеянной озёрами, мягкими тундровыми холмами и редкими лиственницами – предвестницами лесов, начинающихся к югу от Полярного круга.

Был берег, прибой и лёд. Источенные водой, туманами, солнцем льдины были голубыми, зелёными, белыми, чёрными, от теней и красными в тех местах, где их освещало закатное солнце.

Над этим миром моря, тундры и льда в странном хороводе кружились розовые птицы. Они кружились подобно розовым лепесткам и полёт их был причудлив как у листа, гонимого ветром. Птицы кружились в танцующем хороводе, крики их принадлежали как бы другой вселенной. Отчасти это было верно, ибо розовые чайки – редчайшие птицы, которые никогда не спускаются по земному шару южнее Полярного круга, странные птицы, улетающие зимовать в разводья среди льдов вблизи Полюса. Они выводят птенцов в единственной точке земного шара – безлесной равнине в низовьях реки Колымы».

В примечаниях к сценарию Куваев отметил:

«Здесь начинается и далее неоднократно будет встречаться «историческая» линия фильма. Возможно её будет целесообразно сделать на дикторском тексте: всё происходящее на экране комментирует автор записок Николай Шаваносов. У него глухой надтреснутый голос разочаровавшегося мечтателя и очень застенчивого человека. Можно и кажется оправданным применение приёма фоторепортажа, привычной зрителю формы. «Фоторепортаж», составленный из старых, начала века фотографий, гравюр,

картин, рисунков, но главным образом всё-таки фотографий должен создать иллюзию полной достоверности записок. Реального их существования. Имеющееся знакомство с старыми фотографиями и изображениями различных арктических берегов, затёртых льдами парусных судов, быта «инородцев», вообще полярных сцен эпохи освоения Арктики в XVIII–XIX вв. позволяет надеяться на весьма выразительный видеоряд. Всё это в общем-то совершенно массовому зрителю неизвестно. Натурные киносъёмки будут незаметно вклиниваться в «фоторепортаж». Им так же необходимо придать вид старых документальных лент.

Эта часть сюжетной разработки сделана весьма схематично, так как создание иллюзии старины требует безукоризненной отработки дикторского текста и большого знакомства с изобразительным материалом. Общий антураж путешествия Шаваносова достаточно полно выражен в повести.

...Знаменитая фотография Фритьофа Нансена (в шубе с воротником шалью). «Мою жизнь, – говорит автор записок, – перевернули слова путешественника Нансена, однажды сказавшего: «Я согласен хоть раз в жизни увидеть розовую чайку и после этого умереть».

Кстати, тогда же Куваев озаботился песней для фильма. Ему хотелось что-то необычное. За помощью он обратился к своему старому приятелю Юрию Васильеву.

«Как-то в бытность из Сусумана, – напомнил Куваев товарищу, – прислал ты мне отличный стих про ветры там с Кубы и про Карибское море.

1. Твой ли он?

2. Изыщи его в своих архивах. В моих архивах в папке «Дело Ю.В. Василье-

ва» его нет. А нужен он мне позарез. Нужна мне баллада. Что-то среднее между Багрицким и Киплингем. Ну там о зове просторов и о Вечном Бродяге. Она, проклятая, решит сценарий двухсерийного, телевизионного, цветного и т.д. фильма «Птица капитана Росса». Её роль как роль песни «Тяжёлым басом гудит снаряд...» в фильме «Последний дюйм». Понимаешь, к конкретному содержанию фильма она не имеет отношения, но без неё нет фильма. Вот так я придумал.

А, может, сядешь, накропаешь страничку старому другу. Свобода самовыражения полная. Звук – металл. Сам знаешь, в стихах я не шибок, и хорей стихотворного, от хорей, которым погоняют оленей... разве что по пьянке отличу. Выпей стаканчик, может, вдохновишься. Я три варианта написал, но нет среди них единственного».

Но Васильев сделал вид, что всё запомнил. Выручил Куваева другой литератор – Владилен Кожемякин.

«Дорогой Вадик! – благодарил его писатель в одном из писем. – Я очень рад, что ты близко к сердцу принял мою просьбу и даже выдал один из вариантов. Что тут удачно? Первое – ритм! Ритм примерно такой и нужен. Второе – Большая Медведица. «...Не нужен медведицам дом и уют, а нужен им океан...». Эти строфы (есть и другие) – то, что надо. Это баллада о бродягах».

Повторю: фильм о розовой чайке собирался снимать молодой режиссёр Вячеслав Никифоров, но до этого он вынужден был сделать картину по другому рассказу писателя «Берег принцессы Люськи». В феврале 1970 года он даже засобирался в подмосковное Болшево.

«Маэстро Слава! – написал ему Куваев. – Что-то я, признаться, запутался в информации о твоих предполагаемых и действительных приездах.

Дело так: первая серия (назовём её «Чистовик черновика первой серии») лежит в машинке. Будет полезно, если ты её посмотришь. Полностью сценарий предполагаю сдать к 1-му апреля, естественно, обговорив всё это с В.Д. Булавиной [главный редактор объединения телефильмов на киностудии «Беларусьфильм». – В.О.] и получив разрешение на продление срока.

Во всяком случае, будет неплохо, если ты посмотришь чистовик черновика первой серии и план на вторую. Тот детский лепет, который ты прислал в письме, позволю всё-таки считать детским лепетом. Мне аж обидно стало, что ты меня счёл таким недоумком. Я решил, что писал ты второпях, да так оно, видно, и было.

В общем, извести меня, как и что. И что с «Люськой»? Я хотел написать про все дела Булавиной, но как-то со дня на день жду её приезда в Москву почему-то и вот всё откладываю. После посылки первой серии (чистовика чернового варианта, хе-хе) Марте <Пятигорской> напишу и ей.

Будь жив и здрав. Возникни на горизонте. О, великий шах иллюзиона.

Ваня-космонавт [приятель Никифорова и Куваева. – В.О.] живой. Внешне не изменился. Внутренне, по-видимому, тоже. От Вали [актёр Тушенцев, сыгравший одну из ролей в фильме «Берег принцессы Люськи». – В.О.] получил письмо и выслал ему монетки, которые он тогда по пьянке решил во что бы то ни стало всучить мне. Думаю, они ему пригодятся.

Олег».

Исходя из указанного Куваевым срока сдачи сценария, Никифоров стал строить пла-

ны. 3 марта 1970 года он сообщил писателю:

«Мало надежды, но всё ж, может быть, у тебя там так разворачивается, что можно и в этом году начать <съемки>. Исходи из таких сроков:

1 апреля ты сдашь, к маю поправки-доработки. Реж<иссёрская> разработка и подгот<овительный> период – 2 месяца. Итого уже август. Август-сентябрь ещё можно снимать на Севере, а потом? Короче, сколько чего в смысле натуре, из расчёта 60 полезных м<етров> при 10-часовом раб<очем> дне (2 серии, вероятно, частей 15–17).

Все эти расчёты не для того, чтобы натягивать и приспособливаться, нет, это должна быть солидная картина. Тем не менее хорошо бы примерно знать сроки на случай «отхожего промысла» у Эдика [Садрив – кинооператор, снимал по сценарию Куваева фильм «Берег принцессы Люськи». – В.О.] или у меня.

Напиши мне сразу же или позвони, мой телефон (снимаю хату) – 37-32-44, часов с 9-ти вечера.

Почитать то, что есть – страшно хочется. Как это сделать? Хорошо бы до того, как ты отправишь в ред<акцию>ю».

В своём письме Куваеву Никифоров не скрывал, что опасался, как бы «Птице...» не перебежал бы дорогу другой режиссёр.

«Ты, – просил он Куваева, – пока не связывай себя никакими подписями (есть у тебя договор и 25% – достаточно), до тех пор, пока мы с тобой лично всё не оговорим».

Вычитывая после машинки текст первой серии нового сценария, Куваев убедился, что получилась какая-то ерунда. По-хорошему следовало всё переделать, а значит, надо было просить киностудию

продлить сроки сдачи текста. За советом писатель обратился к Марте Пятигорской. 4 марта он направил ей письмо из трёх частей. Приведу его полностью:

«Часть I. Неофициальная.

Марта! Высылаю тебе как и обещал сегодня два экземпляра этого опуса. Второй экземпляр для чтения и пометок на нём, первый для представительства, коль скоро оно понадобится. Учти, что работу я буду вести по первому экземпляру, так я привык, так что ты мне его верни и второй с пометками тоже. Высылаю я сценарий тебе и в первую очередь только тебе. Булавиной [главный редактор объединения телефильмов. – В.О.] можешь показывать, можешь нет, решай это сама. Но мне бы хотелось, чтобы на этой стадии «чистовика черновика» его видело как можно меньше людей. А то больно пуганый у вас люд. То, что я прислал, ещё ни о чём не говорит.

Что надо? Нужны твои замечания по делу. Compliments, если они даже будут, оставь для другого автора. Мне необходимо твоё детальное мнение так, как ты говорила бы это сама себе. Мы должны сделать хороший сценарий, а не то, что согласится принять худсовет. Таким образом, в идеале я жду от тебя два экземпляра сценария, один из которых будет тобой исчеркан и к нему будет письмо. Если это всё очень плохо – не пугайся. Я всегда по первому варианту пишу плохо. Вытянем!

Часть II. Официальная.

Многоуважаемая Марта Яковлевна! По ряду обстоятельств, которые вряд ли будут Вам интересны, я несколько задержал высылку первого варианта сценария. Официальную просьбу о пролонгации сегодня же высылаю на имя главного редактора ПТО «Телефильм» Булавиной Валентины Дмитриевны.

С неизменным уважением
О. Куваев.

Часть III. Приватная.

Ребята! Вы там не ленитесь написать пару строк. И вообще живите хорошо. Я ежели куда буду исчезать, то извещу обязательно».

4 марта 1970 года Куваев послал обращение также к главному редактору ПТО «Телефильм» Валентине Булавинной.

«Уважаемая Валентина Дмитриевна! – писал он. – Весьма мне неловко из-за того, что задержал сценарий. Был для этого ряд причин: расхолаживающие слухи из Минска о том, что спешить некуда, бо фильм переносится, недельный грипп и машинистка, которая подвела меня так, что не смог к 1 марта прислать даже первую серию.

Первую серию выслал сегодня.

Ссылки на причины – это, конечно, разговорчики для бедных. Главное то, что фильм с самого начала пополз на двухсерийный (сценарий, а не фильм, чёрт побери грамотея). А сам сценарий прямо просится на трёхсерийный. «Винюваты» в этом Вы, так как Вы обронили фразу «да пишите хоть трёхсерийный». Я как-то стал думать и получилось три серии, посвящённые как раз трём героям-преемственникам: Росс (начало XIX века), Шаваносов (первые годы XX) и Сашка Ивакин – наш дражайший современник. Тщетно ждал я, что Вы приедете с «Люськой...», как это говорилось. Но Люська запропастилась и часть времени всё-таки была потеряна в колебаниях.

Ну ладно. На этом этапе всё-таки мне думается надо будет делать две серии. Ну а если материал покажет, что надо три, так будем три.

Пока речь идёт о двух.

Мне бы не очень хотелось, чтобы Вы, Валентина Дмитри-

евна, читали этот вариант первой серии. Это я сегодня высказал и в разговоре с Мартой. Какой-то пуганный народ на студии. Напишет автор по недомыслию какую-нить ахиною и уже крик: «Всё пропало». А ни черта ведь не пропало пока съёмки не начались. Боюсь я попросту Вас разочаровать для начала. Ибо сейчас пока ещё тот сценарий, который высечет слезу из каменных сердец художника не получится. Чёрт, нет в нём какой-то струны. Труба моя любимая не поёт.

С другой стороны совет, разумеется, нужен. И это не слова. Марте <Пятигорской> я выслал два экземпляра. В общем решайте проблему читать-не-читать сами «по наличию присутствия времени». Официальную просьбу о продлении я прилагаю (не ложится мне в душу слово «продлонгация»).

Если Вы будете в Москве – не считите за труд известить меня. Я наверное дней на десять исчезну, но не более чем на десять и Марта Яковлевна будет об этом знать. А поговорить было бы надо.

Длинный срок продления объясняется тем, что я хочу получить обратно первую серию с редакторскими замечаниями, послать вторую, получить её обратно и уж опосля прислать обе.

Всего лучшего, Валентина Дмитриевна».

И только 9 марта Куваев послал ответ режиссёру Никифорову. Он писал:

«Федя, салют! [Федя в данном случае и есть режиссёр Вячеслав Никифоров. – В.О.]

Получил я твоё письмо и опечалился. Говорили же ведь тебе, говорили и сам ты себе говорил, что с этой картиной не надо связываться. Ты всё-таки влез глубже, чем хотел, и вот, сидишь в говёшках.

Ну ладно. Давай мыслить о будущем. Понимаешь, с этой

дурацкой картиной ты подкузьмил и наши дела. Расхолодился я, узнав со слов космонавта-Вани про перенос, и как-то протянул время, да так ухитрился протянуть, что и первую серию опоздал к сроку представить.

Первую серию я выслал Марте <Пятигорской> 4-го <марта 1970 года>. Говорил с ней сегодня, как и твоё письмо получил только сегодня. Сценарий ещё не пришёл. Марте я дал ЦУ – дать его читать тебе, хотя вообще просил круг знакомства с этим вариантом жёстко ограничить. Ибо это пока вариант.

Что надо? От тебя, Слава, нужны идеи и предложения. Будешь читать – черкай прямо «к стр.» полагаю: «.....». Можешь писать как хош – я мальчик толковый и твою идею и мысль схвачу.

Теперь. Числа 14-го я улечу числа до 25-го. В общем, в Москву вернусь 25-го, 26-го. Надо будет нам с тобой свидеться. К этому времени надеюсь кончить и вторую серию и сдать сразу по приезде в перепечатку.

Так что «Люську...» я, видно, так и не увижу. Ну хрен с ней, с Люськой. Была бы Светка, да Ваня. А на Люську плевать...

Как нам увидеться? О моём улёте и вообще передвижениях ты узнай у Марты. Её как редактора я держу в курсе.

Никаких бумаг я, конечно, не подписываю и не собираюсь. Решим всё на совете совместном. Я, понимаешь, раз принятую позицию разрабатываю до логического конца. Даа... Хо-хо!

Если возникнешь до 14-го, а это было бы идеально – всё хорошо. Ибо в отъезде я займусь уже доработкой 1-й серии. Твои примечания и доп., если мы не увидимся, шли сюда. Или, если это будет быстро, то туда, куда скажет Марта. То есть, если ты вышлешь их раньше 20-го. Но вообще

лучше сюда. И лучше бы организовать толковище, пока я не сдал его, проклятого, на машинку. Раскладка времени у тебя, Федя, верная. Тем более, что к апрелю я сценарий не сдам. Или сдам, если лихо возьмёмся. Он, понимаешь, на трёхсерийный просится. Но это... Шшшш-ш!

Тут всё дело в том, чтобы его действительно не увели у тебя из-под носа. Ибо замыслили мы это дело вместе, неплохо бы вместе и довести до того самого логического конца.

В общем так. От 14-го до 25-го меня дома нет. Пока так планируется. Уточнить это можно у Марты. Первая серия у Марты же. Замечания в любом виде нужны и предложения, главное. Этот вариант считать черновым.

Вторая серия будет готова (черновая) числу к 25-му же.

Вот всё пока, Слава. Эдику <Садриеву> – привет. Не забудь, что ты должен мне черновой вариант повести. Сунька ты её в бандероль, самое верное дело, и отдай на почту.

Будь жив!

Олег».

Первой, правда, не сразу, а лишь через месяц откликнулась Пятигорская. Без долгих прелюдий она сообщила Куваеву:

«Сразу к делу: высылаю перечень советов и замечаний, чтобы ты их, по возможности, учёл, и второй экземпляр сценария, первый находится у В.Д.Б. [Булавиной. – В.О.], её в кабинете нет, я без неё взять не могу. Вышлю позже.

Итак: большая удача – Росс, всё, что к нему относится, всё, что возникает в мозгу Ивакина. Насколько интересен и оригинален, романтичен Росс, настолько же бледен Ивакин, он никакой, а хотелось бы любого противовеса, в чём угодно выраженного. Спортсмен, которого постигла неудача, и всё. Сам, Олег, перечисли для себя все эпизоды, по-

свящённые Ивакину, и погляди, значительны ли, интересны ли его слова и поступки. Придумай что-нибудь зажигательное, только не употребляй для этого детство, В.Д.Б., например, считает, что детство надо максимально сократить. Я тоже так думаю. Чужеродна эта вся старая история, понимаешь? Прекрасно впечатляет Росс, собственно, первая серия посвящена ему, и ради бога, пусть так и будет, но в этой серии, посвящённой Россу, должен всё-таки начаться диалог (человеческий, жизненный, диалог судеб) с Ивакиным. Ты поэтому можешь сохранить приоритет Росса, но подумай, как поинтересней проявить Сашу.

У Росса всё хорошо, не устаю радоваться. И чайка, смысл её появления, и песня, и его окружение, и как он себя ведёт в любом завале.

В.Д.Б. считает излишней сцену суда в адмиралтействе, она думает, что судьба Росса, изложенная в песне, больше поможет проявлению (от слова проявитель) легендарности Росса. И чайки. А так суд носит назидательный характер. Ещё она предполагает – это уже в линии Ивакина – не сделать ли даму Ивакина этакой розовой чайкой, мечтой своеобразной. Сейчас баба в дорожной меховой шубке – этакое создание – ей не нравится. И мне не нравится. Хорошо, что у Росса нет бабы, хорошо, что Ивакин видит Росса только таким, как это сделано у тебя, но если бы Росс был на месте Ивакина, он бы и не заметил такую бабу. С современной точки зрения с такой бабой надо переспать и забыть, такая не станет ни тоской, ни мечтой. Упаси бог, не надо делать из неё солдата или кирюху, но изюминка необходима. А так, понимаешь, мечтает она актрисой стать, одно это напоминает – сам знаешь что. Претенциозная она какая-то, а хотелось бы не претензию видеть, а позицию.

Не знаю сейчас, что подсказать, думала я над ней всё время, ничего дельного, никакой пружины не придумала. Может, тебя уже осенило, это ведь только осенить должно.

Вот, собственно, и всё. Да, тренер показался беднее, чем мог бы быть, схематичнее. Подумай. В.Д.Б. не против 3-х серий, тем более, что первую серию занял фактически Росс, стало быть, Ивакину остаётся две, чтобы отыгаться.

Олег, работай спокойно, без паники, удача налицо, но надо поднагужиться, чтобы было ещё лучше.

Очень тебя прошу, в случае такой необходимости, заранее извести о пролонгации срока, у нас требуют чёткости в этом вопросе. Я думаю, сейчас, получив благословение на 3 серии, ты можешь спокойно пролонгировать срок.

А если не хочешь, сдавай две серии тогда, когда ты считаешь для себя удобным, главное, работай без паники, ведь надо сделать отличный сценарий, а производство тебя догонит, за это не волнуйся. Надеюсь, ты понял, что совершенно свободно можешь выбирать, как поступить: прислать ли 2 серии или ещё поработать. Учитывая твой небольшой опыт сценарной деятельности, можешь прислать 2 серии, тебе во время обсуждения подскажут, как действовать дальше.

Жду твоего звонка или любого сообщения. Сценарий не черкали за ненадобностью, – со стилем всё хорошо. Молодец, Кувао [в письмах к Пятигорской Куваев иногда именовал себя на китайский манер. – В.О.], отлично сделал Росса. Умница.

Закругляюсь. Дома сплошной завал с обвалами: я болела, Иля болеет досе, мечемся, как угорелые, однако лики наши повёрнуты в сторону пресветлых цитатников, написанных великим Куваем. Дети читали твой сценарий благоговейно и

пели твою бродяжью песню хриплыми голосами. Жмём тебе руку, желаем удач. Работай спокойно. Марта».

Итак: оставалось уговорить Булавину. Куваев очень хотел, чтобы она разрешила увеличить объём сценария – до трёх серий и перенесла бы срок сдачи текста хотя бы на месяц – на середину мая.

12 апреля Куваев написал Булавиной:

«Прошу руководство объединения <<Телефильм>> рассмотреть ситуацию, возникшую в процессе работы над сценарием «Птица капитана Росса». При заключении договора на сценарий в объёме полнометражного фильма был предусмотрен вариант создания сценария в объёме двух серий, что уже на этом этапе следовало из возможностей, заложенных в сюжете сценария.

Уже в самом начале работы над сценарием «Птица капитана Росса» стало ясно, что уложить материал в одну серию практически невозможно. Идеиная направленность сценария требовала уделить достаточно места образу капитана Росса, олицетворяющего, если так можно сказать, «непреходящие ценности» романтики, романтического подхода к жизни.

В созданном двухсерийном варианте сценария фигура капитана Росса, фигура минувших времён, в определённом смысле всё-таки заслонила образ главного героя фильма, нашего современника, хотя именно образ молодого человека наших дней и связанные с этим эпизоды романтической современности наиболее интересны и важны в сценарии в идейном и художественном его плане.

Для того чтобы не ломать художественную конструкцию сценария, показать романтические стороны характера нашего современника как про-

должателя лучших традиций романтики прошлого в том числе, единственным выходом на наш взгляд является увеличение объёма сценария до трёх серий, что позволит достаточно полно развить сюжет, использовать имеющийся материал и сохранить необходимую пропорциональность в размещении идейно-художественных акцентов».

Эскиз третьей серии Куваев набросал, видимо, в мае. Читаем его записную книжку:

«III серия. Общий план её
Самолёт – железка – самолёт (окончание II-ой)
И всё-таки рвётся в село Якуб
Дневник
Смерть Шаваносова
Слепота – роз(овая) чайка
Больница – беглец
Картина – бегство
Приезд Лены
Сцена – побег».

Видимо, тогда же Куваев определился и с текстами песен для фильма. Для главной песни он выбрал текст Кожемякина, только слегка подправил его.

«Спасибо тебе за стих, – благодарил писатель Кожемякина, – а боле того за то, что вспомнил. Я, правда, вспомнил тебя дня на два раньше, решил написать, но ты упредил практически...»

Насчёт стиха, старче. Я употребил «Не нужен бродягам дом и уют...». Об этом я тебя извещал, как и о том, что переписал в угоду конкретному материалу. Получилось нечто кожемякинско-куваевское. Больше кожемякинское. Одним словом: вятское.

Сценарий получился трёхсерийный, большой, и там требовалось ещё около шести стихов – пиратских песен. Я их сам написал. На что хорошее, а на всякую забулдыжную лирику у меня ума хватает.

Этот последний стих очень, Вадик, хороший. Я его у тебя тоже заберу. И будем считать, что ты своё обещание полностью выполнил. Это в общем-то действительно так. Ты ещё присылал пару – могу выслать тебе, если ты забыл. Они у меня хранятся. По части этих стихов будут делаться, по-видимому, песни. Если они действительно будут (по твоему и по моим), я, возможно, приеду к тебе, и тут мы с тобой выступим как официальные соавторы, так как тут будут замешаны уже деньги».

В двадцатых числах июня Куваев объявился в Минске. Сдав сценарий, он уехал залечивать последствия запоев в Брест (там жена его первого редактора «Беларусьфильма» Роберта Святополк-Мирского организовала ему курс психотерапевтического лечения).

А 2 июля в Минске собрался худсовет.

Куваев не был уверен, что все члены худсовета успели ознакомиться с его сценарием. А значит, существовала угроза, что некоторые влиятельные киношники, не знакомые с материалом, могли склониться на сторону критиканов, боявшихся каждого чиха. Поэтому писатель заранее подготовил для худсовета короткое резюме, надеясь, что оно могло бы впечатлить неопределившихся коллег.

Куваев писал:

«Изложенная ниже история находится, по-видимому, на границе между жанром «чистой романтики» и областью «житейских коллизий». Но всё-таки она тяготеет к первому, хотя автор посылно старался избегать воспарения в горние выси сугубо романтических условностей.

Определить понятие «мечта» довольно сложно, так как оно имеет диапазон от диванных возлежаний с сигаретой в руках до той мечты, которая

выковывает характер, в конечном счёте делает человека в противовес личности с мелкими чертами лица – добывальщика модных торшеров и полированных мебели с робкими грёзами о собственном «Москвиче».

Автор взял именно таких героев. То, что в мирное стандартное время с ними происходят трагические случайности – закономерно, ибо они люди риска, люди действительной мечты и вероятность трагической случайности у них выше. Разумеется, заманчивее всего было бы написать историю о лётчике-испытателе или представителе иной сугубо опасной профессии, но автор взял географическую тему, ибо в 2100 году люди с таким же интересом будут читать книги Пржевальского, Ливингстона, Арсеньева с каким мальчишки наших времён читают про эру парусных кораблей, читают «Таинственный остров». География всегда была и будет лекарством от конформизма – болезни нашего времени.

География является наукой о земле в общем её аспекте. Лучшие представители человечества были всегда едины в своём стремлении вперёд и поэтому фигура капитана Росса, помимо того что он является реальным лицом и действительным первооткрывателем розовой чайки, здесь не случайна. Просто она отражает преемственность поколений и единство честных людей земли.

Автору были высказаны упрёки в том, что в сценарии происходят «мрачные вещи» – смерть, слепота и т.д.

Но если мы хотим растить настоящих мужчин, а сценарий адресован, прежде всего, мужской половине молодого поколения, то мы не должны подавать им стерильный сироп, тем более, что парней, подобных героям сценария, многие миллионы в нашей стране, хотя, разумеется, их не увидишь среди юных бездельников или

хватких молодых людей, рано понявших прелесть кооперативной квартиры и хоккейного матча у телевизора [с чашкой кофе на столике с тонкими ножками – *зачёркнуто*]].

Но предваряющий текст не помог. На худсовете сценарий Куваева был раздолбан по полному программе.

Я пока не смог отыскать в архивах стенограмму заседания. Но кое-какие записи по ходу обсуждения сделал сам писатель.

Читаем его рабочую книжку:

**«2 июля 1970 г.
Худ (!) Совет (?)**

Травма – розовая чайка.

Спасение. Она спасает, поэтому её вставить в травму.

Обаяние Ивакина – особенность.

2-я серия вялая раскрутка.

Карпов:

Первая серия ни к чему вообще. Кинуха!

3-я – кое-как началась.

С.И.:

Росс недоверие. Возникшая слепота должна быть неожиданной.

Стихи убрать? Конец банален?

Действия Ивакина. Бледноват, выясняется, что он слеп?

Все не умеют. Остап Бендер. Закон взаимовыручки – ситуации дать.

Даёт в конце. Использовал два пальца.

Не от мира сего. Всё отыгрывать.

{Рисунки}

Половников:

Песни. «Розовую <чайку>» позднее.

Судьба Росса. – Вообще кто он такой? Детство.

Купе. Загранка. Одиссея. 5000 км.

Самостоятельная новелла.

Лексика.

Прощание с Аней, и почему не остался? Драматизм отыгрыш на 3-ю серию.

Незнакомец – вторая <ипостась> Сашки.

Росс встречается со Стивом. Подтверждает концепцию, что и слепым можно жить, и лейтенант приходит он уже так.

Старичок в комзоле и лейтенант. «Вы не допустите глупостей»».

Стало ясно, что в 1970 году фильм о розовой чайке в производство запустить не удастся.

«Сценарий приняли первым вариантом, – написал Куваев 5 июля 1970 года в Брест Роберту Святополк-Мирскому. – Договор перезаключил. О запуске в этом году речи нет. Впечатление такое, что они вообще не знают, куда им деваться. В понедельник Булавина пойдет к Ивановскому. Я сказал ей, что если вообще сценарий будет оттягиваться, то уйдут Никифоров, Садриев и... Про себя я промолчал. По той причине, что переделок в сценарии действительно много. Начинается часть вторая работы – драматургическая. Я бы на всё это плевал, но переделки сформулировал Боря Половников, а просидел он, судя по листкам его черновиков, над этим сценарием больше, чем если бы он был его редактором. Толковый он парень всё-таки. Ну и пути работы мы с ним наметили.

Славка <Никифоров> остался полномочным моим представителем. Он со своей стороны очень меня просил никуда не рыпаться, дописывать сценарий и иметь в виду, что для него на ближайшие два года это цель, смысл и существо жизни. Видно, где-то у Славы произошла осечка. Ну... ладно.

Дома меня ожидала приятная неожиданность – экземпляры книги «Птица капитана Росса». Вышла книжечка. Всё-таки хорошо, Роб, так взять стопку авторских экземпляров – вещественное воплощение дела».

Впрочем, радость по поводу выхода магаданской книги была недолгой. Вскоре на неё весьма резко отреагировала в местной прессе Ольга Гуссаковская, которую Куваев считал своей приятельницей.

«Знаю я эту повесть давно, – призналась она в своём отзыве, – читала когда-то первый её вариант. Должна признать, что автор много над ней поработал, и повесть от этого выиграла. И, тем не менее, особенно сильного впечатления она не оставляет.

Может быть, то, что я сейчас скажу, покажется спорным, но по-моему дело в том, что повесть эта – прямая (хотя, может быть, и неосознанная) анаграмма «Двух капитанов» Каверина, но... без каверинского высокого настроения, а такие вещи не могут без этого жить. Или очень многое теряют. Правда, Олег Куваев тоже ставит своего героя Николая Ивакина перед большим жизненным испытанием – он постепенно слепнет, теряя вместе с этим свою мечту: самому найти розовую чайку капитана Росса. Это как раз в стиле вещи, и история Ивакина могла бы надолго увлечь юные умы, если бы вокруг него не образовалось пустоты.

Повести не хватает героев! Она на удивление малолюдна. А потому не отвечает жанру. Если уж это романтика, то она и должна быть самой собой, а тут героя окружает очень приземлённый быт: мужички-шабашники, человек многих профессий Вася Прозрачный и т.д. К сожалению, все они, как говорится, «из другой оперы». Зовущая тень прекрасной розовой чайки такого соседства явно не выдерживает, а потому и исчезает с последних страниц повести вовсе незаметно. О том, как Ивакин становится учителем и как бы передаёт эстафету своей мечты другому поколению, рассказано бегло, да, кроме того (это бросится в глаза любому педагогу), ещё и без достаточного знания дела. Рассказывать детям на уроке увлекательные истории, а потом лишь успеть сказать: «Остальное дома – и чтобы на зубок» – легко. Но это отнюдь не говорит об открывшемся в Николае Ивакине «таланте педагога» (как уверяет автор).

Как в первом, так и в теперешнем варианте у меня вызывали претензии «Записки странного человека». Очень трудно нам, сегодняшним, настолько проникнуться психологией человека XIX века, чтобы заговорить языком того времени. Олегу Куваеву, за исключением цитат, это не удаётся, да и не его это призвание – история» («Магаданская правда». 1970. 15 августа).

Гуссаковская посоветовала Куваеву взяться за новый вариант повести. Но писатель, похоже, иссяк. Все силы у него забрало кино. Ему надо было отвлечься от всего. Не поэтому ли он вскоре улетел на Чукотку и потом совершил опасный одиночный сплав по одной из самых коварных северных рек – по Омолону?

В начале осени 1970 года Куваев должен был представить на студию новый вариант сценария. Но писатель в установленные ему сроки не уложился и попросил режиссёра Никифорова выгородить его перед киношным начальством. Однако Булавиной это не понравилось. 6 октября 1970 года она написала Куваеву:

«Олег Михайлович, дорогой!

Вячеслав Александрович <Никифоров> передал мне Вашу просьбу о пролонгации. Я очень огорчена этим.

Когда мы вплотную занялись планом 1971 года, нам предстояло решить, какой из двух трёхсерийных сценариев («Птица капитана Росса» и «Цена карты Генштаба») ставить на 71 год, а какой переходящим на 72 год.

Учитывая многие обстоятельства, в том числе и безукоризненную верность Славы розовой чайке, мы поставили Ваш сценарий на следующий год, отодвинув «Цену карты Генштаба».

Большая Мерверца

Тот колду, который был воем,
Корит колду не слышит...
Большая Мерверца с неба свисла
Линией в лицо мальчишки.
Но купит мерверцаю бонусный,
А купит не адванс
И то, что мерверцаю даёт повод,
Иосифай и то, мальчишки.
Малышки бегут и бегут в бегу
И в бегу купит корабель.
Большая Мерверца тут как тут
Станет в бегу бегуном.
Велик адванс и велик велик
И надо бонусный купит
Большая Мерверца мерверца
Мелет себе купит.
А где-то с неба свисли
Кажется, звезды,
Как будто с неба свисли
И к детям бонусный купит
Бегу,
Большая Мерверца...
(А мы начнем →
Купит бонусный) на воем свис!
Воем, купит и воем!
Большая Мерверца, бонусный!
Большая Мерверца!..

Теперь выясняется, что мы не сможем даже прочитать второй вариант в этом месяце. А его надо ещё обсуждать, без этого нельзя. Сколько же времени у нас остаётся до конца года? Половина ноября и декабрь? Боюсь, что это слишком мало.

Виню себя за либеральное отношение к срокам и с ужасом обнаруживаю, что по этому сценарию пролонгация уже превысила три месяца.

Прошу Вас, Олег Михайлович, понять меня и не оттягивать представление сценария.

С уважением – В.Булавина».

Куваев вынужден был собраться и за несколько дней многое в своём сценарии переписать. Новый вариант он уже через неделю отослал режиссёру Вячеславу Никифорову.

«Здорово, китайцы: Сы Ла Вик и Э Дя! – писал Куваев в сопроводительном письме. [Сы Ла Вик – это Никифоров, а Э Дя – кинооператор Садриев. – В.О.]

Значит так: поразмыслил я и решил не давать козырей в руки тем, кому это не надо. Слепил я сценарий по замечаниям прошлого худсовета и по нашей схеме.

Можно сделать гораздо лучше. Ну-у, не гораздо, допустим, но лучше. Всё-таки **главное** сейчас для нас **сроки**.

Сию у машинистки, она перепечатывает, сбоку травят баланду ребята из редакции, а я вычитываю и прокалываю. Первая серия на Ленинском проспекте, до поезда два часа. Так что вот как я трудился.

Экземпляры, Слава, сразу передай по начальству. Во всяком случае три отдай, а четвёртый читай. Если очень плохо – давай телеграмму и я приеду дожимать. Но совсем плохо быть не должно. Есть грехи, которые мы уберём в режиссёрском. Такова должна быть политика. И вообще пора запускаться.

К Козлову поехал с поезда. Но он был уже в деревне. Дал ему телеграмму, встретиться сегодня в 10 вечера (после поезда). Если он получил, то увижу его и всё доложу.

Жду вызова на худсовет. Идеологической работой среди него вы, надеюсь, займётесь.

Обнимаю робяты!

Ваш Олег».

Никифоров ответил практически сразу. 17 октября он написал:

«Куваич!

Я срочно отбываю на юг к старикам: получил тел<егра>мму, с матерью плохо и вообще у них дела тяжёлые. Не знаю, что меня ждёт там. Отговорился, что дня за два до худсовета мне дадут телеграмму. Но, м.б., я и сам приеду дня через 3.

У меня, помимо мелочей (к<оторы>е, действительно, можно оставить на реж<иссёрский период>, есть две серьёзные претензии. Это нельзя оставлять в сценарии, иначе (пусть не здесь) в Москве могут прицепиться и затянуть наше дело.

1) Лена и кино.

2) Смерть Прозрачного, вообще финал. Опускаю все оговорки, вроде того, что я отдаю себе отчёт в том, что можно «дотянуть» потом и т.д. Сценарий стал значительно лучше.

Но «не будем давать козыри тем, кому не нужно». Надо сделать всё максимально возможное для свободного «прохождения».

С Леной.

Хочу уточнить то, что мы ей предназначили. Сцена та же: «эффектную» Лену пригласили в кино, казалось бы, сбылась мечта и счастье на тарелке, но у неё – любовь и судьба её – быть подругой бродяге. Сыграть свою роль в жизни – спектакле с такими партнёрами, как Сашка, тренер и Прозрачный.

Чтобы поменьше кинопроизводства (искусст<венны>й лёд, павильоны), т.е. внешнего антуража кино (он правильно дразнит всех), к<оторы>й сейчас статичен, «иллюстративен», не «ломает» её судьбы, – может быть, попробовать так: идут пробы и процесс состоит в том, чтобы решить, кем же она должна быть капитану: мечтой, подругой или б... (помнишь, наши разговоры?).

Может, и пробуют разных девиц, но только Лену. Тогда будет меньше технологии кино, а будут размышления типа «оборотной стороны медали».

Представь, – внешне, для кино – она женщина-мечта, а по сути – вяжет носки Никодимычу и приходит к мысли, что ждать – вот её роль в жизни.

Её конфликт с самой собой, с кино (не внешне), отношения с Старцевым возвысятся. Пока это на уровне флирта. С примесью «кухни кино для обывателя». Нужно показать честную работу.

Это можно сделать в том же жанре высокой романтики, что и вся история. В виде комментария, что ли. А насадить это на то, что никак реж-р (и автор, м. быть?) не могут начать работу, не решив, кто же она? И так крутят, и эдак...

Этот вопрос и для неё лично важен вплоть до вязки носок и до приезда Прозрачного: кто же я? Что за планка у меня? Чем, собственно, и Ивакин озабочен, только деятельно, по-русски.

Пока её линия бледна, не акцентированы ключевые моменты. «Не могу работать», с ней нянчатся...

К той же Ялте: в конце концов, играет Мечту, а ему телеграфирует «откликнись, мне плохо».

Жаль, я не могу конкретно тебе сказать: допиши такой-то эпизод и поставь туда-то. Карты в твоих руках.

Нужен женский вариант той идеи, что заложена в глав-

ном герое. На том же уровне, но иными средствами, что ли... Осенит, сделай и срочно вставь. Нет, – придётся отставить, что есть. Но потом нам этого всё равно не миновать.

Прозрачный сейчас легковесен. В том, как возник перед Никодимычем, сказал, что её увезёт, и всё. Хотя бы с ней встретился, такой эпизод мог бы кое-что в ней прояснить...

И в том, как погиб. В «Гусях», например, тоже дурацкая причина была: «спидолы». Но она хоть держалась на необходимости. А тут – пустой случай, подставка. Очень явная, а значит неубедительная. Будут вякать: что ж вы угробили положительного героя. По неумению, по глупости погиб.

Алик! Не пишу конкретно, потому как сбивать тебя не имею права, да и верного варианта в башке не возникает, – но убеждён: уровень недостаточен. Ты и сам это знаешь: в замысле глубже. Надо вытащить до Москвы.

Я предлагаю тебе подготовить, что сможешь и, если не до худсовета, то во время его рассказать и перед отправкой в Москву вставить.

Теперь частности помельче. Ими распорядись, когда хочешь. (по порядку серий)

1. Раньше упоминалось, что тренер воевал в финскую. Это неплохо, пусть останется.

2. Мать Ивакина слабо «отработана» (на стр. 51). Может, с ней сцену придумашь? Не обязат-но с Сашкой, можно с Леной.

3. (Совсем мелочь, но...) с Силиной: только мы знаем, что это значит. Яснее записать надо. Как и с директором тоже. Было хорошо: «не по теме пишешь...»

4. Начальник Антарктиды стал малость резонёр.

5. Монакин: «Вас Серёжа направил?» Какой Серёжа, если мы знаем, что ему начальник сказал.

6. Как-то легко они с Васей расстаются. Т.е. Вася легко его

на Север отпускает. Я полагал, что Вася убеждён, что Сашка здесь «подлечиться» остаётся.

7. Хорошо бы покрупнее подготовить появление чаек, а Сашка – слепой. Сделать из этого целое событие, пластически, желательно. А то – опять подставка: рубит лёд, тяжело ему, кто есть рядом с ним. А он один идёт за птицами на слух и страшно той же Анютке: ведь он слепой. Ведь эта встреча с чайками как бы фокусирует в себе всё, что сказано с Россом и Шаваносовым. Короче, это должен быть торжественный, яркий эпизод: ведь чайки – одна из главных целей его Одиссеи.

8. Стр. 44 – 3-я серия: «Слышал в тундре по радио» – Васе. В прежнем варианте было, как он слышал, хорошо бы оставить.

9. Была и лекция в институте о педагогике. Хорошо бы её оставить (с учётом изменений), не ради неё самой, а потому что очень хорошая параллель-повторение с Сашкиной лекцией в финале. Это в духе «возвращения к исходному». Вообще, подобные «повторы» и параллели хороши для кино. Заметь это на вс.<який> случай. (В отношении «кино в кино» – обязательно посмотри фильм «Начало»)

10. Ну, и непосредственно финал... «Точка» нужна.

– Ах, какой же красивый исть полетел...

И далее крупнее. Обобщающий весь триптих. Начиная с: «Напоминание, что ты не один» (отлично!) «Сапсегай завыл» – здорово. (Только смерть не та). Нужно воспользоваться гибелью Прозрачного как эмоциональной пружинкой, чтобы поднять весь финал до струны, до нужного звука, о котором мы говорили.

Прости мне, дорогой Кувач, сии корявые рассуждения. Не хотел я тебе прибавлять сейчас забот, но – убей меня цыган молотком, – эти два бельма: Лена и Прозрачный

лягут на «зоркие» очи наших работодателей, если ты, конечно, их уже не обезопасил там, в Москве. Жданову, например [Жданова занимала в Москве должность главреда объединения «Экран» и должна была окончательно утверждать сценарий Куваева. – В.О.]

Как, интересно, с Козловым? Встретился ли? Я думаю, что ты его разыскал, деревенский адрес ведь есть у тебя.

В случае, если захочешь узнать обстановку до худсовета, звони Половникову 69007.

Желаю тебе удачи и здоровья.

До встречи
Сы-ла-ви».

Ответ не замедлил себя ждать. Куваев написал:

«Дорогой Славик!

Во-первых, я искренне удивлён тем, что ты не знаешь значения слова «антураж».

«Анапский турок абедает женщином» – вот что это такое. Он коллега и приятель нашего друга Верни Сосо, который тоже абедает женщином.

Во-вторых, после вчерашнего разговора как-то всё размышлял я и возникают такие мысли.

1. Может быть, действительно взяться нам сейчас за Росса (которого уже нет) и добить эту историю? А для второго этажа у нас будет другая история. Русского морехода Ваню Не Пролей Капельки я залеплю. На примете достаточное число фигур, не менее колоритных, чем Росс. Ну изнасиловали нас, ну не могут же насиловать без конца. Даже у этих подонков от «голубого экрана» должна быть совесть.

2. Переход на второй этаж будет означать для меня ещё год, угробленный на одну и ту же историю. Это уже тяжело. За две серии и широкий экран можно страдать. Но ведь есть же у нас и другие замыслы!

3. (Это важно. Попробуй выяснить.) Переход на второй

этаж на каких условиях может быть? Если они покупают сценарий – это одно. Если же просто передача его с одного этажа на второй – это плохо. Я человек многосемейный, мне кушать надо, крем для ботинок покупать, опять же билет в кино 0,5 рэ. А в кино изредка ходить надо? Как же без искусства-то?

4. Так что может быть....? Приду в форму и Жданову [главный редактор объединения телефильмов в Москве, в Останкино. – В.О.] я обаяю.

5. Насчёт трёх серий... сложнее. Мы наверняка выскочим, если выполним все их условия (Ты сам говорил, что под мягкой формой требования их железны). Короче: взявшись за доработку, мы должны это обусловить. А если мы опять преподнесём пиллюлю (взялись за обусловленные две, сделали три), то

Вот какие мысли приходят в голову при высокой температуре тела (38,3 по Цельсию). Вообще же я, кажется, пошёл на поправку.

Вот такие дела. Живите хорошо. Пожалуйста, не бей Эдю.

Болящий.

А знаешь ли ты, что такое эпатаж?»

Худсовет состоялся через несколько дней. На нём работа Куваева была оценена в целом положительно. Но прозвучало и немало упрёков. Я нашёл заключение этого худсовета. Вот что в нём говорилось:

«Художественный совет ПТО телефильмов, рассмотрев представленный на обсуждение второй вариант литературного сценария О.Куваева «Арктический триптих», отмечает большую и плодотворную работу, проделанную автором со времени прошлого обсуждения.

Стал глубже, интереснее образ Ивакина, определилась его позиция по отношению

к себе и несчастью, которое с ним случилось. Подобная травма в менее сильном и целеустремлённом характере способна убить интерес к жизни, однако, мы видим, как к финалу сценария Саша Ивакин обретает уверенность в себе, в своих силах, в необходимости полнокровно, с полной отдачей, жить. Эта тема стала лейтмотивом сценария: человек должен максимально функционировать, приносить людям радость, пользу, в этом его назначение и счастье. И тогда никакие несчастья, никакие травмы не могут, не в состоянии опрокинуть его.

«Арктический триптих» – своеобразный и чрезвычайно удачный опыт на поприще создания сценария интеллектуального кино. Герои непрерывно, из эпизода в эпизод, демонстрируют напряжённейшую жизнь духа.

Автору удалось тонко, ненавязчиво рассказать о великой солидарности современных советских людей, об их заведомо щедром, дружественном отношении друг к другу.

Автор нашёл удачное пластическое решение многих сцен, эпизодов: сочетание короткого точного диалога, нескольких запоминающихся штрихов, и перед нами во всей своей самобытности, оригинальности, во всём своём духовном богатстве предстают Вася Прозрачный, пастух Помеев, Сапсегай, Анютка, Сапрыкин, «Мефистофель».

Представленный вариант сценария требует всё же доработок.

Воля автора решать судьбы героев и выбирать им поступки, однако кажется не лучшей находкой сюжетная линия, связанная с деятельностью Лены в кино.

Встреча с Аней должна найти другое драматургическое решение.

Стоит подумать над правомерностью гибели Васи Прозрачного.

Линия розовой чайки, как символа жизни – «Кто её увидит, тот остаётся жить» – к финалу сводится на нет решением Ивакина смириться со слепотой и учительствовать. Мысль о жизненной необходимости борьбы за мечту, за свои идеалы требует, по всей видимости, продолжения сопротивления судьбе со стороны главного героя. Следует поэтому продолжить работу над финалом.

Неудачно выбрано новое название. Хотелось бы, чтобы название хоть частично отражало творческий замысел автора, во многом удавшийся.

Художественный совет ПТО телефильмов принимает представленный сценарий как второй вариант.

Ввиду сложности будущей постановки 3-х серийного фильма художественный совет ПТО телефильмов считает необходимым просить руководство киностудии о прикреплении к дальнейшей литературной работе режиссёра В.Никифорова».

Подписал заключение В.Ахремцев.

Боясь, что Куваев мог неправильно воспринять решение худсовета, Пятигорская поспешила успокоить писателя.

«Очень жаль, – сообщила она Куваеву, – что Вас не было на заседании художественного совета, ибо обсуждение выдалось на редкость благожелательным и толковым.

Общую тональность сообщил собранию Саша Ивакин, представший, наконец, человеком интересным и целеустремлённым. Но он же и вызвал сомнения: может ли он, такой, каков он в теперешнем варианте, предать мечту, отступить от борьбы, от своей розовой чайки? Способен ли он смиренно подчиниться слепоте?

Все заседавшие стремились рвались на помощь

Вашему главному герою. Припомнили фразу Мефистофеля о трепанации черепа и обещание Васи Прозрачного пожертвовать свой глаз, придумывали на ходу массу выходов из положения, в котором Вы оставили Ивакина.

Очевидно, это большая Ваша удача, – и её необходимо закрепить. Сделаете ли Вы это намёком, введёте ли сцены, которые Вам покажутся необходимыми, оживите ли Васю, – Ваше право искать и находить именно те художественные средства, которые сумеют убедить, что Ивакин не сдался, что он в борьбе – не в борьбе с бытом, с вещами, которые могут оказаться не на месте – а в борьбе со своей слепотой, с невозможностью видеть мир, людей, розовую чайку. Сейчас кажется, что Ивакин способен не на одну, а на несколько трепанаций, – великодушно простите бред. Но может быть, что-либо натолкнёт Вас на желание раскопать в Ивакине скрытые пока силы, и перед нами предстанет характер ещё более интересный и завершённый, а главное, более жизнестойкий.

В остальном пожелания и советы исчерпываются заключением.

Сложившаяся производственная ситуация требует варианта ударного, способного быть принятым как окончательный. Только этими соображениями продиктована командировка В. Никифорова и наша просьба к Вам: максимально сосредоточиться, собраться и внести поправки в тот короткий срок, о котором Вам расскажет Никифоров.

Всяческих Вам удач и доброго здоровья».

Куваев не возражал, чтобы на этом этапе его сценарием вплотную занялся Никифоров. Он и сам понимал, что без хорошего режиссёра ему не обойтись.

Уже 10 ноября 1970 года Никифоров прислал писате-

лю свои предложения по конкретным эпизодам.

«Кажись, – обрадовал он, – я нашёл выход с нашей девицей. Никаких общих рассуждений, я сделал схему, к-я помогла мне разобраться. Проследи её».

(Руководствовался двумя принципами, в свете уже закреплённой нами) идеи этого персонажа:

1) Идя последовательно по сценарию, отбирать те моменты, в которых она есть или должна быть как настоящая подруга («Ярославна»)

2) Не принимать в расчёт «кино», пока в нём нет нужды (а «нужда»-то грезилась только в одном: как её вывезти в Ялту, вообще: подбросить ей «удачу»).

Вот какая рисуется картина:

1 серия

1 Состязания: Она следит по телевизору – дома? где? с кем? Видит и катастрофу – что делает: куда-то бежит? кому-то звонит? (Ты можешь это и не записывать, сделаю потом я).

2 Бред: Она – леди Росса: отстранённо, как и все Ивакинские видения (тоже можешь не записывать...)

3 Операция: Она звонит – м.б. спортивные мальчики передают из рук в руки трубку, пока не придумают какую-то легенду: мол, пустяки (опять-таки: смотри сам, в летер-й записи этого может и не быть).

3 Встреча в аэропорту: [есть]

4 В больнице:

«хватит спорта»

«три года в консерв-ю ташу»

«брошу тебя»

«принеси из общаги дневник Шав<аносо>ва»

6 М.б. после этого: Она – в общаге? или ещё где? – С дневником Ш-ва? Читает его? В троллейбусе? или где? (такой штрих: она «принимает участие» в его мечте)

7 Телефон: «мать приезжает... встретить» [есть]

играет ему на ф/пиано

8 Однокурсники: Она их выгоняет [есть]

9 С матерью Ивакина: встретила, идут, едут, сидят –

Простая мудрая крестьянка в городе

Городская «универсальная девочка»

Эти полюсы могут дать интересную сцену, позволят нам отработать две черты Лены: её «всеядность», непонятную трудящейся женщине; и её «ярославность».

10 Скакалка в сквере

11 Читалка – Для Него – и то, и другое – нужно. Для Неё – пока что мелкая информация. Пусть она будет при этом как подруга – опекающая ли, шефствующая. И м.б., после читалки затащит его на к-нибудь концерт (это можно сделать экономно)

12 Тренировка: Почему бы ей не быть здесь? где-нибудь в сторонке. Она всё отлично отыграет: и «жестокость» тренера, и свою заботу о Сашке (напр., сунется с термосом к нему, а он – отрешённый – жёстко: – Уйди!)

13 Больница: Она → к Мефистофелю (перед тем, как он движется к Сашке с правдой о его зрении). Она хочет знать, насколько это серьёзно. А Меф-ль: – Вы кто ему? (Учитывая её незаурядный характер, разговор м.б. короткий, но яркий, м.б. такой, что толкнёт Меф-ля на такой шаг: лучше пусть сразу узнает.)

14 Уход из больницы: Он вызывает Лену: – Едем! – Как снег на голову. – Почему сейчас? И куда? Но она согласна. Ей надо заехать домой. Он будет ждать.

15 Дома у Лены: Бурррррная сцена! Мать (а м.б.ещё кто? отец?) не пускают: сумасшедшая! А учёба! А музыка! С чужим человеком! – Не с чужим... Мы поженимся... хоть сейчас...

Короче, насильно не пускают, м.б. запирают в квартире. Всё, что угодно, вплоть до би-

тья стёкол и мебели. Телефон? Его отключают...

Он не дождался Её...

16 У Никодимыча: вырвалась (как?), задыхающаяся от бега, разъярённая, в отчаянии → <нрзб>: «Эх дороги...» и неподвижная мужская тоска...

Куда уехал – неизвестно...».

Хорошо зная кинопроизводство, Никифоров понимал, что многое в дальнейшей работе будет зависеть и от того, кто станет директором картины. Он хотел, чтобы директором был утверждён Александр Козлов.

«С Козловым, – писал Никифоров Куваеву, – такие обстоятельства. (Очень сокрушался Эдик: знать бы, что ты вскоре тоже едешь в Москву, поехали бы ещё числа 5-го все трое к Козлову). На К<озло>ва надежда % на 25 всего лишь (по Эдику), и он как будто обещал числа до 20-го подождать, а вообще-то у него много своих интересов, в частности, замысел сценария о войне, которым он хочет кого-нибудь заинтересовать, возможно, тебя...

Одно ясно: без такого директора нам будет просто чехлово.

Сейчас он в деревне. Числа с 15-го обещал быть уже в Москве (оба его адреса у тебя есть).

Если решишь не ехать сюда сразу, как только будет готов сценарий (вышли тогда его поездом, как и прежде), встретиться с Козловым, он может подсказать ходы по движению сценария: у него в Останкино есть деловые пути.

Одного не понимаю: Бул<ави>на ведь уехала. Как вы договорились с ней, кому передавать сценарий? Не ждать же её до конца месяца...

Ну, будь здоров, дорогой Куваич.

Желаем тебе всего. Обнимаю».

В декабре 1970 года студия «Беларусьфильм» организо-

вала для своих авторов семинар в Калининвичах. У Никифорова и Куваева появилась возможность лично проговорить нерешённые вопросы по фильму и подключить к разговору других кинематографистов. В свою рабочую тетрадь Куваев записал:

«Разговор со Славой в Калининвичах ночью

Девица.

Прообразом может служить Жанна. Немного музицирует, красива. Мама: юрист, красавица. Дошла до больших степеней, но жалеет о прошлом, все время вспоминает как ей предлагали быть актрисой и что было бы, если бы...

Так киношное предложение попадает на благоприятную почву.

Во второй серии: съёмка на юге, как контраст полярной истории Сашки.

У них любовь. Все время переживания: встретятся – не встретятся.

И неожиданный звенящий финал в их отношениях.

Для сценария «Эх, дороги».

Разговор с Григорьевой Женей

Историю обнажить. Обратная сторона медали.

Для Сашки – «момент отрыва» – всё позади и прошлое кончено.

Энергичный настрой эпизодов. Не разжижать.

«Ареопагетики» Шаваносов Ант. Мировой фильм. I.I ч. II».

Кстати, на семинаре Куваев попробовал предложить киношникам новые названия фильма: «Седьмой континент», «Сотвори мечту», «И никогда мы не умрём». Но начальство ничего менять не захотело.

А дальше всё застряло в Москве. 31 декабря 1970 года Куваев сообщил геологу Игорю Шабарину:

«Сценарий я написал, Игорь, честно. Дешёвки там нет, попытки сдешевить «абы прошёл» также нет. На студии <в Минске> он принят <...> Но Останкино что-то мудрит. Шестого января <1971 года> будет по нему Большой Худсовет, что редко бывает по поводу таких сценариев. Не знаю, чем это вызвано, но, во всяком случае, не величиной поднятых в сценарии масштабных вопросов. История эта для бродяг и про бродяг. Политики там, естественно, нет, таким предметом не занимаемся».

Как выяснилось, трёхсерийный сценарий Куваева не устроил останкинское начальство. Москва готова была одобрить только двухсерийный фильм, но не трёхсерийный.

Куваев что-то готов был сам доделать. Читаем его рабочую тетрадь:

«<К сценарию телефильма «Идущие за горизонт»>

1. Росс долгой (заменить?)
2. Социально-историчен Шаваносов. Шаваносов жертва строя.
3. Смерть Прозрачного.
4. Жених – мать (знаки, а не персоналии).
5. Бичей и плохих выбросить.
6. Никодимыч и Ивакин. Никодимыч видит смену.
7. Ивакин – представитель строя и прочее. Добавить.
8. Попутчики перед Мурманском долгой.
9. Рыхлость свести к 2-м сериям.

<К сценарию телефильма «Идущие за горизонт»>

Продолжение

Экспозиция: девушка, спорт, мечта. Через девушку спорт, через спорт мечта. Стремительно.

Катастрофа – лопнул мыльный пузырь. Прекрасная недостижимость Росса заменяет идеального человека. Идея:

мечта – действительность. Контраст.

Иссякло – второй взрыв. (мать должна приехать). Все против спорта.

Никодимыч ставит его на ноги вообще. Спорту внимания поменьше.

В лечении спорт на своё место. Побочное физкультурное дело.

Отъезд – результат накопленного характера. Стал резче или мягче.

Катастрофа закручивает характеры. Он ещё мальчик.

Кончились деньги – кризис. Зацепка с экспедицией срывается, ибо он пока фраер. Музейный парень не такой добряк «копай сам».

Вокзал – безденежье.

Вася появляется в кризисный момент. В том и цена его. Даёт второе дыхание. Так появляется скрытая линия дружбы.

I.

Мечту не совать как пароль, просто жизнь, мечта во сне. Работа, идёт жизнь. Обобщить в одно. Нужна общая жизненная история.

Ивакин с Бендом отваливаются. Двое в тундре. Параллель с Шаваносовым. Ивакин одерживает моральную победу.

К лучшему пастуху. Это и есть Сапсегай. Попадает к нему в результате жизни, а не мосгорсправки.

(Потомок Шаваносова? Небо? Гибнет потомок Шаваносова.)

II.

Вначале письмо. Двое идут. За ними гонятся.

Прозрачный ввязался в историю. Мнимая опасность и он вепрем ринулся спасать. Ответственность за судьбу человека. Встреча с Прозрачным и конец фильма».

К Куваеву в Подмоскovie срочно выехал режиссёр Никифоров для возможных переделок. Но делового разговора не получилось. Уже 2 февраля

1971 года Куваев написал Никифорову:

«Слава! Это то, что называется «ответ на лестнице».

Когда мы говорили, я сдержался, ибо привык сдерживаться в беседах подобного рода. Но всё-таки считаю, что излишняя сдержанность может быть иногда и вредна. Сейчас, кажется, такой именно случай.

Так вот: сквозь зубы со мной говорить не надо. Сестру твою я не бесчестил, твой дом не поджигал. Я делаю то, что считаю нужным. Это же право предоставляю и тебе. Всяческие моральные категории – личное дело каждого. «Не судите, да не судимы будете». Право судить, как мне кажется, зарабатывается делом, а не трёпом. Если же предстоит работа, то всяческие личные трения надо либо уничтожить в зародыше, либо доводить их до созревания как нарыв и вскрывать ножиком. В приятели ни к кому набиваться я не намерен. Либо нормальные деловые отношения, либо ... по адресу. Уж извини за резкость, но ты сам на неё напросился. Перепутал, верно, меня с Валей Тушенцевым. Зря перепутал.

Будь здоров.

Олег Куваев»

22 февраля с Куваевым был переподписан договор. Количество серий было уменьшено до двух. Но на тысячу рублей автору увеличили гонорар. Однако это всех вопросов не решало.

«Кино моё многосерийное, – признался писатель в марте 1971 года своему приятелю Борису Ильинскому, – кажется, лопнуло, споткнувшись на главном редакторе «Экрана» тов. Ждановой Стелле Ивановне, даме сугубо партийной. Безыдеен оказался мой сценарий и, главное, не нужен молодому поколению. Вот если бы мой герой подражал и строил жизнь по П.Корчагину, а не по капи-

тану Россу – иное дело (так и было дословно сказано). Но, сам понимаешь, святые тени я по пустякам беспокоить не хочу и проституировать Островского не буду».

Но Булавина каким-то образом смогла сломить сопротивление Ждановой. 23 марта она отбила в Терсколе, где отдыхал писатель, телеграмму:

«Олег Михайлович. Семнадцатого марта послали <в подмосковный> Калининград взволнованную телеграмму. Сценарий Москвой принят. Всячески одобрен. Разрешён запуск. Режиссёрскую разработку ждут <и> фильма. <С> уважением Булавина».

«Запустил двухсерийное кино, – доложил Куваев 9 мая 1971 года журналисту Вл. Курбатову. – Тяжко оно мне досталось».

В июне 1971 года Куваев сообщил подробности Борису Ильинскому:

«Кино прошло все круги ада, и его утвердили. В двухсерийном варианте. Как всегда бывает у этих чокнутых людей, они пришли вдруг в дикий восторг от сценария, признали его оригинальным и за две серии заплатили больше, чем за три. Производственный период (режиссёрский сценарий и т.д.) начнётся с осени. Фильм переходящий на 72-ой год».

Но Куваев ни слова не упомянул, кто будет делать режиссёрский сценарий – Никифоров или уже другой режиссёр? Как я выяснил, с Никифоровым он на тот момент ещё не помирился. Вскоре Куваев вылетел на Север, собираясь совершить очередную сплав по рекам. Возвращаясь, он сделал остановку в Магадане. А там его накрыли звонки из Минска.

21 сентября Куваев написал своему приятелю Борису Ильинскому:

«Из кино мне звонили в Магадан, просили задержаться до приезда режиссёра, который хотел посмотреть Магадан – Сеймчан как место будущих съёмок, но я уже летел в Москву. Не исключаю, что через месяц снова придётся лететь в Магадан же. Режиссёр назначен мне неизвестный, фамилию его я по телефону не расслышал. Завтра буду в Минск звонить, узнаю».

Позвонив в Минск, Куваев услышал фамилию нового режиссёра – Николай Калинин. Кто это и что он до этого снял, писатель не знал. Это потом ему сообщили, что Калинин участвовал вместе с другим режиссёром Владимиром Корш-Саблиным в экранизации историко-революционного романа Михаила Козакова «Крушение империи», а потом снимал фильм о гражданской войне в Белоруссии «Рудобельская республика». Правда, Куваев не видел ни первую, ни вторую картину.

А почему киностудия не утвердила Никифорова? Ведь он больше года жил куваевским сценарием. У него уже имелось немало разработок? Неужели случившаяся в начале 1971 года ссора оказалась столь зна-

чительной, что смогла навсегда развести кинорежиссёра и писателя в разные стороны?

В июне 2021 года я долго по телефону пытал и Вячеслава Никифорова, и редактора картины Римму Гущину. Никифоров честно признался, что никогда не считал имевший место в начале 1971 года инцидент главной причиной происшедшего потом окончательного его разрыва с Куваевым. Он и после ссоры продолжал думать о куваевском сценарии и готовился к съёмкам. У Никифорова не было ни грамма сомнений, что студия утвердит режиссёром именно его. Он даже уже начал подбирать актёров на этот фильм. Но в последний момент сценарий от него уплыл, о чём он продолжал жалеть все последующие годы.

Никифоров сообщил мне, что ему показалось, что летом 1971 года всё испортили минские интриганы, которые опасались укрепления на студии «Беларусьфильм» позиций молодого приезжего режиссёра и поэтому всячески продвигать местные кадры, к коим относился Калинин. К этим интриганам режиссёр отнёс, в частности, Виктора Турова, который в 60-е годы снял несколько фильмов по мотивам книг Алеся Адамовича. По словам Никифорова, именно Туров одно время стоял за Калининным.

А что об этом думает Гущина? Вообще, как она появилась на картине «Идущие за горизонт»?

По словам Гущиной, на эту картину её поставили после завершения съёмок музыкальной комедии «Факир на час». С Куваевым, как она сказала, общалась всего раза два и то мельком. Но не потому ли, что вся основная работа киноредактора по сценарию была проделана до неё Мартой Пятигорской? Гущина ответила на это уклончиво: мол, Пятигорская уже уволилась, и она о её участии в прохождении сценария Куваева ничего не знала.

А почему руководство киностудии выбрало в качестве режиссёра не Никифорова, а Калининна? Это Гущиной тоже оказалось неизвестно. По её словам, над фильмом «Идущие за горизонт» Калинин стал работать с самого начала, никто до Калининна ничего не готовил. То есть Никифорова, по версии Гущиной, и рядом не стояло.

Похоже, Гущиной просто по каким-то причинам до сих пор неприятно вспоминать старую историю.

А что Куваев? Он после Магадана засобирался к сестре в Терскол. Там же намеревалась некоторые сцены заснять и группа Николая Калининна.

Похоже, Куваева одолевали большие сомнения, всё ли у киношников получится. В его записной книжке сохранились варианты набросанных им в Минск телеграмм.

Мои же функции поэта.
Песня-исправляющая-пизонов.
Частично оксюмор в оксюморном тоне
Стихотворный экскурс в окончание-сценария.

Что я должен сказать о себе?
О своей чисто личной судьбе?
Что один я живу на земле.
Но ведь все мы одному!

Как у каждого мама своя
Так различны земные шары
Например: вот идёшь ты и я,
Но не сходятся наши миры.

Точно
Так вот звёзды летят в пустоте
Независимы и холодны
Те, что рядом летят – всё не те
А вдали – только антимир.

Но порой, пустоту эту взрыв,
Потрясает вселенную взрыв!
Шёпот звёзд говоришь?
Ты не верь. Это – миф!

Места шёпотам нет во ^{ни там} вселенной

Каждый звук или взрыв, или крик, или зов
Видеть обая или при свете Т-К
Те, что тихо доходят – то просто-нетленны
От шепота
Зов, приветствие душ, но энергия на саво,
или ступи сердце, что и жмуёт на саво.

**«Вариант 1
Минск-23 «Беларусь-
фильм» ПТО «Телефильм»
Филину»**

Прошу учесть худсовете моё мнение роли Ивакина размягчённость гамлетовщина недопустимы он сильный целеустремленный человек обаяние мужества нам необходим герой для молодёжи сходен героем <нрз.> тчк Прозрачный обаяние без дурашливости дурашливость принижает образ роль Лены согласен Смехновой

**Вариант 2
Минск-23 «Беларусь-
фильм» ПТО «Телефильм»
Филину»**

Прошу учесть худсовете моё мнение роли Ивакина необходим мужественный ясный образ это герой гамлетовщина рефлексивность обаяние ущербности недопустимы обаяние Ивакина обаяние мужества тчк Прозрачный главная роль фильма любое комикование дурашливость погубят образ уважением = Куваев

Телеграмма: Калинин

Прошу сообщить время приезда группы сюда первых числах жду здесь <нынче> улетаю хочу видеть пробы посмотреть режиссёра = Куваев».

Позже киношники собрались в Мурманск. Но Куваев с ними не полетел.

Ещё до начала съёмок Куваев поинтересовался судьбой повести о розовой чайке в московских издательствах. Но там ничего хорошего ему не светило.

«Ничтоже сумняшеся, – пожаловался Куваев в январе 1972 года своему приятелю Борису Ильинскому, – название моей книги «Дом для бродяг» они переделали в «Дом для счастливых», не предупредив автора. С трудом я успел это выловить, <нрзб> называется она теперь

«Тройной полярный сюжет». Повесть «Реквием по утрам» выкинули, всё остальное искромсали – ужас! Я предложил расторгнуть договор, но (доброжелателей и сострадателей много). Редактор пригрозил своим третьим инфарктом и, короче, я оказался в позиции свихнутого дурачка, ибо в СССР от издания книг не отказываются, ручной у нас литератор <...> Книга должна выйти где-то к июню, если там ещё что-то не зарежут. Переделывать что-либо я отказался наотрез».

Летом 1972 года минские киношники предложили Куваеву полететь с ними на очередные съёмки уже на север Якутии.

«Мы, – рассказывал потом журналистам оператор фильма Дмитрий Зайцев, – разыскали этих чаек где-то у притока Колымы... И вот для одной из сцен нам понадобилась мёртвая птица, но егерь предупредил, что убивать розовую чайку по местным поверьям категорически нельзя, иначе, мол, беды не избежать. Однако сразу же нашёлся местный охотник, который вызвался “всё устроить”».

В начале осени 1972 года начался монтаж и процесс озвучки. Режиссёр Калинин включил в окончательный вариант и предложенную писателем песню. Но киношники отказались в титрах указывать основного автора текста песни.

Оправдываясь, Куваев написал Кожемякину:

«Помнишь стих «Большая Медведица благослови?...», который ты мне написал и подарил по моей нижайшей просьбе. Судьба сего стиха была странной и необычной. Я его переписал, подгоняя под нужды сценария. Но где-то в двух последних вариантах сценария его выкинули, а когда сняли фильм,

то на него написали песню. Собственно, всё замкнулось на начальную идею, для этого я и просил тебя его написать. Когда я об этом узнал, я сразу же спросил про гонорар за стих для песни, так как считал необходимым сей гонорар отправить тебе. Выяснилось, что раз он входил в текст сценария, то никаких гонораров не положено».

Первый просмотр фильма был назначен на октябрь 1972 года. Куваев, когда увидел готовый вариант, пришёл в ужас.

«Фильм, – написал он 12 октября своей музе Светлане Гринь, – сделали пакостный, стыдятся мне его показать и даже о просмотре я узнал случайно от посторонних людей. Дикая ситуация».

«Двухсерийный этот фильм «Идущие за горизонт», – признался он в декабре 1972 года Ильинскому, – короче, дерьмо. Начальство изговнило сценарий, режиссёр изговнил то, что осталось, а оператор [Дмитрий Зайцев. – В.О.] тут задавил режиссёра. Он, молодец, но надо смотреть в цвете».

В ещё более резкой форме Куваев отозвался о снятом фильме в письме журналисту Владимиру Курбатову.

«Режиссёр – идиот, – не выбирал выражений писатель, – пьяный дурак. И, главное, топор в своём ремесле <...> Получившийся фильм имеет отношение к моему сценарию, как издохший поросёнок к бутинкам из английской кожи. Жаль. Сценарий этот я делал от души и вложил в него много сил. И попало всё в руки колу. Я уже сделал демарш на студии по этому вопросу...».

А вот что Куваев 1 января 1973 года написал Ольге Гусаковской:

«Кино моё двухсерийное «Идущие за горизонт» где-то в январе должно промелькнуть по ЦТ. Вшивое получилось кино. Сценарного самолюбия у меня нет начисто, но так получилось, что много сил, времени и нервов вложил я в этот сценарий. Это всё оценили настолько, что заплатили повышенный гонорар и предложили перейти в сценарные профессионалы, а фильм – дерьмо. Режиссёр попался колун. Пиджак бархатный, пуговики железные, борода аккуратная, пальцы длинные, взгляд внимательный – режиссёр, да и только. А оказался колун. Ему боевики снимать попроще, а он взялся за мой сценарий, где всё, уж простите за фразу, графиня, построено на нюансах, да этих... полутонах. Так и погибло. Соболезнований получаю пачками».

Кстати, в белорусских киношных кругах тоже остались недовольны. После одного из просмотров фильма, устроенного для секции минских кинокритиков, Ефросинья Бондарева заявила, что фильм лишён эмоционального накала.

«Когда я читала литературный сценарий О. Куваева, – призналась она, – то чувствовался какой-то настрой, своеобразная атмосфера, романтическая возвышенность героев. Были, правда, в драматургии и спорные, неубедительные моменты. В фильме возвышенность уступила место целенаправленной режиссёрской уверенности (буквально упрямству), а тревога за героя, по существу, исчезла, потому что мы знали со слова врача, что через два года к Ивакину вернётся зрение. В сценарии он не мог увидеть птицу (свою мечту), а в фильме она предстаёт перед ним во всей красоте. Искусственная

победа экранного образа над литературным!»

Но понимали ли на киностудии «Беларусьфильм», что они сняли провальную картину? Судя по тому, какое в начале 1973 года Куваеву направила утешительное письмо главный редактор телефильмов Валентина Булавина, там всё сознавали. Конечно же, Калинин всё угробил. Но, повторю, за этим режиссёром стояли влиятельные люди, которые тут же предложили ему взяться за экранизацию повести Анатолия Рыбакова «Кортик».

К слову: в июне 2021 года я поинтересовался у редактора фильма Риммы Гущиной, что она думала о провале «Идущих за горизонт». И что услышал? По её словам, никакого провала не было и всё получилось неплохо.

– Вся съёмочная группа, – утверждала Гущина, – работала дружно. Материал нам попался интересный. Оператор Дмитрий Зайцев великолепно всё заснял. Да, наверно, повесть сильнее фильма. Но, повторю, и фильм тоже получился очень удачным. А то, что он вызвал раздражение у Куваева, я об этом впервые слышу. Если б это было так, то кто мешал ему убрать своё имя из титров. Вы же знаете, как в 90-е годы поступил Владимир Богомолов, которому не понравилось, как Пташук экранизировал его роман «Момент истины».

Что тут сказать? Интересно, кто бы позволил Куваеву в 1972–73 годах снять своё имя из уже принятого начальством фильма? В пик застоя такое требование было бы расценено как бунт против власти, со всеми вытекающими последствиями. А писателю это надо было?!

У Куваева оставались надежды на книгу, что хоть в бу-

мажном виде всё появится так, как ему хотелось бы.

«Выходит книга в «Современнике» (новое издание. Называется «Тройной полярный сюжет»), – сообщил он в конце 1972 года Ильинскому, – на прилавки пойдёт видно в январе-феврале».

Куваев ошибся. Книгу ему всё-таки сильно испортили. Но кто именно? В выходных данных редактором была указана Виктория Геллерштейн.

Вот так: ни фильм не получился, ни книга не состоялась.

Уже в сентябре 1973 года Куваев оправдывался перед родной сестрой:

«Ну а насчёт последней книжки, – писал он, – там что говорить. Пижонство первой повести <о розовой чайке> в том, что она сценарий. Если бы я делал просто повесть, я и написал бы её по-другому. А спешка – так ведь чем-то и жить надо».

Впрочем, не всё было так плохо. Исполнитель в фильме главной роли Саши Ивакина – актёр Иван Гаврилюк в 1973 году получил в Париже на Международном кинофестивале телефильмов Гран-при – за лучшее воплощение образа романтического героя.

А вот судьба режиссёра картины Николая Калинина сложилась трагически. Он умер во время экранизации повести Анатолия Рыбакова «Бронзовая птица». Ему было всего 36 лет. По официальной версии, режиссёр скончался от инфекционного менингита, а по слухам – после избиения в минской милиции.

Что ещё? В начале лета 2001 года судьба ненадолго забросила меня на Индигирку, в посёлок Чокурдах. Там ещё, если повезёт, можно встретить розовую чайку. Но мне не повезло.

Кто расскажет правду о бичах

Несколько слов об Олеге Куваеве и его последнем романе «Правила бегства»

Прошло пять лет со дня такой неожиданной и такой преждевременной смерти Олега Куваева. За пять лет писателя нередко забывают, особенно в наше суматошное время. Многие прозаики, при жизни казавшиеся значительными, влиявшими на наши думы, исчезли из памяти и за более короткий срок. Ну, если не из памяти, то из души, оставаясь лишь понятием мемориальным. В чём тут секрет?

Простого ответа мы не найдём.

Под литературным авторитетом писателя может быть скрыт (должен быть скрыт – если он есть) некий второй, глубинный, подобно тому, как прячется тонкий пробивающий сердечник в массивном броневойной снаряде. Этот второй авторитет имеет прямое отношение к весьма таинственному и мгновенно действующему механизму скрытого нравственного влияния автора на читателя. Подготовленного, конечно, требовательного читателя.

Искренность автора, его честность, его волнение; выстраданность стиля и мыслей, соответствие проповедуемых идей его собственной жизни – всё это слагаемые нераскрытой формулы. Можно написать немало умных томов, можно быть блестящим эрудитом, стилистом, будить мышление, звать – и всё же не

стать истинным пленителем сердец. А иной раз прямо с первых строчек устанавливается тонкая связь, возникает понимание и доверие.

Какие всплески духовной, нервной энергии могут быть заключены в простых, казалось бы, словах, в обычных их сочетаниях! Почему мы так быстро ощущаем, что в этих строках воплощено истинно пережитое, боль, страстное желание высказаться? Как рождается этот ток? Фарадею легче было определить природу электричества.

Как, почему? Специалисты, анализаторы творчества, литературоведы, критики, все, кто пытается поверить алгеброй гармонию, пока что не ответили на эти вопросы, да, кажется, и не пытаются: путь этот щекотлив и полон опасностей. Многие маститые, заласканные рецензентами прозаики могут вдруг оказаться потеснёнными авторами небольших книжечек.

Но как бы то ни было секрет писательского обаяния существует – и прекрасно, ибо в нём заключена некая идея справедливости. Этот секрет, в частности, вывел из полутени Андрея Платонова и Михаила Булгакова и позволил им занять высокое место в русской прозе. С ростом образования читателя, утончением его вкуса, повышением нравственных требо-

ваний и расширением «нервной ауры» эта неразгаданная связь писателя и читателя становится всё более важной. Никакие искусственные приёмы, никакие ухищрения автору здесь не помогут. Но иной раз вдруг появившиеся уже у известного нам, тарифицированного писателя несуетность и чистота помысла рожают связь, которой мы долго ждали – и тогда мы удивляемся неожиданной писательской молодости, второму рождению.

Почему сегодня наши «деревенщики» (простите за надоевший термин) вышли на первое место в прозе? Вследствие важности темы? Да нет, пожалуй: сегодня большинство читателей утратило живые связи с селом и затронуть их этой темой, сколь злободневно она ни была бы разработана, трудно. Не играет ли здесь важнейшую роль выстраданность этой темы авторами; случилось так, что они – не будем говорить о причинах – сегодня самые искренние, самые непосредственные из пишущих, и это ведёт к особому духовно-нравственному контакту их с читателями.

Но – пора вернуться к началу, к роману «Правила бегства». Не хотелось бы, чтобы имя Олега Куваева вызывало бы прямые аналогии со сказанным выше. Однако, безусловно Куваев обладает в

немалой мере таким свойством как писательское обаяние и умение завоевать доверие с первых строк. В особенности мы ощущаем это по «Территории». Но и первые рассказы Куваева говорят о том же.

Олег прожил жизнь открытую, яркую, сильную. Две страсти поглощали его – любовь к Северу и его людям и писательство. Это были незамутнённые ничем приходящим, чистые страсти. Читатель сразу ощущает эту чистоту голоса, подлинную страсть в жажде найти собеседника. Куваев может быть в чём-то поверхностным, неловким, может вдруг сбиться на чужие интонации – но это от мучительного поиска собственной речи.

И вот перед нами «Правила бегства». Роман, который пролежал пять лет и потребовал значительной редакторской работы. И не только чисто редакторской. Роман не то чтобы был неоконченным – он был не прописанным. Писатель не успел расставить некоторые акценты, убрать повторы, двойственные характеристики, заполнить связками все пробелы и т.п. Такая работа сейчас проделана. Были использованы все оставшиеся материалы, черновые наброски, письма, высказывания Олега, наконец, знание его творческого почерка и намерений. Можно сказать, что сейчас роман является цельным произведением. Ему свойственна некоторая фрагментарность, но она заложена в стиле произведения, самим автором.

Уступает ли роман «Территории»? Да. Он уступал бы даже в том случае, если бы автор смог тщательно отшлифовать его. «Территория» написана на одном дыхании, с ясной целью и ясной мыслью, она не случайно обращена в то не очень далёкое прошлое, когда жизнь геологов в этих «спецместах» напоминала

военные действия, была подчинена одной задаче – найти любой ценой.

В «Правилах» всё сложнее. Куваев касается очень острой и злободневной проблемы. Временами она ускользает от него, временами автору ещё не хватает силы справиться с нею. Характеристики главных героев так же сложны и неподатливы. Не до конца ясен нам Рулев, но ясен ли этот человек сам себе? Он в поиске, он испытывает чувство неудовлетворённости собой и окружающим. Он не может застыть, самоуспокоиться, наслаждаясь тем комфортом, который способна доставить человеку современная жизнь. Он болеет за других, болеет за самых неустроенных, самых страдающих.

Мы справились с безработицей, голодом, человеческой подавленностью, забитостью, малограмотностью, со всеми главными врагами человеческого рода, не дающими человеку выбраться из животного состояния к духовной жизни. Но это не значит, что у нас нет своих изгоев. Целенаправленное, ведущее борьбу общество не может не быть регламентированным, подчинённым довольно жёстким правилам. Это выдерживает не всякий. Тем более, что мы

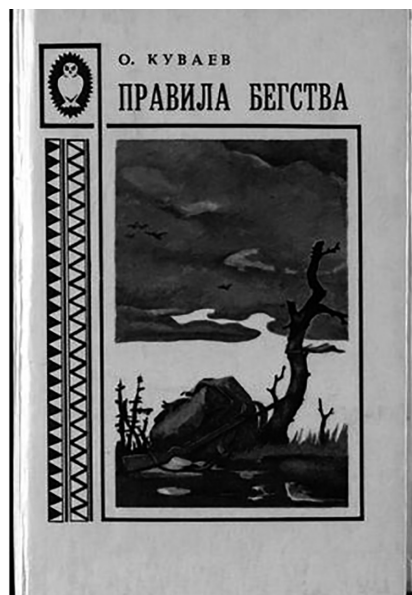
сами добавляем к механизму экономической и общественной жизни собственную косность, инерционность, формализм. Тем более, что в глубине нас самих таится любовь к успокоительным наглазным шорам, желание обособиться, разъединиться на прослойки, группировки, личные гнёзда. Впрочем, об изгоях чуть ниже.

Так вот, в Рулеве, человеке очень сегодняшнем, резком, деятельном и скептическом, странным образом трансформировавшись, проявилось старое русское – благотворительство, милосердие, странноприимство. Кажется, всей своей шкурой Рулев ощущает тот духовный и душевный вакуум, который образовался с уходом в человеке религиозных чувств и который обществу, занятому нелёгким экономическим строительством, недосуг было заполнить.

Клочковатостью, неуёмностью своей жизни Рулев может нас в какой-то степени раздражать. Раздражать в нас ту часть нашей природы, что хочет покоя, определённости, однолинейности.

Мучительно выползает из своего кокона второй герой, от имени которого и ведётся повествование, Возмищев. Этого молодого человека как раз влечёт замкнутость благополучного существования. Он натаптывает себе дорожку, морщится, посмеивается сам над собой, но натаптывает. Рулев, за которым стоит движение, поиск, простор Севера, увлекает Возмищева с этой дорожки. Пока что Возмищев может быть лишь адъютантом при Рулеве, по-простому говоря, шестёркой. Хотя он во многом более умён и дальновиден, чем Рулев. Последний шаг Возмищева говорит уже о начале самостоятельности.

Не всё удалось и не всё успелось Куваеву в обрисовке этих двух главных действующих лиц. И всё же они очень

интересны для современного читателя, в особенности Рулев.

Кто же из них главнее? Да, пожалуй, ни Рулев, ни Возмищев. Жизнь главнее – с её неповторимостью, обилием несхожих характеров, с её неожиданными извивами, удачами и драмами, подчас трагедиями, её вопросами, не всегда разрешимыми, её красками, звуками, плесками. Куваев, как всякий настоящий художник, прежде всего упоён восторгом перед жизнью, её трёхмерностью, её необъятностью. Она полна обаяния во всех проявлениях. Прочитав роман, чувствуешь, как это и должно быть по прочтении настоящей книги, вспышку жажды жизни, тягу к познанию, к действию, общению, счастье от ощущения расширившегося мира.

И ещё – обострённое чувство интереса и любви к стране, в которой живёшь, к её людям. В этом патриотический, идейный заряд романа. Хорошая книга всегда правильная, нравственная. Правильная, нравственная книга не всегда хороша.

Куваев много пишет о людях, выпавших из общего тока. В тех местах, о которых идёт речь, их называют бичами. Название это сейчас распространилось всюду, так

как явление приобрело за последнее время повсеместный характер. Хотя, конечно, в отдалённых районах, куда стекаются бичи в поисках «воли» и стремясь удалиться подальше от стесняющих их глаз соседей и близких, это явление имеет, так сказать, классические черты.

Тут-то и заключена главная, представляющая общественный интерес проблема романа (Вал. Осипов, который написал содержательную и умную внутреннюю рецензию на «Правила бегства», возражает против самого слова бич и, кажется, он вообще против выделения этого явления, акцента: вряд ли это правильно, незачем смягчать Куваева, так резко и жёстко увидевшего значимость острой проблемы, тем более, что время прошедшее с той поры, как была написана эта рецензия, доказывает правоту Куваева и его предчувствие роста проблемы).

Ну, пусть не бичи. Как угодно назовите. Это явление далеко не только наше, хотя у нас оно имеет свои особенности. В Америке таких давно уже называют лузерами, аутсайдерами, в общем, проигравшими, выбывшими, сдавшимися. Кто-то виноват сам, характер подвёл, кого-то подмяли обстоятельства. Не

все выдерживают современный ритм, жёсткость существования, усложнённость его, разобщённость. За океаном довольно чёткое отношение к таким людям. Если исключить усилия благотворительных организаций, то: «пусть проигравший платит». Говорят, в Лос-Анжелесе есть целый квартал из брошенных состоятельными горожанами многоэтажных устаревших домов, заселённый теперь лузерами. В их странную алкогольную и наркоманную жизнь никто не вмешивается. Квартал даже показывают туристам как примечательность. Это – как остров прокажённых среди движущегося и энергичного мира. Остров, где есть своя философия, своя мораль, своё высокое и низкое.

Наивно и даже преступно было бы закрывать глаза на то, что проблема лузеров – только в иной упаковке и терминологическом оформлении – существует и у нас.

Куваев в одном из писем (неопубликованных) писал: «Одна моя ночная и подсознательная мечта: успеть. Два романа: «Правила бегства» и «Последний охотник»... Чувствую силу я в себе. «Территория» – это ведь так, разминка... Ибо помимо стальных нервов и челюстей, помимо простых, как инстинкт, знаний Чести, Долга, помимо этого, о чём я писал в «Территории», валяются по магаданским подвалам, в сеймчанском аэропорту, в общественных туалетах сотни бичей. А они – люди. И на 99% – талантливые и высокоорганизованные натуры, поэтому они в бичах. Доктор Э. их не излечит. Дубинка по голове тоже. Что их излечит? Моя книга их не излечит, ибо они её не прочтут. Но я хочу напомнить о том, что они есть, что они люди... За что я любил и люблю Николая Островского и преклоняюсь перед его книгой – это

зато, что он имел Веру и ради этой Веры готов был быть нищ, гол, вшив и болен...»

Вот что писал не так уж давно в «Литературной газете» (№ 22, 1979) красноярский писатель Зорий Яхнин.

«Где я только не встречал их! На больших сибирских стройках, в леспромхозах, на узловых железнодорожных станциях, в портовых городах и в районных посёлках, в Красноярске, где я живу. Летом – в укромных уголках городского парка или в берёзовой роще Академгородка, где они варили в консервных банках чёрный чай и издали настороженно поглядывали на меня. Зимой – около кирпичного завода, они там грелись у остывающих штабелей кирпича...»

Это из статьи о бичах.

И проблема из года в год всё обостряется, расширяется географически. Тут мы привыкли сводить всё к борьбе с пьянством, потому что наш лузер – это алкаш. Внешне по крайней мере бросается в глаза именно это. Но – внешне.

У Рулева своё понимание бича. Он знает, что среди этого племени немало людей ярких, своеобразных, иногда первоклассных специалистов. Он сам прошёл через нелёгкие испытания, едва удержался на ногах и близко к сердцу принимает беды затерявшихся в просторах Севера, не желающих расстаться со своей иллюзорной свободой бичей. Мы не всегда можем согласиться с философскими пояснениями Рулева (мол, первопроходцы Севера – это тоже своего рода бичи прошлого, бежавшие от устоявшейся меркантильной и бюрократизированной жизни). Впрочем, Рулев любит подшутить с серьёзной миной – над собой и над другими.

Как бы то ни было практически действия героя не могут не вызвать уважения и интереса. Рулев со своим тонким

Кадр из к/ф «Афоня». Реж. Г. Данелия

пониманием заблудшей души, требовательностью и вместе с тем способностью прощать и мириться с индивидуальностью чужой натуры, обладает талантом приобщать потерянных казалось бы людей к нормальной жизни в обществе, к труду. Он не создаёт из них трезвенников. Он создаёт людей, выше всех удовольствий и радостей ставящих радость творческого труда. Для этого надо к каждому найти особый ключик. Профессию. Меру хвалы и меру наказания. «Только не «палкой», не принуждением», – лозунг Рулева. Он избрал трудный путь, этот Рулев. Самоистязательный.

Рулев, кажется, хочет создать из своего совхоза в известном смысле республику бывших бичей. Он спешит, торопится, он слишком категоричен, не считается с сопротивлением экономического механизма, породившего совхоз, и поэтому терпит – будем надеяться временное – поражение. Но поражение ли? Разве спасённые им Лошак и Толя Шпиц, или Мышь – поражение? Кто из нас может похвастаться, что вернул к жизни хоть одну омертвев-

шую человеческую душу? Разве то, чего добился Рулев, маловажно? Да, республика пока не удалась и, может быть, не удастся. Но Рулев пробуждает в нас тягу к душевному общению, заставляет одолевать оградительные заборчики.

Количество людей, не участвующих сегодня в производительном труде (или делающих вид, что участвуют), выпавших из нормальной общественной, семейной жизни, потрясает. Эта категория шире понятий лузер или бич, те составляют лишь вершинку поддерживающей их и питающей горы. Ежегодно мы теряем миллионы человеко-дней, не объяснимых никакими бюллетенями и отпусками. Официальная статистика подтверждает. Практически перестала расти производительность труда (растёт она только за счёт внедрения новой техники или технологии, ибо там, где рабочий талант выигрывает день, он тут же «съедается» соседом).

Сегодня около каждого винно-водочного отдела мы можем встретить наших до-

морощенных лузеров – днём группку, вечером толпу. Поговорите с ними. Это трудно. Постороннего в свою «республику» они не пускают. Для этого надо быть Рулевым. Обладать его характером, его прошлым и его позицией.

Бичи появились и в маленьких среднерусских городках и даже в сёлах, чего ещё недавно не было. В моём родном пристанционном посёлочке, полудеревне примерно на две с небольшим сотни полноценных работающих мужиков приходится до тридцати «безработных». Свыше 10%. Немало. Время от времени они куда-то устраиваются, убирают картошку или разгружают вагоны, но долго не выдерживают. Почти все они – люди ценных рабочих профессий. Есть учитель. Есть инженер-мостостроитель, ещё пять лет назад работавший в Корее. Этот, правда, неожиданно вынырнул на поверхность. Спасла его медсестра, которая выдавала ему антабус. Спасла по «рецепту Рулева», хоть и нечаянно. Дело в том, что инженер-бич влюбился. Сейчас он уехал строить мосты на Тюменщину – с медсестрой.

Есть среди них люди удивительных талантов, редких. Скажем, сапожник Серёжа, мастер на всю округу. Конечно, сапожники всегда пили, но не в бичах же ходили. А Серёжа – ходит. Правда, он старается время от времени вынырнуть. Но работа в райпотребовской мастерской с латанием старых ботинок и копеечными расценками его не устраивает (Серёжа, если захочет, за два дня заработает больше, чем за месяц сидения в мастерской потребсоюза). Не хочет Серёжа заниматься мелочами. Он ещё и гордый. Работать же на дому трудно. Материал надо доставать слева, всё время ходить под страхом – уже не раз попадал

Серёжа в передраги. Вот и бродит Сергей, пьянствуя и в то же время не теряя окончательно голову, время от времени возвращаясь к «лапе», чтобы обеспечить себе стакан самогонки. Между тем мастерская закрыта, люди ездят за 35 км в район, но там тоже нелегко сшить хорошие сапоги, могут изуродовать с трудом добытый товар. Особенно женщинам нелегко. У колхозниц, занятых в полеводстве, у железнодорожных работниц, доярок – распухшие икры. Сапоги фабричного пошива на их ноги не налезает.

Чтобы разрешить эту нелепицу, открыть мастерскую «под Сергея», не вообще мастерскую, от чего была бы польза и державе, и людям, нужен Рулев с его энергией и нестандартностью мышления, с его небоязнью ломать штатные расписания, ставки, подгонять систему жизни к человеку, а не человека к системе жизни. Главное, интерес к людям нужен. Глубинный.

А сколько скрытых лузеров, людей, кое-как выполняющих обязанности, лишь держащихся на плаву – без шевеления руками.

Как видите, немало мыслей пробуждает роман «Правила бегства». Это, конечно, говорит о его сохранившейся силе, о том, что не устарел он за эти пять лет. Публикация романа – не дань памяти, не реанимация литературного наследия, не возведение мемориальной надстройки; это живой творческий акт. Более того, актуальность романа словно бы возросла. Дело не только в проблеме, приобретающей всё более серьёзное значение. Сейчас нам как никогда стали важны романы о радости душевного общения, единения. О великой силе духовного начала.

Олег Куваев и сегодня наш собеседник, делящийся зна-

чительными мыслями.

Прочитав роман, с чувством сожаления думаешь о том, что где-то позади остался этот удивительный край, затянувший в себя осторожного Возмищева, край с неповторимыми пейзажами, оленьими стадами, великими – с большой буквы – Реками, населённый необычными, непохожими на других и в то же время близкими людьми. Частицу доброго своего, горячего сердца оставил в романе Олег Куваев.

Удивительное это чудо писательское слово. Вот по этим местам бродил сам Олег, нагрузившись сорокакилограммовым рюкзаком. Вначале практикант, затем, по окончании МГРИ, геолог и геофизик, начальник партии. Увлекающийся человек, отчаянная голова, приверженец походного крова и враг меркантильности. Но всё пережитое им осталось бы закрыто тёмным покровом, не изведи он себя за письменным столом, пробиваясь к читателю. Он ушёл рано, в сорок лет, но успел приблизить к нам огромный и незнакомый мир.

Да, он мог сделать роман совершеннее, если бы успел. Олег Куваев быстро рос как литератор, стилист, просто как думающий человек. Но и в таком виде «Правила бегства» смотрятся рельефно на фоне нашей текущей прозы.

Виктор СМИРНОВ

1980 год

Виктор Васильевич Смирнов родился в 1933 году. В 1956 году он окончил журфак МГУ. С конца 50-х по 1962 год писатель работал в журнале «Вокруг света», где познакомился с Куваевым. Одно время писал приключенческие книги. Потом с головой ушёл в кино. В 1989 году стал лауреатом Государственной премии России.

Александр РЯЗАНЦЕВ

Труба Олега Куваева

О советских радиоспектаклях и неутомимых романтиках

Иерихонской трубой звучало радио в каждой советской квартире. Оно заменяло телевизор – каждый вечер, после тяжёлого трудового или учебного дня, было вполне нормально коротать время не за просмотром смешных видео по смартфону, а за радиоспектаклями, наслаждаясь интересными литературными произведениями не глазами, но на слух. Да, радиопродукция, в отличие от книжной индустрии, была абсолютно доступна для каждой советской семьи – она служила фоном, который скрашивал жизнь и хоть как-то развлекал. Надо было лишь включить радио и сделать звук погромче.

Подобный расклад позволял советским работникам культуры адаптировать под радиоформат множество замечательных произведений как русских, так и зарубежных авторов. Сейчас, благодаря Интернету, их можно послушать в свободном доступе, ни в чём себя не ограничивая; во времена СССР, однако, ни у кого такой роскоши не было. Приходилось следить за всеми новинками, выбирать время, приходить домой или в гости, включать радио и слушать – второго шанса у тебя могло и не быть.

Сейчас радиоспектакли кажутся одной визитных карточек советской культуры. В них чувствуется особая атмосфера, ритм, художественный вкус. Они могли как испортить произведение, сильно его адаптировав под другой формат, так и, наобо-

рот, украсить, подарив героям уникальные голоса (достаточно вспомнить таких мастеров, как Ростислав Плятт, Евгений Весник и Николай Литвинов). Похожее можно сказать и про советский дубляж – фильмы, которые показывали в СССР, не всегда отличались высоким качеством, но их с удовольствием смотришь и пересматриваешь просто ради того, чтобы послушать, как советские мастера слова озвучивают, скажем, Алена Делона или Марчелло Мastroяни. Потому в советских прокатных кинолентах западный мир кажется не просто «русским», но советским, где герои говорят с определёнными интонациями, используют привычные советскому (но не российскому) уху слова и демонстрируют высочайший уровень культуры речи. В наше время этого очень не хватает.

Как и радиоспектаклей, которые ещё десять лет назад были довольно успешны и их часто транслировали по радио, а сейчас их делают по несколько штук в год. Причина проста – отсутствие государственного финансирования. А ведь как здорово было бы услышать повести и рассказы того же Олега Куваева в исполнении современных актёров... Но пока об этом можно только мечтать.

Однако существует советская радиопостановка, подготовленная в 1975 году. Она длится чуть больше 100 минут, практически как стандартный полнометражный художественный фильм. И, слушая её, невольно смотришь кино – правда, в своей голове, где главным источником восприятия информации становится не зрение и даже не слух, а воображение и особая концентрация внимания.

Писатель, Олег Куваев

Итак, «Территория». Начинается радиоспектакль с довольно поспешного перечисления Алексеем Эйбоженко занятых артистов и исполняемых ими героев. Сразу испытываешь волнительное предвкушение: крепкого, непобедимого Чинкова играет сам Евгений Евстигнеев, имеющий полное право на звание одного из лучших артистов в истории человечества; его помощника Куценко – Лев Дуров, знакомый каждому из нас по исполнению роли Шарика из серии мультфильмов про деревню Простоквашино; молодого геолога Баклакова, которого Куваев наделил многими своими личными чертами, – Алексей Борзунов, театральный актёр и мастер художественного слова, который ещё при жизни получит неофициальный титул «короля дубляжа» за озвучку многочисленных бразильских телесериалов, американских мультфильмов и, конечно же, аудиокниг и радиоспектаклей.

Действие начинается с небольшого рассказа о Территории; у Куваева не было взято ни строчки – вместо этого использовался оригинальный, сильно упрощённый текст, специально подготовленный сценаристами радиопостановки.

Именно в этом упрощении – главный изъян радиоспектакля: из-за необходимости перевести все сцены в аудио и при этом не выбиваться из регламента, пришлось не просто избавиться от нескольких сюжетных линий (в этом нет ничего страшного), но и убрать все описания природы, без которых не ощутить проведённую Куваевым связь между климатом и человеческими отношениями, мотивацией каждого из героев. «Их имён нет на карте – лишь редкий прииск или небольшой посёлок назван

Артист Евгений Евстигнеев

их именем, но они пришли сюда первыми, и именно такие люди входят в нашу память с точностью патрона, досланного в патронник» – крайне банальная фраза, к которой Куваев, конечно, не имел никакого отношения, тем не менее передаёт основной идеологический посыл его произведения: вот описанные им люди, которые боятся, рискуют, но добывают золото и работают на благо государства. Этот посыл и сделал «Территорию» классическим производственным романом, вдохновившим сотни мальчишек на кропотливый труд геолога; однако, его забыли бы лет через пять – не будь той магии, которая кроется за описанием работы геологов, их психологии и межличностных отношений; всего того, что Куваев сам пережил – и, веря интуиции и полученным впечатлениям, перенёс на бумагу.

Заметное упрощение куваевского текста и рассказанной истории приводит к тому, что действие развивается неравномерными урывками; например, разговору Чинкова со своей секретаршей в постановке уделяется с добрый десяток минут, тогда как переправе Баклакова, определившей его судьбу и характер и показавшей нам удивительное свойство его разума – ра-

циональную нацеленность на результат вкупе с мистическими верованиями в речного бога, доставшихся ему от далёких вятских предков, – секунд 20-30. Из-за этого не видишь всей глубины характера куваевских героев, их непотопляемости – их сила кажется декларируемой, не подтверждённой какими-либо событиями или их внутренними переживаниями.

Кроме того, каждое из действий разделяется короткими однообразными музыкальными вставками, напоминающими преследование, где раздражающе громко звучит труба и в душе невольно возникает предчувствие приближающейся беды. Этих вставок много, даже слишком много, а потому ближе к середине спектакля начинаешь испытывать раздражение из-за неприязни, вызываемой однообразной, несоответствующей духу «Территории», мелодией. Ты уже слушаешь нервно, каждую секунду боясь, как громко прозвучит труба Олега Куваева.

Тем не менее, стоит отметить труд сценаристов, которые, хоть и заметно покровсали «Территорию» Куваева, но ничего от себя не добавили. И авторские отступления о жизни и прошлом героев романа в радиопостановке превращаются в монологи

персонажей, их мысли, их реакции на происходящие события. Здесь-то и открывается главное достоинство аудиоспектаклей – ты погружаешься в душу Чинкова или Баклакова, словно в суровую реку, и плаваешь под звуки их голосов, вслушиваясь в каждую мысль и удар сердца. Создатели удачно избежали той убогости, которая часто возникает в радиоспектаклях, когда герои, из-за плохо прописанного сценария, вынуждены простодушно комментировать свои действия и подсказывать слушателю, что они делают, для того, чтобы было понятно, что происходит («Ооо, смотри, какой я сильный, сейчас дам тебе по морде!... Ау, как больно!»); в «Территории» всё звучит органично – можно не кривя душой сказать, что герои разговаривают как живые люди, а звуковой ряд – стук клавиш пишущей машинки, треск веток в костре, шум реки, – выстроен настолько грамотно и плавно, что ты невольно чувствуешь себя членом экспедиции Чинкова.

Что уж говорить про то, как герои «Территории» говорят? Когда слушаешь диалог между признанным мастером Евстигнеевым и

набирающим мощь Алексеем Борзуновым, то буквально попадаешь в их лагерь – располагайся, будь как дома, ухи себе налей. Они правильно, ювелирно улавливают интонации, по которым можно понять, что герой чувствует и как он относится к тому, что говорит, – и сразу исчезает необходимость обращаться к тексту Куваева, который подробно рассказывал о том или ином событии из прошлого своих персонажей (в особенности Баклакова) – всё и так понятно.

Плохой актёр может испортить хороший спектакль, а хороший актёр – спасти плохой; если же спектакль средний, как в нашем случае, то грамотный подбор артистов и необходимый подбор звуковых эффектов делают прослушивание приятным и понятным. Слова и звуки пробуждают спектакль к жизни, а вместе со спектаклем – и наши души.

«Жизнь – одна, всегда лучше так: остановись, оглянись, вспомни, что у тебя позади. Где ошибка... И эту ошибку твёрдо себе в голову врежь; будешь топтать не думая – тогда кто ты есть? Камень, трава или человек? Только так жить надо: идти – и думать, идти – и думать, вот тогда к цели-то и придёшь», – говорит старик

Кьяья, прекрасно исполненный Борисом Левинсоном, и хочется перемотать чуть-чуть назад, переслушать, запомнить каждое слово, записать. Ведь такой совет может спасти жизнь; ты хорошо это понимаешь, но слишком часто забываешь. Отчего делаешь ошибки, которых можно было избежать.

Голос героев звучит, словно трубы, предвещающие начало лихих перемен; и ты уже с радостью вслушиваешься в звуки трубы, понимая, что она предвещает перемены: аудиокниги набирают мощь и, превратившись в сервис, становятся частью наших каждодневных культурных практик. Мы всё больше и больше слушаем, а не смотрим, так как при прослушивании можно что-то параллельно делать; порой даже кажется непростительной ошибкой и пустой потерей времени отвлекаться на чтение или просмотр фильма, вместо того, чтобы делать что-то практически полезное. Потому возникает надежда, что аудиоспектакли тоже к нам вернуться, став массовым явлением – надо лишь слушать аудиокниги и постановки, писать о них и, что самое важное, любить. Они ответят тем же.

Андрей ВЕТЕР (НЕФЁДОВ)

ГОЛОСА

Я давно хотел прочитать книгу о людях, которых в нашей стране называют словом «индеанисты». Мне не нравится это слово, но другого не нашлось. До определённого времени я вообще ничего не знал об индеанистах; мне нравилось изучать историю колонизации американского континента, интересовали некоторые индейские племена и отдельные личности. Чем глубже я проникал в их историю и культуру, тем крепче становились мои «пристрастия». Одно огорчало: у меня не было единомышленников, а мне очень хотелось обмениваться впечатлениями и делиться знаниями. Знания нужны в том, чтобы их разделяли с кем-то. Некоторые мои одноклассники пытались покрововать меня и пару раз ссорились для меня библиотечные книги про индейцев.

Когда же я стал собирать материал для этой книги, то оказалось, что в детстве делал то же, что и многие другие, кого позже стали называть индеанистами. Мы оказались чертовски похожи: жадно накапливали газетные и журнальные статьи об индейцах, вырезали картинки из журналов и книг. Всё это вклеивалось в альбомы и тетради. Девочки вклеивали в свои альбомы цветочки и бантики, а мы – всё, что имело отношение к «краснокожим».

Сколько раз пытался я выхватить из прошлого тот самый момент, когда в меня проникла бацилла любви к индейцам. Это была именно любовь, а не увлечение перьями и томагавками. Копаясь в муравейнике моих чувств, я склоняюсь к тому, что зараза проникла в мою душу после просмотра фильма «Белые волки». Помню, как в пионерском лагере мальчишки обсуждали какие-то фильмы про индейцев, а я понятия не имел, о чём речь. Кто-то восторженно повторял имя Зоркого Сокола и название фильма. Вернувшись домой, я помчался искать афишу со списком кинотеатров Москвы (стояли такие огромные стенды на улицах – алфавитный перечень всех кинотеатров с указанием всех сеансов на ближайшую неделю) и там – о чудо! – обнаружилось, что в «Ангаре», ближайшем от нас кинотеатре, показывают «Белых волков». До кинотеатра ехать минут двадцать на трамвае, затем пешком петлять по каким-то проулкам. Я был домашним ребёнком, и для меня, десятилетнего мальчугана, такая поездка превращалась чуть ли не в поход на край света. И там, на краю света, я шагнул в мир, который поглотил меня на долгие годы. Зоркий Сокол – отважный, честный, сильный, красивый и справедливый, был настоящим героем. В первую очередь потому, что был справедлив. Хотелось ему подражать... Нет, это

совсем не то! Не подражать, а быть как он...

Как бы то ни было, но после «Белых волков» я стал бегать на все фильмы, если кто-то из школьных друзей сообщал, что там есть индейцы. Когда денег на билеты не было, мы бродили возле магазинов и выискивали мелкие монетки (за день-два набиралось на утренний сеанс). Мы беспрестанно играли в индейцев, носились по окрестным строительным площадкам, уверенные, что это не щебень и бетонные плиты, а красивейшие горы, увиденные нами в фильме «След Сокола». В руках мы держали обычные палки, но для нас это были «винчестеры». Мы кричали куда-то в пространство: «Зоркий Сокол, иди скорее сюда, там проклятые бледнолицые!» И мне кажется, что Зоркий Сокол что-то отвечал нам, укрепляя нас в нашей борьбе за справедливость. Мы ведь следовали за ним, верили ему... Или в него?

В пятом классе я прочитал первую книгу, ошеломившую меня. Она называлась «Харка – сын вождя», написала её Лизелотта Вельскопф-Генрих. Всё в ней восхищало меня, увлекало, наполняло нетерпением и подталкивало вновь окунуться в ту атмосферу. Я упоённо прочитал «Харку» три раза подряд и даже написал школьное сочинение про эту книгу и схлопотал жирную двойку, так как написал не по предло-

женной учительницей теме. Мир приключений, индейцев и романтики слился в единое целое, одно стало неотделимо от другого. Принципиально иной была книга «Мой народ Сиу», не имевшая никакого отношения к приключенческой литературе; в ней для меня открылось «закулисье» народа, о котором так бойко повествовала Вельскопф-Генрих, и с того дня в меня словно вселился какой-то дух. Индейцы стали важнейшей частью моей мальчишеской жизни. Казалось бы, любая литература «про индейцев» должна была нравиться мне, но Фенимор Купер, которым многие восторгались, не оставил во мне такого яркого следа, как «Харка». Разумеется, я прочитал все книги про Кожаного Чулка (могло ли быть иначе?), но не увлёкся ни Ункасом, ни Соколиным Глазом. А вот Сат-Ок оказался мне ближе, несколько номеров журнала «Костёр» с его «Таинственными следами» долго жили у меня дома, и я свято верил, что в жилах этого польского писателя течёт настоящая индейская кровь. Лет через десять я узнал, что Сат-Ок Суплатович не имеет никакого отношения к кореным американцам. Меня это удивило, но не огорчило. Сат-Ок – замечательный, как бы сейчас сказали, проект с прекрасным маркетинговым ходом, а правду он написал или выдумал всё от первого слова до последнего, не имело для меня ни малейшего значения.

Сат-Ок и Гойко Митич, Фенимор Купер и Пьер Брис – это столпы советского индеанизма. Несколько лет я кормился с руки литературы и кино именно такого сорта, почти ничего не зная о подлинной истории. И вот в седьмом классе я получил в подарок книгу на английском языке – «Маленький Большой Человек»; было трудновато, но я справился. После этого рома-

на мой взгляд на индейцев изменился в корне, однако Сат-Ок и Гойко Митич остались во мне, как память о первой сильной влюблённости, которую невозможно вычеркнуть, какой бы наивной она ни казалась позже, потому что эта влюблённость отворила самую первую важную дверь.

В пятом классе у меня очень недолго (может быть, полгода) был старший друг Андрей Сухих. Именно он принёс мне книги «Харка – сын вождя» и «Мой народ Сиу». Он называл себя Ункасом... Когда жизнь разлучила нас, мы поначалу активно сочиняли друг другу письма с историями об индейцах и приправляли их многочисленными рисунками, затем наш энтузиазм иссяк, общение прекратилось. Встретились мы только в конце 1990-х. Я пригласил его на семинар «Гайавата», он с готовностью приехал и удивился, обнаружив там множество людей, глубоко погружённых в индейскую тему. «Ты помнишь, как привил мне страсть к индейцам?» – спросил я его. «Нет», – ответил он, и на лице его появилось недоумение. «Неужели не помнишь? А наши игры в индейцев? Помнишь, как ты мне палец рассёк томагавком?» – «Не помню», – признался он. Я не мог поверить: он ничего не пом-

нил, всё забыл! Он, можно сказать, «подсадил» меня на одно из самых странных и неискоренимых моих увлечений и тем самым обрёк на долгое одиночество, но не помнил об этом ровным счётом ничего!

Повторюсь: я считал себя одиночкой, после Андрея Сухих до тридцати лет я не встретил никого, кто хотя бы частично разделял мою тягу к индейцам. Но летом 1992 года я внезапно обнаружил, что таких людей много. И не просто «таких», а гораздо более «повернутых на индейцах». На экране телевизора я увидел молодых ребят, одетых в настоящие индейские костюмы: кожаные рубахи, ноговицы с длинной бахромой, головные уборы из великолепных орлиных перьев! И всё это не где-то за океаном, а в Москве! Возможно, кто-то из них жил в соседнем доме, а я понятия не имел об этом...

Программа, о которой я упомянул, называлась «Майн Рид Шоу» и показывала так называемое индейское двоеборье: состязание в стрельбе из лука и гонки на спортивных каноэ. «Индейцы» присутствовали там в качестве красочной экзотики и в конце состязаний вручали победителю томагавк... Не знаю, как бы сложилась моя дальнейшая жизнь, если бы я не

посмотрел ту телепередачу. Возможно, зарывшись в мою работу, так и не встретил бы индеанистов и многое осталось бы не осуществлённым. Индеанисты послужили импульсом для меня в реализации целого ряда идей.

Мои взгляды сильно отличались от воззрений индеанистов, что нередко приводило к жарким спорам. Со временем я перестал участвовать в спорах и просто делал то, в чём испытывал потребность, не оглядываясь на других.

С раннего детства я видел в индейцах символ борьбы за свободу и справедливость. Я собственными руками сотворил для себя этот символ. И позже, несмотря на улетучившуюся романтику и лирику в индейской теме и на приобретённые глубокие знания, я не изменил этому идеалу. Свобода и справедливость – превыше всего. Государство – злейший враг человека. Эти два убеждения слились в невидимый иероглиф моих чувств, который присутствует во всех моих работах. В этом иероглифе нашлось место и моему детству, наполненному жаждой любви и неприятием злобы. Детство наполнено открытиями, и все открытия фундаментальны. Когда детство уходит, наступает время накопления информации и

материальных благ. Накопления не дают человеку ничего нового, они лишь обременяют.

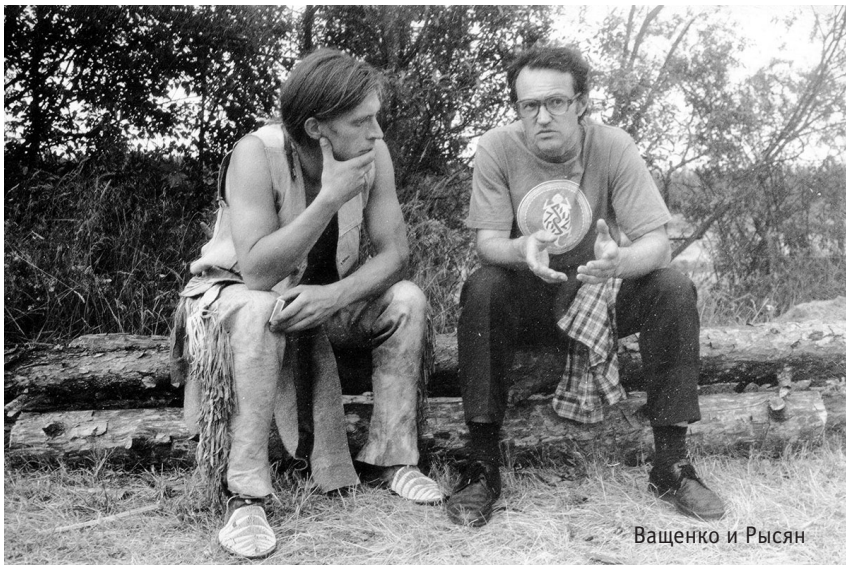
Желание сохранить историю индеанистов заставило меня сесть за написание книги «Голоса». «Расскажи о том, что думал и как изменялись твои мысли с годами, – твердил себе я. – Быть может, к тебе присоединятся другие – те, которые начинали так же, как начинал ты. Они расскажут об удивительном мире мечты, которую каждому удалось воплотить по-своему. Или расскажут о том, как эта мечта превратилась в прах».

Письма, письма, письма... Я слышал, что на раннем этапе становления Движения письма индеанистов являли собой настоящий культурный пласт. Говорят, это была эпоха писем. Но сегодня писем не дожждаться. Я потратил немало сил, чтобы вызвать людей на разговор. Я ощущал себя этнографом, который пытается разговорить стариков какого-то неведомого племени, не желавших ничего поведать о себе, потому что они не верят чужим людям, чья цивилизация наступает на их маленький мир... Собственно, индеанисты и были племенем, странным племенем подростков, которые искали друг друга по всему Советскому Со-

юзу. В первую очередь меня интересовали те, кто стоял у истоков Движения. Некоторые пытались уклониться от моих вопросов, ссылаясь на то, что ничего не помнят. Может, и впрямь не помнят, забыли... Память – очень ненадёжный спутник. Однажды можно оглянуться и с удивлением обнаружить, что многое забылось, превратилось в сон, который, кажется, только что здесь присутствовал, но воспроизвести его невозможно, он не нащупывается, от него осталось только ощущение – вот-вот вспомнится, вот-вот откроется, но не вспоминается, остаётся где-то рядом, однако в недосягаемости. Память нередко подсовывает нам не факты, а наши размышления об этих фактах, перекрашивая их в новый цвет.

В эти дни я читал мемуары Натальи Варлей, некогда известной на всю страну актрисы. В самом начале книги она написала: «В старости вдруг понимаешь, что всё прошло и никогда уже не вернётся. И некому «подхватить выпавшее знамя». И ты, как рыба, выброшенная из родной стихии на песок, хватаешь воздух ртом – воздух воспоминаний своей так быстро пролетевшей жизни. А те, кто смотрит на тебя в это время, недоумевают или даже стыдятся, стараются не замечать твоих некрасивых слёз, не позволяют утянуть себя в эти волны, которые ещё бушуют внутри тебя... И в здешнем мире тебе отводится совсем небольшое место...»

Такие простые слова. Некому будет подхватить выпавшее знамя. Да и не узнает никто об этом знамени, если не рассказать о нём. Надеюсь, что в этой книге удалось поведать о том, что грело наши сердца не один десяток лет. Но я не автор этой книги. Она наполнена голосами и судьбами людей, не похожих друг

Ващенко и Рысян

на друга, и всё-таки очень схожих в том, как они открывали индейцев в себе и искали их вокруг себя.

Несмотря на активное сопротивление многих индеанистов, книга всё-таки сложилась – два тома под названием «Голоса». Долго мне не давал покоя вопрос: почему не все согласились принять участие в этой книге, почему отмалчивались, словно не замечая моих писем. Таких людей оказалось большинство. Я называю такую реакцию пассивной агрессивностью. В этой пассивности люди трусливо прячут свою внутреннюю пустоту. Несколько человек высказались против появления этой книги, высказались злобно, и причину их злобности я не понимаю до сих пор. Возможно, всё дело в том, что я спросил их о прошлом, о мире, из которого они давно ушли и от которого у них не осталось ничего, кроме расшитых бисером вещей; меня же интересовала их душа, их чувства, их мысли. В их прошлом осталось то, чего они теперь лишены, то, что они, возможно, предали, но не готовы признаться в этом.

Когда основной материал был уже собран, я вдруг получил письмо, автор которого просил меня удалить из книги его воспоминания, испугавшись того, что могут сказать о нём индеанисты. Меня огорчила его просьба, потому что он написал правдивую историю о себе, полную мыслей и чувств... Другой мой корреспондент решил помочь мне в сборе материалов по истории Движения индеанистов и принялся самостоятельно задавать вопросы своим товарищам по далёкой индейской юности. Они насторожились: «Зачем тебе это? Что ты вынюхиваешь?» И он перестал расспрашивать...

По этой причине в книге есть пробелы, возможно, даже серьёзные пробелы. Но

уже положено начало этой удивительной истории. Индеанистов, появившихся в советскую пору, никогда больше не будет, и новое поколение, вышедшее из чрева интернет-цивилизации, не сможет понять того, что происходило с нами. Почему мы не можем понять друг друга? Почему мы занимаемся похожими делами, но хотим добиться разных результатов? Мы незаметно вливаемся в новые условия, привыкаем к ним. Мы понимаем то, что происходит с новым поколением, однако новое поколение не понимает нас, ведь мы продолжаем ценить то, что им кажется ерундой. Взять хотя бы книги...

Добыть нужную книгу в Советском Союзе было делом непростым. Книги были настоящим сокровищем. Книгами дорожили. Если кто-то брал у друзей книгу почитать и «заигрывал» её (иначе говоря – не отдавал), то это считалось худшим из преступлений. Книги издавались гигантскими тиражами и тут же без остатка растворялись в огромной стране. Каждый из нас хотел, конечно, иметь у себя дома, под рукой, свою собственную полюбившуюся книгу. Один из моих корреспондентов написал мне,

когда речь зашла о том, как мы в эпоху СССР собирали книги: «У меня «болезнь» по индейским книгам протекала следующим образом. В шестом классе специально освоил фотографию, чтобы расширять свою библиотеку. Полностью переснял Шульца «Моя жизнь среди индейцев», распечатал в виде фотографий и сделал примитивный переплёт. Получилась книга высотой как два кирпичика хлеба, поставленные друг на друга. В том же году ходил в городскую библиотеку и от руки, как средневековый монах Библию, переписал полностью Ди Брауна «Схорони моё сердце» из журнала «США: экономика, политика, идеология» (журнал на руки не давали)». Алекс Кучменёв (Рысян) добавил красок в эту картину: «В далёком 1977 году Женя Малахов (Четан) рассказал мне, что ребята то ли из Пензы, то ли из Саратова «переиздали» вручную книгу Сат-Ока «Земля Солёных Скал»: переписали текст печатными буквами, перевели иллюстрации и воссоздали переплёт. Фактически её реконструировали (это при цене 44 копейки и тираже 75000 экз.!!!). А не было её нигде, просто НЕ БЫЛО. Мне она досталась году в 76-м, сильно потрёпанная. Из соседнего класса парень фанател от детективов (как я от индейцев), вот и махнулись книгами – я ему «Тайну музея восковых фигур» (мура изрядная), а он мне Сат-Ока. Расстались оба два победителями. Кстати, он теперь областной прокурор!» Денис Воробьёв рассказал мне, что в детстве он взял книгу Сат-Ока в библиотеке и, чтобы сохранить её у себя, начитал её на магнитофон. Вот как сильно ребёнку хотелось иметь ту книгу! Способны ли сегодняшние дети, вскормленные неохватными возможностями интернета, понять это?

Я тоже начитывал книгу на магнитофон, но преследовал иную цель. Меня глубоко тронула «Последняя граница» Говарда Фаста, и я хотел оживить её. Я читал в микрофон, а на задний план подкладывал музыку и всякие шумы – топот копыт, выстрелы, свист ветра. Из некоторых книг я выписывал наиболее понравившиеся фрагменты и делал к ним иллюстрации. Текст и картинки должны были находиться на одной странице и наползать друг на друга, тогда они становились для меня не просто самостоятельными рисунками, а составной частью книги, и через это я сам как бы делался частью произведения, сливаясь с текстом с помощью моих рисунков. Магия воображения...

Пытаясь разобраться в некоторых моментах прошлого, я стал задавать моим корреспондентам вопросы о Гойко Митиче и обнаружил, что люди, пришедшие в индеанистику в пост-советское время, не способны понять, кем был Гойко Митич для тех, чьё детство выпало на 1970-80 годы и кто увлёкся индейцами тогда. Мы ценили Гойко Митича не за талант и не за похожесть на индейца. Митич одарил нас уникальными чувствами. Сегодня кино не пробуждает таких чувств. Нам повезло: нам дали возможность ощутить чистоту романтики, и мы впитали её в себя. Фильмы с участием Гойко Митича дали мне идеалы и создали мир, куда я мог сбежать и где, вероятно, мог даже спрятаться. Этот мир разрастался по мере моего взросления, обретал новые черты и постепенно стал совсем не тем, каким был в детстве. Точно так же и я стал другим. Но параллельно с моим новым «Я» существует и прежний «Я», и у меня не возникает потребности расстаться с ним. Таких людей много, и мы безошибочно узнаём родственную душу,

потому что мы видим друг в друге наше детство – его лучшую сторону. Подлинное взросление не лишает человека способности смотреть на мир глазами ребёнка.

Индеанистика советских времён – это детский идеализм. Индеанистика двадцать первого века – это взрослый прагматизм. Родившиеся на двадцать лет позже меня уже не способны понять, о каких материях я говорю. Заинтересовавшись индейцами сегодня, они никогда не увидят в них то, что видели мы. Они разглядят в них что-то своё, но никогда не станут теми, кем были мы. В нашем увлечении мы были настоящими богачами, ибо сокровища, которыми мы обладали, хранились внутри нас, это сокровища души. С расстояния прожитых лет говорить об этом можно уверенно.

История советских индеанистов – это рассказ о людях, которые чувствовали себя одинокими и долго не знали, что есть ещё кто-то, разделяющий их взгляды. Они долго искали друг друга, строили своё сообщество, примеряли на себя разные образы жизни, сходились и расходились. Одни исчезли, другие остались, некоторые стали легендой, кто-то живёт одиноко, кто-то предпочитает общину. История индеанистов полна мифов, как всякая другая история, но у меня нет желания выискивать истину, делать какие-либо умозаключения, оспаривать чью-то точку зрения. Я лишь попытался собрать воспоминания разных людей о разных событиях – значительных и малозначительных.

Что представляло собой Движение индеанистов? Мальчики и девочки, по какой-то причине очаровавшиеся индейцами (никто так и не сумел объяснить, что именно привлекло их), стали искать себе подобных. Говорят, что

первая группа индеанистов сформировалась в Литве в конце 1960-х или начале 1970-х под руководством Кагаги, но о той группе никто ничего не знает. Я сомневаюсь, что тех ребят следует называть индеанистами. Они поиграли в индейцев, и племя «рассосалось». В индейцев играли многие, но индеанистами можно называть только тех, у кого это увлечение держалось долгие годы.

В советское время поиски себе подобных затягивались иногда на десятилетия. В этом проявилась особая природа индеанистов Советского Союза, особый их дух. Сегодня не нужно ни терпения, ни усилий, чтобы найти людей, разделяющих ваши интересы, интернет-поисковик найдёт их за несколько минут. А в прошлом поиски информации и людей придавали нашему увлечению особую ценность и неповторимость...

Найдя друг друга, ребята начали встречаться, стали устраивать ежегодные Пау-Вау (в моих телевизионных программах я говорил, что Пау-Вау – это Праздник Людей, потому что не смог подобрать более подходящего «перевода»). Так возникло Движение, хотя никаким Движением оно на самом деле не было – ни устава, ни программы. С 1982 года Пау-Вау проводились регулярно, сначала только под Ленинградом, затем по всей стране (правда, в других городах Пау всегда были малочисленнее), а после распада СССР – ещё и на просторах «ближнего зарубежья», то есть в бывших республиках Советского Союза. Численность индеанистов неуклонно росла, Движение набирало силу, но затем что-то случилось, приток людей прекратился, наступил застой. По крайней мере, некоторым казалось, что наступил застой, и эти некоторые начали борьбу против застоя.

Внутренние раздоры привели к расколу. Под Питером почти параллельно проводились два Пау-Вау, одно из которых называлось «Возрождение». Возродился ли на том Пау-Вау индеанизм в России? Возродился ли тот дух, который заставлял мальчишек и девчонок искать друг друга? Нет, не возродился. И не мог возродиться, потому что с годами юношеский идеализм ушёл, и вместе с ним ушло то отличительное, что лежало в основе сообщества первых индеанистов.

Движение индеанистов, возникшее в Советском Союзе, начало умирать вместе с крушением СССР. Во-первых, мальчишки повзрослели. Во-вторых, изменилось всё вокруг: политическая система, экономическая, мораль. Советские индеанисты не могли оставаться советскими в капиталистическом мире. Исчезла советская идеология, с множеством присущих ей ограничений, против которых восставала душа каждого индеаниста. Одновременно с идеологическими ограничениями исчезла материальная база социалистического мироустройства, гарантировавшая каждому хоть какую-то стабильность. Исчезло всё то, на что мы привыкли опираться.

Дети, игравшие в индейцев, жили жадной свободой, но под свободой подразумевали право свободно играть в индейцев, свободу от кураторов, наблюдавших за этой непонятной игрой в индейцев. Об изменении политического строя никто не думал, индеанистов это не интересовало. Я слышал от многих, что индеанистами интересовалась милиция, присматривался КГБ, кое-кто рассказывал мне о том, как с ними проводились беседы «с пристрастием». Сергей Иванов (Вапити) написал в своей «Краткой истории индеанистов»: «Вскоре после Большого Совета всех участников по местам их жительства прихватили гёбешники, правда, они не особо злобствовались, а потребовали подробного отчёта о Совете и согласия стать информатором и сообщать о всех индеанистских делах. Почти все отказались. Овасес тогда учился в художественном училище имени Серова, и там ему прозрачно намекнули, что если он не будет информировать органы, то он под тем или иным предлогом будет отчислен. Овасес пришёл понурый на сбор Клуба. Так и так, говорит, я попал в засаду. Посовещавшись, народ решил – стучи на нас, дорогой Овасес,

но на сборах мы всё будем говорить тебе: что стучать и как стучать. Так появился в клубе «штатный стукач»...» Про Вапити все в один голос говорят, что он, мягко выражаясь, любит преувеличить и рассказывает любую историю, вывернув её наизнанку, но я лично отношусь к его словам о «штатном стукаче» с большим сомнением. Овасес написал: «Было мне 28 лет, и меня никто не вызывал на Литейный, а пошёл я выручать Серёгу Иванова и вовремя: его сразу закружили, и он позвал меня с улицы. Я вошёл и давай возмущаться, сказал что-то, среди прочего, о наших правах, и это товарищам майорам понравилось, а когда я сказал, что оба мои дедушки были чекистами – больше они Иванова не вызывали».

Прекрасно понимаю, что истории о допросах в казематах КГБ – красивая выдумка более поздних времён, ибо допрашивать мальчишек было не о чем, индеанисты не состояли в тайных антисоветских группировках. За ними приглядывали так же, как за всеми остальными неформальными организациями, и призывали к сотрудничеству. Но никто из тех мальчишек не являлся сексотом, то есть секретным сотрудником спецслужб. Был, правда, СоД ПИА (Союз Джосакидов Поддержка индейцев Америки), провозгласивший себя «боевой группой прогрессивно настроенной молодёжи», а боевая группа в Советском Союзе не могла не вызывать вопросов. Но дело в том, что самое «боевое» действие СоД ПИА – это сбор денег для покупки школьных тетрадей, которые предполагалось отправить в резервации... Так что рассказы о проникновении тайных агентов госбезопасности в ряды индеанистов – сказка.

В переписке с Орлиным Пером, основателем ал-

Химки, 1975
Юджин, Сэнди, Красное Облако, Сидящий Бык

тайской общины «Голубая Скала», я поинтересовался, сильно ли досаждали ему спецслужбы. Он ответил: «Бывало, домогались. Меня вообще два раза чуть не посадили. Один раз даже сидел пять суток в КПЗ, потом даже был суд. Мне сформировали липовое обвинение и сказали: «Община была восемь лет, вот ты и сядешь на восемь». Но это уже отдельная история и к индейцам не имеет отношения»...

Я наблюдал за Движением в основном со стороны. Впервые приехав на Пау, я был очарован и разочарован одновременно. Я оценивал всё трезво: внутренние противоречия, недовольство, высокомерие «стариков», обиды – всё было очевидно. Несмотря на длинные минусы, торчавшие из всех швов Движения индеанистов, мне нравилось их общество. Несмотря на разность наших взглядов, среди них я ощущал себя в родной стихии, ни в каком другом сообществе (телевизионщики, киношники, литераторы) я не чувствовал столь глубинных связей. И это по сей день не перестаёт удивлять меня.

Я познакомился с индеанистами в «славные» 1990-е, когда страна стала жить по-новому. Москву чуть ли не в

одночасье наводнили бездомные собаки, проститутки и нищие. Пустые вчера дворы заполнились подержанными автомобилями, которые гудели, ревели и тарахтели глохнущими двигателями. На перекрёстки выплеснулись толпы детей, спешившие вымыть грязные стёкла машин и получить за это вознаграждение. Эти же дети предлагали водителями газированную воду, газеты, сигареты. В самом центре Москвы, на Манежной площади раскинулся гигантский лагерь беженцев, горели костры, пахло гнилью. Повсеместно так называемые «бригады» вершили свой бандитский суд. Их легко было узнать по безразмерным кожаным курткам, тренировочным штанам, коротким стрижкам, многие носили на шее золотые цепи толщиной в палец, чуть позже в моду вошли малиновые пиджаки (это уже у тех, кто выбился из рядовой «братвы» в бизнесмены). По ночам слышались выстрелы... В те годы, работая на телевидении, я с моей съёмочной группой не раз попадал в облаву (то в дневное время, то ночью), нас держали под прицелом, обыскивали, искали оружие и наркотики. Такое было время. Иногда на журналистов нападали и

отнимали съёмочную технику (цена профессиональной видеокамеры в то время достигала двадцати тысяч долларов, и на этих разбоях быстро расплодилось фирмы, сдававшие телевизионную аппаратуру в аренду).

Мне посчастливилось попасть на государственный телевизионный канал, на штатную должность режиссёра. Удача несказанная! Нам никогда не задерживали зарплату, её регулярно индексировали по мере роста инфляции. У меня был бессрочный пропуск, с правом вноса и выноса кассет и документов во все учреждения, имеющие отношения к государственному телевидению. Вплоть до 1997 года я жил беззаботно (если говорить о финансовой стороне, а не об условиях работы и не о физическом здоровье). Но у подавляющего большинства людей жизнь сложилась иначе, многие едва сводили концы с концами. Москва была похожа на гигантскую помойную яму, посреди которой бесстыдно перемигивались разноцветные лампочки многочисленных казино.

Что же касается индеанистов в те годы, то нужно отметить их удивительную стойкость; они не расстались со своей страстью, несмотря на давление обстоятельств. Они отказывали себе во многом, но только не в том, что касалось индейцев: покупали книги, бисер, кожу, ездили на Пау, тратя на это последние деньги... Впрочем, «не сломили» – это лишь об увлечении индейцами. Люди-то пошли каждый своим путём: и бизнесмены выросли из них, и бандиты, и отшельники. Разные судьбы. Ничего общего меж ними, если не считать их индейства.

Именно тогда, в девяностые, я начал цикл телевизионных программ «Голоса». Руководство долго отказывалось ставить «Голоса» в эфир,

Мато и Каверин

1983, Холмы,
 Стоят: Николай Внуков, Ольга Пакунова, Александр Ващенко
 Сидят: Кола Танка, Великий Рысёнок

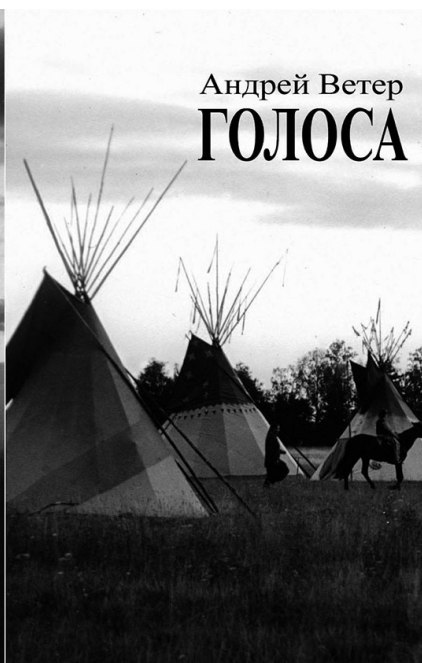
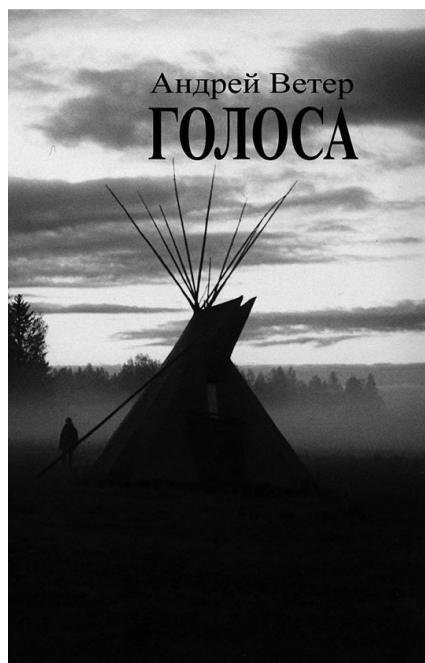
потому что наше творческое объединение занималось только политическими и экономическими вопросами, и для индеанистов просто не было места в сетке телевидения. Пока я пытался хоть куда-нибудь приткнуть моё «индейское» детище, на Первом канале кто-то запустил

другой цикл под названием «Голоса», поэтому я срочно переименовал мою программу в «Голоса и крылья», поскольку где-то у меня в закадровом тексте мелькнуло что-то про «расправленные крылья души». К тому моменту, когда мой опус вышел в эфир, чужие «Голоса» заглушили. В те годы

много стремительно рождалось и так же быстро умирало. Поскольку я создавал мою программу в полулегальных условиях, отщипывая время от других моих официальных монтажных смен, у меня не осталось возможности вернуть первоначальное название моей программы, и она появилась как «Голоса и крылья», хотя я называю её просто «Голоса».

Книга «Голоса» стала естественным продолжением той телепрограммы, но с другим уклоном. Теперь я собираю воспоминания индеанистов, уделяя внимание в первую очередь советскому периоду Движения и тому, что происходило в 1990-е. Основная масса индеанистов по-прежнему отказывается участвовать в создании «Голосов». Игорь Гуров (один из моих корреспондентов) объяснил это так: «Мне не жалко поделиться тем, что было, просто за все эти десятилетия многое в восприятии и эмоциях изменилось и потускнело. И ещё каждый хочет быть «вождём», желает делать только «своё» и не участвовать в «чужом». Индивидуализм и эгоцентризм. Кто-то способен перешагнуть через эгоцентризм и быть проще, кто-то не умеет сделать этого, а кому-то вообще по фигу. Есть люди, реализовавшие свои амбиции в чём-то другом, от таких вряд ли дождёшься развёрнутого рассказа. Я сам где-то посередине этих характеристик. И придерживаю что-то для своих «мемуаров», хотя они могут и не случиться».

Так или иначе, но два тома «Голосов» увидели свет. История удивительного увлечения и удивительных людей написана. Мне хочется верить, что появится и третий том, потому что после выхода двух первых книг появились желающие рассказать о своём поиске истины, который привёл их в Движение индеанистов.

Алексей ТАРАБРИН

НЕБЫВАЛОЕ БЫВАЕТ...

Бочка

Особист Сергей Иванович Б. был очень занят. Он давил мух длинной металлической линейкой на оконном стекле в своём кабинете. Давил методично и размеренно, как привык делать всё за долгие годы на государственной службе. Не суетясь. А ещё он готовился к пенсии. Служить матёрому майору оставалось пару месяцев. За годы, проведённые на службе, было не стыдно. Есть что вспомнить. Весёлое досталось время – Перестройка, развал страны и системы, многочисленные переименования родной «конторы», нацеленные в основном (по его, сугубо субъективному мнению, на то чтобы парализовать работу эффективной когда-то государственной машины). Многочисленные командировки и переезды – отваливавшаяся с мясом Прибалтика, вспыхнувший Таджикистан, взбурявшийся Кавказ, вороватая купеческая Самара, иные посещённые им по «путёвке от профсоюза» точки нашей необъятной страны выработали в нём способность спокойно оценивать любое событие. Для себя он уже давно сделал вывод – в самой острой ситуации, когда требуется принять немедленное, возможно, судьбоносное решение, от которого будут зависеть не только твоя, но и чужие судьбы, нужно просто выпить сто грамм водочки и лечь спать. И поутру вы убедитесь, что кроме вчерашнего, как казалось, единственно верного решения, есть ещё

куча различных и вполне приемлемых вариантов. Может поэтому Сергей Иванович и уходил на пенсию майором. А не щеголял полковником, или даже генералом, как некоторые его сослуживцы.

Предстоящее увольнение его не пугало, хотя и не радовало. Не понятно, что делать дальше. Жена ушла ещё в Самаре. Точнее не ушла, а просто осталась. Сказала: «Всё, Сергей, дальше без меня. Больше никуда не поеду. Первый раз за долгие годы свой угол появился. Только квартиру получили. Из крана чистая и горячая вода течёт. За окном не стреляют, на кухне за ночь чужие люди борщ не сожрут». Дальше всё само собой получилось. Он уехал к новому месту, она обживалась на старом. Обжилась. Уже и замуж вышла. Просила больше не беспокоить. Хорошо хоть сын признаёт. Звонит иногда. В основном, когда деньги нужны. Взрослый уже. Надо помогать. Всё закономерно. Наверное, есть смысл вернуться в деревню, к родителям. Старые они уже совсем. Приглядеть надо. Дом поправить, а то и новый поставить. Может ещё и жениться не поздно. А что? Как говорил почтальон Печкин из Простоквашино – «я, может, только жить начинаю, на пенсию перехожу». В общем рассуждал он как-то так. Ну и готовился.

Нашёл за складами брошенную деревянную бочку. Крепкую такую. Ещё служить долго будет. Заставил бойцов её отдраить, отскоблить под стёклышко. Размочил. Теперь

стоит за складом на солнышке, как пасхальное яичко. Готова к засолке грибов, огурцов, чего угодно. Классная вещь. По увольнению контейнер положен. Вещей не много. Поместится. Пригодится.

Вышел проверить, глаз порадовать – а бочки и нет. Спёрли. Воровать у особиста – особый цинизм. Отважиться на такое может только полный отморозок или дурак. Короче, нужно среди прапоров искать – сделал профессиональный вывод старый оперработчик. Профессионализм не пропьёшь. В общем, через полчаса фамилия прапорщика из химслужбы полка, совершившего кражу века, перестала быть для него тайной. Без суеты ознакомился с личным делом похитителя. Точно он. Служил в Германии, выведен, недавно переведён в полк. Обживается, гад. Через год пенсия – тоже готовится. Вызвал к себе. Вошедший сразу не понравился. Глазки бегают – чуёт неладное. Ручки потные. Противный какой-то. Неаккуратный. Штаны как со склада получил, наверное, никогда и не гладил. У ботинок носки облезли и подошва стёрлась – экономит, готовится компенсацию получить. Типаж понятен. Жмот. Прямых улик нет. Поэтому наехал на него Сергей Иванович издалека. Дескать, всё про него знает, давно на крючке. Доигрался. Вот тебе бумага и ручка. Пиши сам. Пиши всё! В цветах и красках! Кто, что, куда!? Я всё и без тебя знаю!

Предлагаю облегчить душу! А сам пошёл покурить. Покурил. Потом ещё покурил. Там, тут поболтал. Пришёл.

Бедный прапорщик дописывал третий лист. Это что за роман в стихах? Трёхтомник про бочку. Взял со стола серый исписанный коряво лист и прочитав, мягко говоря, – изумился. Прапор подробно излагал, как во время подготовки к выводу из Германии его, гордо, но неуверенно, вышедшего из местного гаштета, пыталась затащить на себя немецкая девица облежённому поведению. Не безуспешно. Пьяный проказник даже не успел вкусить буржуйского тела, как непонятно откуда проявились два русскоговорящих типа в штатском и, напугав до икоты ужасными последствиями, завербовали его. Обещали, что в России на него выйдут их люди. Будут работать с ним. Денег обещали. Но не дали. Взяли с него бумагу о согласии работать на вражескую разведку и слиняли вместе с бл..., простите, фройляйн. Бледный изменник плакал и каялся, говорил, что с тех пор жил в страхе и каждую ночь ждал особиста. Дверного скипа боялся. А теперь даже полегалочало. Спасибо.

Искренне. «Не дадут суки, спокойно уволиться», сокрушался в душе Сергей Иванович. «А где же бочка? Что делать с прапором? А ни хрена не делать... Домой. Пожрать. Сто грамм и спать. Всё утром». Не буду больше ничего рассказывать. Не стал ломать контрразведчик судьбу глупого прапора и его детей. Вреда реального он Родине не нанёс.

А в контейнер очень скоро загрузил Сергей Иванович уже две классные бочки и целый ящик очень нужных и высоко ценимых в рыбацкой среде комплектов химической защиты.

Честный мускул

В каждом приличном полку, как и в каждом гарнизоне, есть специально обученный военный, который называется – «начальник физической подготовки», или в народе просто – «мускул». Обычно, это порядочные мужики, которые не только быстро бегать и кидаться гирями умеют, но и держат лидирующие позиции в пока ещё не признанных видах военно-прикладного многоборья – борьба с зелёным змеем (он же литрболл), бабс-лапс (хождение на лево)

и комплексно силовых ночных упражнениях в бане (это когда литрболл совмещён с бабс-лапсом). Возможны вариации в зависимости от рода войск – уже не товарищеский бокс, метание тяжестей в замполита, горлопанство строевых песен и т.п.). Полковой мускул – капитан 3 ранга Иван П. не был исключением из общего правила, но обладал одной чертой отличавшей его от всей военно-спортивной и не спортивной братии – он был честным. В смысле с дамами. Да и вообще. Но с дамами особенно. Всем, на ком он обещал – он женился. Да, пусть ненадолго, но честно, пусть с маленькой, но со свадьбочкой, фатой, лёгкой попойкой, записью в удостоверении личности офицера и прочими атрибутами. По этой причине в его удостоверении закончились чистые от этих записей странички (кто в теме – знает, что там их не так уж и много). Не разумеющие в регулярных бракосочетаниях кадровики дубликат документа, как пришедшего в негодность, выдавать отказались и сделали ему вклейку, которую с восторгом и удивлением ежегодно рассматривали уже здоровающиеся с ним при встречах на улице сотрудники ЗАГСа. Полк к этой особенности офицера привык быстро. Близкие товарищи тостуя на очередной свадьбе говаривали «Иван, я на всех твоих свадьбах гулял, всех жён твоих знаю, но эта...» – и далее комплименты избраннице и пожелания долгой и счастливой жизни. Очередное бракосочетание тренированного в этом деле бойца прошло, как всегда, на высоком учебно-методическом уровне. От новой невесты в виду её не особо выдающихся визуальных тактико-эксплуатационных характеристик подвига по вживлению Ивана в отряд «одомашненных» никто не ожидал. Рутинно отгуляв, то-

варищи решили, что «эта» продержится максимум до начала «сезона кобелирования» (Это когда на лето офицер отправляет семью с Северов на большую землю к маме, в смысле – к тёще) и, вожделенно войдя в группу риска, пускается во все тяжкие. Однако... Желание благоверной представить мужа родителям было воспринято Иваном без опаски и даже с интересом. Зима. Отпуск. В Сибирь так в Сибирь. Поехали. На забытом богом полустанке, среди морозов и огромных елей молодых встретил отец невесты – крепкий мужик с бородой, похожий на матёрого кулака из советских фильмов. На огромном чёрном внедорожнике долго вёз их хрен знает куда по скрипящему сияющему снегу и покрытой инеем тайге. Чистейший морозный воздух, солнце – играющее своими лучами меж зелёных хвойных веток и пушистых огромных сугробов. Восторг. Два огромных, мордатых, с кулаками как арбузы в военторге, бородатых молодца, оказавшиеся родными братанами новоиспечённой супруги с интересом рассматривали художавого гостя и пригласили в подготовленную по случаю их приезда баню, представляющую собой огромный, пе-

реложенный мхом серый сруб из толстенных брёвен, приветливо извергающий клубы пара и чудного аромата. Войдя в парную, оценив завораживающий уши температурный режим и контраст своего тельца с обвешенными мясом и шерстью телами новоиспечённых исполиноподобных родственников, Иван понял, что сегодняшний прекрасный день может стать в его жизни последним... Братья неторопливо добавляли пару, размеренно басили о чём то, а наш герой понимал, что вот-вот потеряет сознание. Или позор, или смерть.. В планы не входило ни то, ни другое. Армейская, а может и не армейская, а просто русская смекалка спасла множество жизней и авторитета гражданам ею обладающих. Схватив огромный ковш, наполнив его кипятком Иван, прощаясь с жизнью, выплеснул его на каменку, тут же набрал второй и без раздумий отправил его содержимое туда же. Ошалевшие от такого подхода гоблиноподобные братья ретировались в предбанник. Лишившись зрителей, офицер схватил берёзовый, огромный как всё в этом доме веник, рухнул на пол и молотя им по полу и брёвнам от души кричал на весь мир о том как ему

хорошо, и что-то из классики про мать. Через несколько минут красный как варёный рак в укропе воин обтирался на улице снегом, ласкаемый уважительными взглядами новой родни. Он прямо чувствовал, как его тело раздувается от важности, уверенности и уважения к себе. Даже братаны, исполины в его глазах уменьшились до безбоязненно воспринимаемых размеров. – Мужик у тебя – зверь! Первое, что вымолвили, войдя в дом розовощёкие братья, обращаясь к сестре (кстати, под стать Ивану, почему-то не исполинских размеров). – Мы так не можем. Сама с ним в баню ходи... Эту историю, я услышал от самого Ивана, вернувшегося из отпуска. Тоже в бане, при спортзале. Тогда он первый раз на моей памяти ушёл из мужского клуба почти трезвый и сразу домой. Прошло много лет. У уже давно не полкового мускула две дочки. Солидный, степенный человек. Крупные соревнования судит. Вы, наверное, его даже по телевизору видели. В белой рубашке, с бабочкой. В жене и детях души не чаёт. Все отпуска проводит в Сибири. Среди родственников жены пользуется непререкаемым авторитетом...

Капитан Вовка

Первый раз я увидел его, когда во мне ещё не выветрилось однозначное представление об офицере, сформированное в стенах военного училища – как о человеке, может быть, слегка выпившим, но в начищенных сапогах, возможно слегка грязных, но отутюженных брюках. Капитан Овчинников под это описание как-то не укладывался, то есть, совсем не подходил. Линялое, грязное х/б, вязанная шапка – петушок с символикой полузабытой олимпиады, грязные, стоптанные

кроссовки – всё это не ассоциировалось с представлением о заместителе командира батареи славных войск ПВО страны. Все, кто его знал, звали его просто – Вовка, даже солдаты. Правда, за спиной. По-другому его, наверное, и назвать-то было нельзя, так как даже звёзд на плечах его рваного бушлата было не равное количество: на одном четыре, на другом три и дырка. А сам он прибывал в состоянии хронического похмелья. Не пьяный, но всегда с запахом (как говорил командир, «с лёгким амбре»). И утром, и вечером. Однако, Вовке всё прощалось по трём основным причинам. Первая – он был специалистом. Причём редким. Техника его любила. При нём она не ломалась, а лишь изредка капризничала, восстанавливая работоспособность сразу при его появлении. Когда же Вовка по каким-либо причинам долго отсутствовал, всё его техническое хозяйство отказывалось исправно функционировать, вызывая лёгкое недоумение у молодых офицеров и бурю негодования у матёрых. Вторая – служил Вовка в богом забытом месте, на «точке», поставленной на южном берегу Баренцева моря. В краю, где лето короткое, но малоснежное. Куда людей доставляют вертолётом, который даже не садится, чтобы обратно никто не запрыгнул. А третья – Вовка был сиротой. Все знали, что родителей своих он никогда не видел. В Ярославском детском доме кем-то были подмечены его золотые руки и тяга к технике, благодаря чему и был направлен и принят в расположенное там же военное училище. Имея светлую голову и пролетарскую биографию, закончил его без проблем. Как подающий надежды и не имеющий за спиной никого в военном ведомстве власть имущих и возле них стоящих, был на-

правлен в тьму-таракань, так как всё равно не сбежит. Некуда. В общем, армия, точнее та её часть, где существовал Вовка, была для него всем. И домом, и роднёй, и всем тем, чего нам с Вами не дай бог осознать. Служил не тяготясь. Стойко переносил всё, посвятив, правда, со временем, свой нехитрый досуг общению с «зелёным змеем», который в виде «шила» (кто не знает – так в войсках называют спирт) в славных войсках ПВО не переводился никогда, несмотря ни на что. Он никогда не напивался на службе, всегда был готов к выполнению любой задачи, но всегда находился в состоянии «лёгкого подогрева». Отдельная история – вовкены отпуска. Каждый год он изгонялся в отпуск, который неизбежен как крах империализма. Провожаемый всем коллективом счастливчик, под руки (это повод и событие, которое отмечалось им несколько дней и поэтому сам он ходил неуверенно) сопровождался на белоснежный борт гражданского морского судна. Томимый предстоящей встречей с большой землёй, необходимостью истратить накопленные гроши, офицер в постиранной сердобольной женой товарища гражданской одежде и коричневых фор-

менных туфлях закидывал в себя благородные напитки в баре, как ему казалось, океанского лайнера. Сойдя через сутки по трапу, отпускник направлялся в ближайшую к порту гостиницу. Сняв номер с ванной и тёплым сортиром, приглашал весёлых девок, лёгкого и востребованного поведения и несколько дней (их количество могло слегка варьироваться, исходя из накопленного золотого запаса) куражился с ними, поя девах обильно водкой и изливая на них всю свою нерастратенную жажду общения и любви к людям. Истратив денежные знаки, Вовка перебирался на морвокзал где получив положенный ему билет на обратную дорогу дремал на лавочке, готовясь к рассказам братьям по оружию об удивительных событиях и жизни на большой земле за баночкой любимого напитка, под шкварчание жарящегося на сковороде в сливочном масле репчатого лука. В общем, жил Вовка в гармонии сам собой, пока не случилось страшное.

Наша могучая и несокрушимая армия, как и всё в то время была подвержена нескончаемому, сопровождаемому полным отсутствием на это денег реформированию. На радость всем остальным (кроме Вовки), «точка» на

краю земли была сокращена, всё разрушено, вывезено, брошено, похерено и украдено. Людей перевели жить и служить в большие (всё относительно) гарнизоны возле больших (в их понимании) городов и населённых пунктов. Вовка же не разделил ликования ворвавшихся в цивилизацию женатиков от гарнизонных квартир с тёплым сортиром и от тоски по своему ДОСу (дом офицерского состава), тундре, воле и тишине налёг на спиртушку с большим старанием. Попытки привыкших к нему и знающих его положительные качества командиров привести его внешний вид и исходящий от него круглосуточно лёгкий шлейф к общепринятым нормам приносили лишь кратковременный успех и вызывали в его растревоженной душе молчаливый протест. Офицер начал бесконечно «залетать». Всем подряд. Новым большим и маленьким командирам, всевозможным проверяющим, гарнизонному патрулю, милиции, венерологам, травматологам и т.п. – превратившись в живую легенду о ходячем ЧП. В итоге случилось то, что должно было случиться. Он уволился, т.е. его уволили. Выгнали. Выгнали из армии, бывшей для него всем. И семьёй, и роднёй, и домом. Однознач-

но не скажешь, кто прав, кто не прав. Не рассудишь. Да и не надо этого никому. Вовка и сейчас стоит у меня перед глазами в коричневых стоптанных форменных туфлях, старых джинсах, линялой синтетической зелёной футболке, подаренном кем-то клетчатом потёртом пиджаке, с фибровым чемоданом (спи-саным из секретки) и бушлатом в руке – всем, что нажил офицер за годы службы на окраинах великой Империи. Он уехал.

Уехал в никуда и ни к кому, оставив после себя рассказы, легенды и необъяснимую горечь в сердцах тех, кто его знал и, наверное, любил, смешавшуюся со щемящим чувством несправедливости.

P.S. Вовка не уехал. Точнее – уехал, но недалеко. В привокзальном Мурманском ларьке он познакомился с его хозяйкой. Тридцатилетней полненькой, симпатичной и весёлой разведёнкой, истосковавшейся по простому, не испорченному поиском коммерческой выгоды мужику. Услышав от похмельного Вовки его историю, она сразу поняла, что этот мужик надёжней, чем автомат Калашникова. Не обидит и не сбежит. Некуда. Говорят, его видели посвежевшим и ухоженным. В чистой, свежей

рубашке и пиджаке. Трезвым. Они вместе работали в её ларьке и всерьёз собирались расписаться. Осталось только паспорт Вовке получить, уладив все процедуры с военкоматом. Но пока пересылали туда-сюда личное дело, пока собирал необходимое количество никому не нужных справок, Вовка заболел. Не знаю чем, но заболел сильно, с высоченной температурой. В больнице, куда его доставили на «скорой», выяснилось, что нет у него и не было никогда ни паспорта, ни полиса медицинского страхования (о существовании в природе последнего он и не догадывался). Перевезли в военный госпиталь, где оказалось, что он не имеет достаточной выслуги лет, и звание у него не то, чтобы после увольнения, да не по той статье, там исцеляться и рекомендовали обратиться..... в больницу. Круг замкнулся. Вышел Вовка из госпиталя, сел на автобусной остановке, скрутился калачиком, стиснул зубы и тихо умер...

Пеньки

Тем, кто бывал в Моздоке в конце девяностых-начале двухтысячных не нужно рассказывать, что такое и где находятся «Пеньки». Этот грязный сарайчик на окраине славного, но не лестно воспетого Пушкиным города манил к себе всех возвращавшихся или просто на время вырвавшихся из объятий «Пластилиновой республики» (так между собой называли Чечню за грязь, которая прилипала к обуви как коричневый пластилин. Всасывала всё. Могла оторвать подошву у берец).

Данное заведение было прозвано «Пеньками» из-за, собственно говоря, дубовых пеньков разного калибра, которые изображали из себя стулья и столы. На которых и

среди которых, вырвавшийся из опостылевшей действительности воин вкушал божественный (не вру, лучшего в жизни не ел) свиной (!) шашлык. Яство подавалось на пластиковой тарелке, присыпанное луком, политое каким-то обалденным соусом местного разлива.

Куски свинины размером с кулак источали божественный запах, и были так душевно приготовлены на огромных шампурах, что таяли во рту. Сами понимаете, такое блюдо не запить вкуснейшей осетинской водочкой или купленным у предприимчивых Моздокских бабок на рынке вином, разбавленным водой и настоящим на карбиде или табаке, было бы преступлением против собственной совести.

Вкушавшие мирно складировали свои пулемётки и автоматки в углу или, прислонив их к пеньку, назначенному столом, отдавались блаженству пожирания мяса. Вованы (Внутренние войска) и Федералы (Мин. обороны), менты и Фэйсы (ФСБ), все были в «Пеньках» братьями. Не описать того чувства, когда воин, нахлебавшийся по горло ежеминутно окружавшей его дряни, пересекал порог этого богоугодного заведения. Это как окончание жёстко соблюдаемого и затянувшегося религиозного поста. Даже свет в «Пеньках» был светлее, воздух свободы гуще и пьянее, грязное об-

мундирование чище, неотмываемые от копоти и саляры ручки – стерильны, как у хирурга. «Пеньки» возвращали сознание того, что жизнь прекрасна и удивительна, но как и всё – не без изъяна.

Расслабившийся воин-контрактник изрядно вкусил мяса, запил его от души и пребывал в настроении благостном. Как ему казалось в эту минуту, он любил всё человечество (ту его часть, присутствовавшую в «Пеньках» на тот момент, – точно).

В душевном порыве солдат решил захватить с собой кусочки хорошо прожаренного и благоухающего счастья для своих «братанов», безвылазно месящих пластилин.

Обратившись в амбразуру, из которой замотанная в нежно грязный, с белыми вкраплениями халат тётя непонятного возраста выдавала блюда, попросил пакет. Ну, то есть целлофановый такой пакетик, куда всё заготовленное им для товарищей могло быть уютно и заботливо уложено. За спиной у тёти на гвозде их висело великое множество.

– Пакетов нет, – сообщила тётя, ещё не понимая всей каверзости своего ответа.

– Дай пакет, – раздражаясь и глядя на безвольно висящие на гвозде пакетики молвил наш заботливый друг.

– Пакетов нет.

Красные глаза воина налились праведным гневом.

– Дай пакет!

– Пакетов нет!

Просунутый в амбразуру ствол автомата ввёл тётю в лёгкое замешательство и вогнал в слёзы.

– Пакетов нет, – плача выдавливала из себя она.

Воин снял автомат с предохранителя, загнал патрон в патронник.

Привыкшие ко всему присутствовавшие рядом служивые люди не стали дожидаться прогнозируемой развязки. Ловко сбив с ног пьяненького контрактника, несколько раз отрезвляюще съездив ему в личико кулачком, выдавший виды сто килограммовый пехотный старлей откинул в сторону выбитый из рук автомат и уже нежно прижимал к груди пьяно плачущего в кровавых соплях бойца.

– Чего она, с..сука, пакетов нет, а их там б.. до х.., сука, б.., – доверительно, как маме, повествовал обиженно всхлипывая воин.

– Нет пакетов, – ревя и вытирая сопли грязным рукавом, упорствовала повелительница пластиковых тарелок.

– А это что? Указывая грязным пальчиком спросил поверженный.

– Это кулькииии!! И снова слёзы.

Велик и могуч русский язык. Одна вещь, а названий много. Разобрались. Через несколько минут, извиняясь и обтирая об тётю слёзы, перемешанные с кровавыми соплями, воин прижимал её к себе. Нежно, как младшую сестру, глядя по голове.

А тётя... проревевшись, как белуга, прижавшись щекой к грязному бушлату, глядя размазанными глазами на внезапно ставших ей родными совершенно чужих людей, она стала похожа на успокоившегося после истерики ребёнка на руках матери.

Гармония вернулась в мир. Как всегда, через слёзы, кровь и сопля.

О рассказе А. Алгадьевой «На берегах Вольи»

Рассказ Александры Алгадьевой искусно построен на деталях. У неё царица рассказа – это деталь. Художественная. Точная, сжатая, упругая. Одна чёрточка, одна запятая. Одна деталь ажурно впаяна в другую, другая в третью. И так далее. Получается рассказ. Ёмкий, глубокий, тяжеловесный. Наводящий на размышления.

Я вижу всё и всех. Некто «Он» – я знаю, кто это. Вижу Волью, вижу местных жителей, вижу хозяйку – Воль-я Най Экву. Вот Лось, последний закат, бурое пятно. Где-то рядом, незримо ощущается присутствие рассказчика, внимательного автора. Читая, мне припомнились Жан-Поль Сартр и Альбер Камю, идеи экзистенциализма в их прозе.

У нашего автора получилась картинка. Объёмная, широкая, имеющая множество граней. Так может написать только художник. Настоящий.

Еремей АЙПИН

г. ХАНТЫ-МАНСКИЙСК

Александра АЛГАДЬЕВА

На берегах Вольи

РАССКАЗ

Редкие мансийские деревни, спрятавшиеся на высоких берегах Вольи, давно опустели. Песни о судьбах, разносившиеся по водной глади и хвойной глуши, врезались в каменные скалы. Отзвучали. Зарастают тракторные борозды, оставленные геологами. Пройдёт ещё полвека и затеряется в уральской тайге их посёлок на Толье.

Теперь здесь главенствует Он. Он и смотритель, и хранитель. Он – хозяин. Это Он строит хилые избышки на низких болотистых берегах, пробираясь всё дальше и глубже от устья Вольи к её притокам. Это Он пренебрегает рассказами о сакральности здешних

рек. Он знает, его намеренно запугивают, чтобы Он не смог провести здесь свои выходные. Его законные выходные!

Серьёзный мужик, газетчик, трудился пять дней подряд, чтобы в пятницу вечером на борту лодки обнять двустволку, нахмурить брови, разглядывая берега, и бросать пустые металлические банки в воду Северной Сосьвы. От посёлка до устья Вольи три часа езды по Сосьве, дорога его не утомляет. Время за полночь, светло как днём, свежо.

А вот и красавица – Волья. Проходит ещё два часа езды и Он, наконец, замечает огромные светлые брёвна своей избы среди тёмного

леса, причаливает к знакомому берегу, привязывает лодку, берёт рюкзак, спальный мешок, пакет с металлическими банками и неспешно бредёт к избе. Он изрядно подустал, но никак не мог уснуть; сон в избушке не приносил ему удовольствия (жутко было одному), благо, что дурные мысли перебивал монотонный гул комаров.

Его сон прервал шум моторной лодки, несущейся вверх по Волье. Он поторопился встать, потому что боялся допустить, чтобы кто-то выловил его тайменей. Утро выдалось ясное и маловетренное. Красиво. Его не беспокоит наклонившийся угол избушки, не раздражают разбросанные повсюду бутылки и окурки, его взгляд не задерживают кучи прошлогоднего мусора, а внутри ничего не сжимается при виде обугленных деревьев после пожара, случившегося здесь три года назад по его вине.

Опустошив ещё пару металлических банок, к полудню, Он оставил в избушке вещи и поехал вслед за утренней лодкой вверх. Через пару десятков километров Он заглушил мотор и причалил к небольшой галечной косе, покидать спиннинг. Сегодня, как и всегда, ему везло, и спустя час два средних таймешка лежали на дне его лодки. Отложив более крупную рыбу, он принялся разделявать вторую прямо на берегу. Этот момент Он ждал всю неделю.

Без особых усилий Он вонзил нож в скользкую кожу тайменя, и неторопливо повёл руку от головы к хвосту. На языке уже ощущался солёный вкус плотного, нежного, жирного мяса. Дойдя до грязно-красных плавников, его рука остановилась, а взгляд невольно устремился вправо. Он так увлёкся рыбой, что не сразу заметил, что был не один на берегу.

Лось стоял в воде среди

кустов тальника и спасался от оводов. Он стоял с подветренной стороны, и животное его не слышало. Медленно, едва дыша, Он подобрался к лодке, его ноги оказались по колени в холодной воде, а кроссовки промокли. Прозвучал выстрел, эхо дважды разносило его по лесу. Лось покачнулся и с грохотом помчался в лес. Он ни за что не хотел его отпускать и помчался изо всех сил по лосиным следам. Он хорошо ранил лося и был уверен, что догонит животное, как только закончатся заросли тальника. Но мокрые кроссовки не давали ему бежать во всю силу, а их шнурки цеплялись за ветки. Он остановился на пару секунд, чтобы завязать шнурки. Чего лукавить, Он уже устал. Он остановился отдохнуть и покурить. Тропа видна хорошо, никуда животное не денется, думал он.

Тальник закончился внезапно, начался небольшой каменистый подъём, окончательно сбивший его дыхание. Затем следы вывели его на опушку леса, подняли по склону хвойного бугра и запетляли в сосновом бору. Лося нигде не было. Он выругался и пошёл к лодке. Петлять по сосновому бору ему было лениво, Он спустился по склону и, уверенный в том, что выйдет к знакомой опушке, побрёл, прокручивая в голове случившееся. На опушке лосиных следов не оказалось. Не оказалось их и в нескольких десятках метров от неё.

Не поддаваясь панике, Он неспешно покурил и пошёл напрямую вниз по склону, к Волье. Река снова пряталась за частыми ветками тальника, и потребовалось немало усилий, чтобы его преодолеть. Ему оставалось решить только одно: в каком направлении реки идти – вверх или вниз. И, прикинув траекторию своего движения по буграм, Он

решил идти вверх по течению. Но только течения не было. Вода стояла. Он вышел на одну из десятков стариц Вольи.

Поразмыслив о поворотах реки в этом районе, Он вздумал не доходить до края старицы, а пойти напрямую, к реке. Преодолев прибрежную полосу тальника, поднялся на берег бывшей реки, и прошёл метров триста по хвойному лесу, прежде чем впереди показалась вода. Но течения вновь не было – это была очередная старица. Происходящее обессилило его. Он сел у берега и мысленно восстанавливал в памяти последние три часа. Хотелось запрокинуть голову назад, закрыть глаза, открыть их и оказаться на борту своей казанки. Сигарет оставалось полпачки, еды не было, в кармане энцефалитки шумели пять патронов и зажигалка, ружьё изрядно натёрло левое плечо, мокрые кроссовки причиняли неудобство, аэрозоль от кровососущих осталась в лодке. Да, именно кровососущие усугубляли его положение. Они одолевали его с того самого момента, как только на поселковой пристани Он вышел из машины и пошёл «заправлять» лодку, и ладно бы, были только комары, Он к ним уже привык, но оводы и мошки просто выводили его из себя. Давало знать о себе и чувство голода.

Перед ним, подобно перевёрнутой подкове, разлеглась старица. Она была такой же ширины, что и река, берега – точь-в-точь вольинские. Где-то стоит его лодка и его таймешки, где-то бродит раненый лось, где-то рыбачат мужики. А Он здесь, заблудился вот, в проклятых старицах. Конечно, Он старался не падать духом, подобные истории как кто-то заблудился в лесу – не про него. Но в голове невольно нарастала тревога и сжимала всё его тело

изнутри. Без часов терялось ощущение времени.

Вечерело.

Он добрался до левого края старицы и пошёл по небольшому болоту – прежнему руслу Вольи. Болото заканчивалось труднопроходимым коридором – буреломом черёмухи и смородины с сырыми ягодами. Но вскоре появился обнадеживающий просвет, а через несколько мгновений Он уже спускался к реке и видел её быстрое течение. Он ликовал. Он узнал это место. Да Он уже сто раз ездил на Волью и знает её вдоль и поперёк! Лодка стояла в нескольких поворотах вниз по течению, Он заторопился к ней.

Он знал, как петляет река в этих местах, и на очередном повороте решил немного срезать. Река огибала лес дугой, в центре которой был небольшой хвойный бугор. В любом случае, по лесу идти приятнее, чем сквозь тальник, думал Он. Волья осталась по левую сторону, а ему нужно было пройти прямо, пересекая бугор.

Ели и пихты не пропускали свет солнца, стремящегося к закату, в лесу было темно и спокойно, даже тихо, если не учитывать комаров. Он добрёл до середины бугра и остановился передохнуть. Огляделся: прямо, слева и сзади – река. По правую сторону лес полз вверх и редел, затем виднелось что-то тёмное, рукотворное.

Он сразу понял, что это изба кого-то из местных, и не мог позволить себе пройти мимо. Приземистая, с виду маленькая, сложена то ли из ели, то ли из лиственницы, не выше двух метров. Крыша, выполненная из досок и рубероида, немного выпирала над той стеной, где была размером с его спину входная дверь, закрытая на согнутый гвоздь. Окно маленькое, как лист бумаги, с двумя тонкими

стёклами, занавешено дарнитом снаружи. На крыше был чердак, тоже не запёртый. За дверью чердака лежали шкуры то ли оленя, то ли лося, свёрнутые в рулоны и перевязанные бичевкой. Он сдёрнул с окна кусок дарнита и пошёл в избу.

Дверь поддавалась не сразу. Он потянул её изо всех сил, и она закричала так, что скрип было слышно на устье, подумал Он. По бокам избы раскинулись короткие дощатые нары. Между нарами расположился небольшой стол из массива какого-то дерева, с краю стола керосиновая лампа, над столом окно. В изголовье левой нары к стене были прикреплены две короткие палки, обмотанные пёстрой тканью и обвязанные тонкой верёвкой. Он развязал верёвку, и ткань легко выкатилась вниз. Такие палатки Он видел у местных.

Несмотря на то, что окно было маленьким, оно было так удачно расположено, что вечернее июльское солнце тёплым жёлтым светом падало в избу и хорошо освещало её убранство. Он присел на доски слева и начал разглядывать избу.

В левом ближнем углу стену украшали две самодельные полки, где лежало три коробка спичек, клубок чёрных ниток с воткнутой в него иглой, стеклянная банка с сухими листьями смородины, пара алюминиевых тарелок, две кружки, ручки которых были обмотаны синей изолентой, две ложки, невысокая стопка периодики. Рядом с полкой в бревенчатую щель был воткнут нож с длинным узким лезвием. В правом углу расположилась железная печь и чёрный котелок, такой же маленький, как и всё в этой избе. Рядом с печью дрова, топорик, кора берёзы, а у стены чёрный таганок.

Внезапно Он поймал себя на мысли, что ему неудобно.

Он вышел из избы и огляделся. В трёх метрах от жилища располагалось кострище, обложенное камнями. Чуть поодаль – искусственная яма, где виднелись ржавые металлические банки от тушёнки вперемешку со старой листвой и травой. И ни стола, ни стульев, ни мусора. Изба пряталась на самом высоком месте гривы, а сквозь густой ельник её никто и никогда бы не приметил с берега.

Всё располагалось так складно и, казалось, что у каждого предмета было своё место. Появилось ощущение, что хозяин ненадолго отлучился, а когда вернётся, то будет весьма удивлён незваному гостю. В этот момент Он впервые почувствовал себя лишним в лесу.

Не забыв захватить одну из шкур на чердаке, Он пошёл вниз по гриве, держась правее. Обернувшись, Он замер от увиденного: в окне избы горел тусклый свет керосиновой лампы. Нет. Это свет красного вечернего солнца отражался от оконных стёкол. Он же не закрыл окно, уходя.

Вскоре Он вышел к Волье, вновь пошёл вниз по течению и наконец-то вышел на косу, где стояла его казанка. Мысли путались в голове, ему было беспокойно, хотелось умчаться прочь с реки и из тайги. Он бросил шкуру на рыбу, оттолкнул лодку от берега, завёл мотор, повернул рукоять, и казанка помчалась по реке. Ветер сдувал мошку и угонял тяжёлые мысли, деревья стремительно проносились перед ним, ему стало легко. В нескольких километрах от его избушки Он встретил знакомых мужиков на двух лодках, они рыбачили на песчаной косе. Несмотря на позднее время, лагерь ещё не разбили, поэтому все легко собрались и поехали к нему в избушку.

По приезде они поторопились развести костёр и согреться, к ночи стало про-

хладно, с реки тянуло свежестью. Не мало времени потратили на поиск дров в лесу, ведь в его избе они никогда не готовились загодя, а сухостой близ избы давно был спилен. Затем расположились за столом, выполненном из привезённой фанеры, стоящем между избой и кострищем, и принялись за перекус.

Он предвкушал длинную ночь с весёлыми разговорами и крепкими напитками. Поначалу разговор не ладился: перекидывались фразами о работе и начальстве, о поездках через Урал на большую землю. Но после двух охапок подкинутых в костёр дров беседы стали горячее, фразы громче, смех сильнее.

Наконец, они так разговорились, что ему захотелось поделиться произошедшими с ним событиями. Рассказ, конечно, был юмористическим, Он добавил своим действиям решительности и не упомянул о слабостях. Но жар огня так разгорячил его, что Он, сам того не желая, взболтнул о маленькой избушке. Пришлось рассказать и о мыслях, посетивших его на хвойном бугре. Кто-то из мужиков отметил, что испытывал подобное после того, как однажды по пути на Волью заехал в заброшенную деревню местных. Кто-то вспомнил историю как тоже когда-то заблудился на берегах Вольи, пытаясь отыскать рыбное озеро. От подобных воспоминаний всем стало как-то не по себе. Решили пройтись к реке.

Солнце давно спряталось за противоположный берег реки, настал самый тёмный момент северной июльской ночи, когда сумерки приходят лишь на мгновение.

Двое решили покидать спиннинг, остальные стояли у лодок на берегу, весело разговаривали, перекрикивая комаров, сильно размахивая руками. Услышав шум мотора где-то то вверх по течению,

насторожились. Стали гадать, кто бы это мог быть. Он вспомнил, что утром вверх прошла одна лодка. Впрочем, долго им ждать не пришлось. Из-за поворота на быстром ходу вырулила лодка и причалила прямо к ним, а в ней сидели пять здоровых лбов. Молодёжь.

Так шумно, как этой июльской ночью, на Волье не было, наверное, уже год. Затяжные разговоры то и дело переходили в брань, а затем взрывались бешеным смехом, который, казалось, мог свалить вековые деревья. Бессмысленная музыка играла так громко, что её не перебил бы ни один водопад Приполярного Урала. Стеклобутылки вдребезги разлетались от вонзившихся в них ружейных патронов, вековые ели падали для растопки трескучего костра, полыхающего тысячами искр, земля побелела от разбросанных остатков сигарет, а горная Волья, укутанная едва заметным туманом, уносила чужой для тайги запах.

Голоса стихли, когда солнце выглянуло из-за еловых макушек. Он и его гости были словно врасплох застигнуты сном. Зашевелились к полудню, сели в лодки и уехали в посёлок, непременно цепляя моторами мель на «Сарадеях». Вот и вся рыбалка. Завтра на работу. Он покидал Волью довольным: Он давно хотел отдохнуть так весело, громко, несносно.

Лось последний раз наблюдал за тёплым солнцем, плавнодвигающемся вдоль горных хребтов. Он крепок и силён, но после роковой встречи жизнь его шла словно против небесного светила. Быстрые ноги, без труда ломавшие наст одиннадцать вёсен, больше не могли его нести. На окраине болота *Няр яный янклма* появилось багровое пятно. Оно расплзлось на древний мох, белые

цветки морошки, морщинистые её листья, уходило к её широкому ветвистому корню, отражалось в небе красным закатом.

Когда Он сошёл с лодки на берег поселковой пристани, выгрузил вещи и присвоенную шкуру, выбросил в Сосьву пахучего тайменя, лось уже не дышал.

Ему может быть сорок семь, а может быть двадцать четыре. Ему свойственны суровый томный взгляд или добрая улыбка. Он высокий и коренастый или среднего роста и худощавый, весёлый и разговорчивый или мрачный и молчаливый. Неугомонный от природы или медлительный с рождения. Заядлый рыбак или меткий охотник. Он приехал с «земли» недавно или так давно, что север стал ему родным...

Всепрощающий взгляд провожал рыбаков от устья Вольи. В роскошных одеждах, расшитых орнаментом и фарфоровым бисером, с длинными косами, звенящими как ручеёк, стояла стройная высокая красавица. То была Святая хозяйка мансийской реки Волья: *Воль-я Най Эква*. Она знает помыслы каждого, кто ступает на её землю, слышит каждое слово, прозвучавшее на её берегах. А Волья – её владетельная собственность. Робко взглянет хозяйка на запад; ведь под одним Небом живут, непременно и он всё видел... Туда, где над скалистыми холмами, густо покрытыми тайгой, вздымается высокая гора, а за ней – горная страна. У подножья той горы пасётся бесчисленное стадо белоснежных оленей, вершина той горы сияет вечными снегами, это дом Святого покровителя Урала *Воль-я-Талях-Нёр-Ойки*.

Красавица удаляется и запекает песню; песня её благозвучная, лёгкая, и... древняя. Хорошо слышна.

г. ХАНТЫ-МАНСКИЙСК